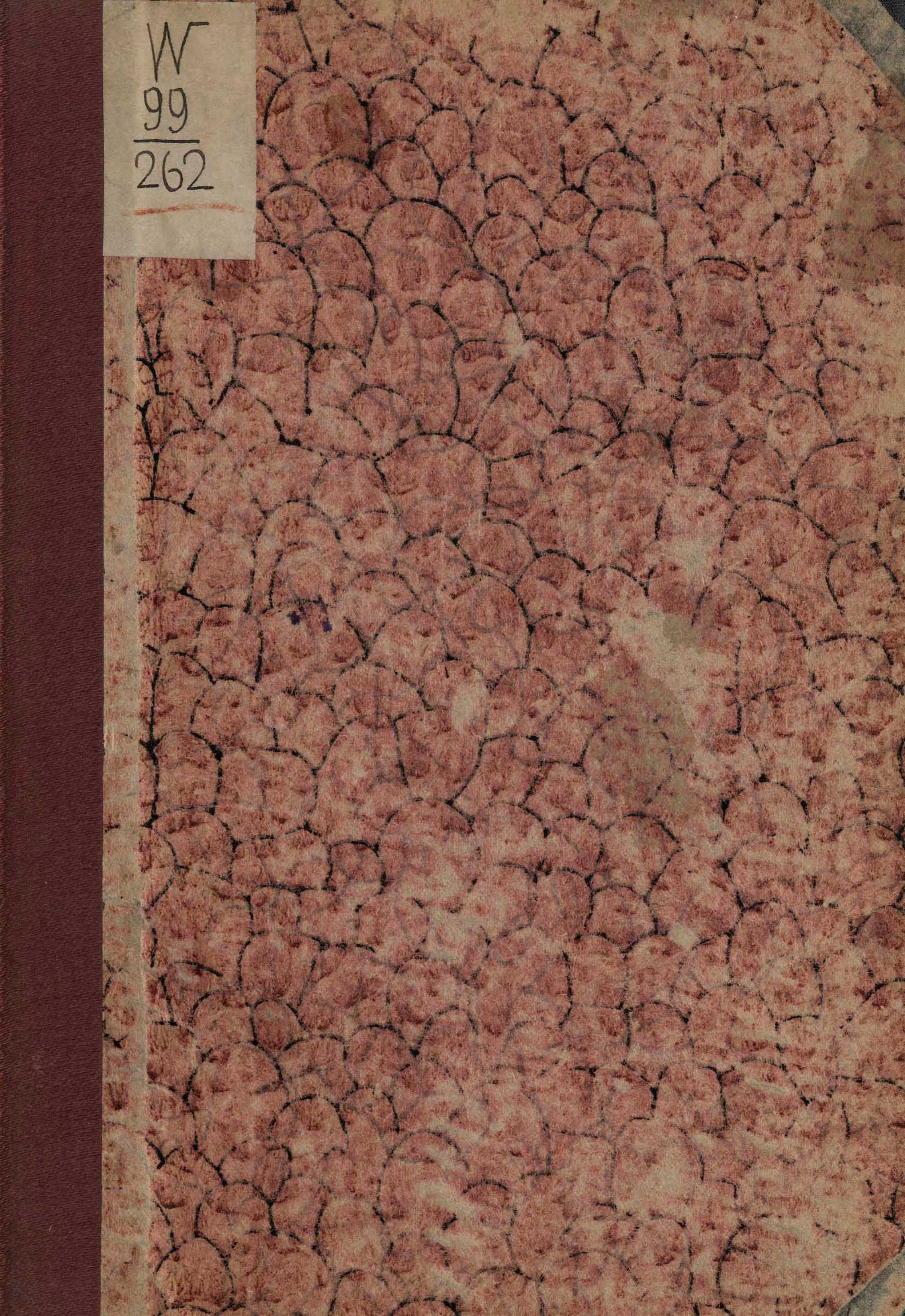

W
99
262

W 99
262

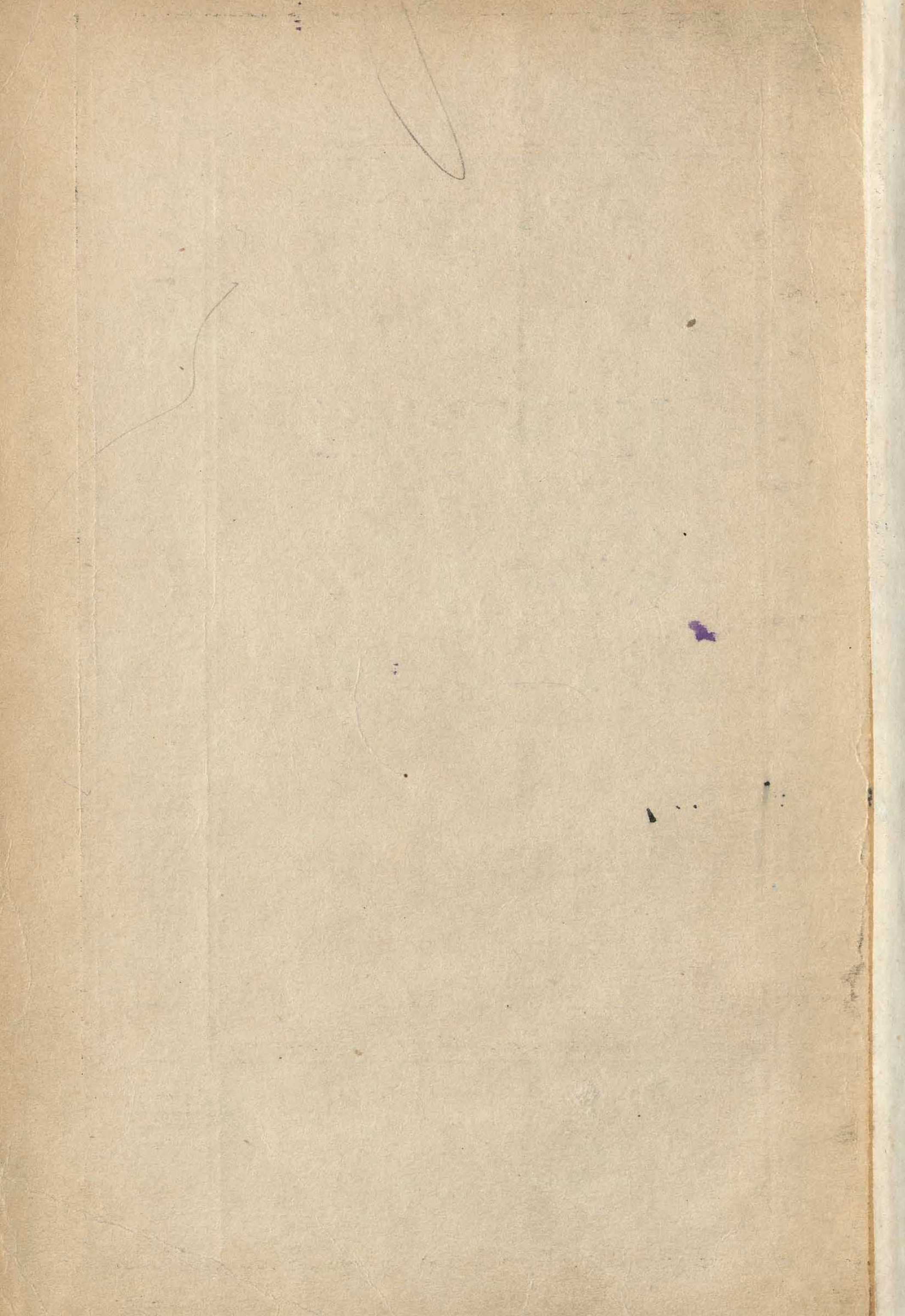
М. С. КОГАН

ИСТОРИЯ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В РОССИИ

ПРИБОЙ

Серг. Пожарский — 1927.

М. С. КОГАН

ИСТОРИЯ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ В РОССИИ

С предисловием
И. Л. РАБИНОВИЧА

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
ЛЕНИНГРАД

Ленинградский Гублит № 42638 Тираж 4.000 —17 л. Заказ № 1150

Государственная типография имени Евгении Соколовой, проспект Красных Командиров, 29

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДЭЛЯФРУЗ САИДОВНЕ
КАЗИЕВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Шахматы развиваются в настоящее время в различных направлениях. В некоторых странах развитие шахматной игры идет почти исключительно по линии совершенствования отдельных выдающихся шахматистов, при чем массе предоставляется лишь право „восторгаться“ достижениями своих мастеров. Мер, направленных к приобщению широких масс к шахматному искусству, во многих странах не только не принимается, но круг этих лиц даже сознательно суживается путем установления значительных членских взносов и большой входной платы; в качестве примера можно указать на последний нью-иоркский турнир, средняя посещаемость которого не превышала 200 чел., а в последний день снизилась до 50 лиц.

Совершенно иную картину представляет развитие шахматной игры в СССР. Не уступая „загранице“ в смысле грандиозности состязаний, шахматы в СССР развиваются не только „вглубь“, но и „вширь“. Соревнования приобретают у нас массовый характер: состязания с тысячей участников стали в СССР обычным явлением. Многочисленная сеть кружков, с правильно поставленными занятиями, способствует поднятию квалификации рядовых шахматистов. В настоящее время можно только с улыбкой вспомнить возражения отдельных лиц, что рост „вширь“ пагубно отразиться на росте „вглубь“. Напротив, рост запросов в широкой массе ставит перед квалифицированными шахматистами всё более серьезные и ответственные задачи и будит их к совершенствованию.

Более того, мы можем теперь констатировать, что благодаря вышеуказанным обстоятельствам и самое содержание шахмат расширяется. Нас теперь интересует не только практическая турнирная игра или то, что способствует повышению качества партий, как, напр., турнирные сборники, ана-

лизы, теоретические исследования, руководства и т. п. Растет интерес и к таким областям, которые не имеют непосредственного отношения к повышению турнирной квалификации. С большим интересом относится, напр., широкая масса к этюдному и задачному искусству, многие безвозмездно отдают свои силы для оживления и упорядочения жизни шахматных кружков. Крепнет связь отдельных организаций между собой.

Далеко не последнее место занимает и пробудившийся интерес к истории шахматной игры, при чем ставится вопрос не только об истории развития шахматного искусства, но заинтересовывает также вопрос о распространении шахмат в той или иной социальной среде, вопрос о влиянии шахмат на быт и характер человека и т. п. Доказательством может служить, напр., программа Высших Шахматных Курсов Ленинградского Губпрофсовета (1926 г.), где, на-ряду с такими предметами, как дебют, середина игры и эндшпиль, большое внимание было уделено также истории шахмат, этюдному и задачному искусству и организационной стороне шахматных клубов.

Предлагаемый труд М. С. Когана приподымает завесу над областью, почти совершенно неизвестной рядовому читателю-шахматисту. Нужно отметить, что автор затратил много усилий на собирание разрозненных по отдельным трудам материалов, их критическую поверку и на выявление типичных черт, свойственных той или иной исторической эпохе. Насколько трудна эта задача, видно из того, что даже в настоящее время учет жизни шахматных кружков не стоит на высоте, несмотря на большое количество „регистрирующих“ учреждений, отчеты в специальных шахматных журналах и освещение шахматной жизни в периодической прессе.

Затраченные автором усилия не пропали даром: результатом его исследований явился настоящий труд, освещающий как раз те стороны развития шахматной жизни, которые до сих пор почти не затрагивались в шахматной литературе. Предлагаемая книга, несомненно, значительно будет содействовать расширению кругозора всех шахматистов-практиков, внимание которых было до сих пор направлено исключительно в сторону повышения техники игры.

И. Рабинович.

ОТ АВТОРА.

За последние годы среди самых широких масс населения наблюдается огромный интерес к шахматной игре, естественно, вызывающий потребность в шахматной литературе. Появлением многочисленных трудов, как руководств общего характера, так и работ, посвященных разработке отдельных дебютов, в значительной степени удовлетворялось стремление к изучению шахматной игры. Однако, среди вышедшей литературы совершенно отсутствуют работы, посвященные истории развития русского шахматного исскуства. Западноевропейская литература ушла далеко вперед. Не говоря уже о фундаментальных трудах Линде, изучению истории шахматной игры были посвящены работы фон-дер-Лаза, исторические очерки в „*Handbuch'e*“ Бильгера, Бахмана (кстати сказать, переведенного на русский язык) и др., при чем во всех упомянутых трудах истории шахматной игры в России отводится буквально несколько строк. Более того, в Западной Европе выходят отдельные монографии, посвященные шахматному творчеству Морфи, Андерсена и др. У нас же в этой области ничего или почти ничего не сделано. Нет не только подготовительных работ по истории развития шахматной игры в России, но даже самые материалы рассеяны по различным журналам.

Впервые пытался систематизировать отрывочные сведения М. Гоняев, который приложил статью „Очерк истории и литературы шахматной игры“ к своему переводу весьма посредственного немецкого учебника А. Гебелера „Правила шахматной игры между двумя, тремя и четырьмя игроками“ (Елисаветград, 1875 г.). Статья эта—компиляция книги Форбса „История шахмат“ (1866 г.), а глава, посвященная шахматам в России, настолько отрывочна, что не дает нам никакого представления об истории шахмат в России. Впрочем, и сам автор отнесся к ней критически и даже не подписал ее своим

именем. Немного позже, составляя библиографию шахмат в России для „Шахматного Листка“, Гоняев приписал составление этой статьи перу „русского любителя“ и отмечал, что „глава о шахматах в России заключает в себе не лишенные интереса, но крайне скудные и отрывочные данные“.

В 1892 году в журнале „Шахматное Обозрение“, а еще ранее в „Радуге“ в статье С. Сорокина даются выписки, собранные с большим трудолюбием из различных журналов, мемуаров, исторических исследований и источников. Статья С. Сорокина, по всей вероятности, послужила материалом для довольно обстоятельного очерка Е. А. Зноско-Боровского „Шахматы в России“, помещенной в „Сборнике IV Всероссийского шахматного турнира“ (1907 г.), не дающего, однако, связной истории шахматной игры в России.

Чем объяснить такое „игнорирование“ историей шахматного искусства в России? Основная причина в том, что для истории шахматной игры в России до первой половины XIX в. испытывается полнейший недостаток материалов, а разбросанность уже изданных материалов по различным периодическим шахматным журналам дореволюционного времени, мало доступных широкой публике, еще более затрудняет эту задачу.

Мы пытаемся дать впервые историю шахматной игры в России с древнейших времен, т.-е. с момента ее проникновения в древнюю Русь, доводя изложение до самого последнего времени. Насколько удалось дать историю русского шахматного искусства, судить, конечно, не автору. С своей стороны, мы будем очень благодарны критике, которая укажет на дефекты в нашей работе. Здесь считаем необходимым предупредить читателя, что приводимые в книге примерные партии отдельных игроков, а также несколько задач, имеют, конечно, только исторический интерес.

В заключение считаем приятным долгом выразить искреннюю благодарность лицам, в той или иной степени оказавшим нам содействие в работе: С. О. Вайнштейну, Л. Л. Домгеру, А. И. Заозерскому, С. М. Казиеву, И. А. Кубасову, акад. Н. К. Никольскому, А. А. Петрову, акад. С. Ф. Платонову и И. Л. Рабиновичу.

Автор.

Глава I.

Время и способ проникновения шахмат в Россию.

При изложении вопроса о проникновении шахматной игры в Россию нам приходится встречаться с большими трудностями. Вся беда заключается в том, что у нас нет прямых указаний на время и даже способ проникновения к нам шахмат. Достаточно указать, что одни исследователи считают время проникновения шахмат в Россию — XII в., а другие даже сомневаются в том, что у нас шахматы появились в XVII в.

Уже в 40-х годах прошлого столетия русский шахматист Яниш в специальной статье, посвященной происхождению шахматной игры в России и напечатанной им во французском журнале „Palamède" за 1852 г. под заглавием "Linguistique de l'échiquier russe", высказал предположение, что шахматы проникли к нам с Востока. Яниш вполне правильно подошел к разрешению вопроса с филологической стороны. Шахматы, занесенные арабами в Европу, подверглись там существенным изменениям. Это изменение коснулось не только правил игры, но и названия шахматных фигур. Так, первоначальное персидское обозначение ферзя — ferz, означавшее главнокомандующего, на Западе постепенно превратилось в даму — королеву, а именно ferz, fercia, fierce, fierche, vierge — дева, которая позже была заменена дамой, название, принятое в западно-европейской шахматной терминологии. А между тем, лишь у нас персидское ferz сохранило свое первоначальное название. О ладье нам придется говорить ниже, но точно такая же эволюция, как с ферзем, произошла и со слоном — по-арабски al fil, который у французов превратился в le fil и далее le fou. Таким образом, и эта фигура сохранила свое первоначальное название только в России. Но

особенно интересно сохранение у нас названия самой игры— шахматы. Этого слова мы не находим ни в одном языке. Любопытно известие о нем иностранца, еще в XVII в., профессора Оксфордского университета Томаса Гайда, который, приводя названия шахматной игры у некоторых народов, так писал о русском названии (приводим в переводе с латинского): „Русские, или московиты, когда называют эту игру, ставят на конце слова мат (mati), так что вся эта игра зовется шахматы (schachmati). Это наименование заимствовано от того выражения, каким обычно заканчивается эта игра“ (sumpta totius denominatione a formulla illa, qua quisque schachorum ludus finiri solet). Для большей ясности приведем наименования этой игры в западно-европейских странах, употреблявшиеся до середины XVI в., впрочем, сохранивших их почти и до сего времени: Англия — chess, Франция — échecs, Германия — schachzabel (Верхняя Германия), schaakspel (Нижняя Германия), Италия — scacchi, Испания — axedrez. Таким образом, мы видим, что только русское наименование шахматной игры по своему словосочетанию яснее всего указывает на проникновение шахмат с Востока.

При изложении вопроса о возможности проникновения к нам шахмат не с Востока, а с Запада, нам твердо следует запомнить лингвистические указания, что наименования как самой игры, так и некоторых фигур русские могли заимствовать с Востока, а не с Запада, где названия фигур, как известно, потеряли свое первоначальное наименование. Совершенно справедливо поэтому признать, что шахматная игра к нам проникла не с Запада, а непосредственно с Востока.

Яниш склонен видеть именно в татарах посредников, занесших шахматы в древнюю Русь при ее покорении. Татары, по мнению Яниша, уже были знакомы с этой игрой, позаимствовав ее от персов. Эта гипотеза имеет свои некоторые основания, как будет видно из дальнейшего. Однако, Яниш не подкрепляет ее никакими существенными фактами. Несомненно только, что он совершенно правильно указал на восточное проникновение к нам шахматной игры.

Предположение о заимствовании русскими шахматной игры от татар не встретило сочувствия со стороны лиц, интересовавшихся этим вопросом. С. Сорокин высказывается

против этого предположения, указывая на то, что отношение татар к русским было официальное; кроме того, они были народом негостеприимным. Однако, и официальное и даже враждебное отношение народов друг к другу не может отразиться на заимствовании шахматной игры русских от татар. Очень показательным примером в этом отношении является проникновение шахмат в Европу через арабов. Известно, что арабы, завоевавшие Пиренейский полуостров, находились во враждебных отношениях с местным населением, что не помешало все-таки распространению шахматной игры по всему полуострову и даже по Европе. Отрицая за татарами роль первых „наших учителей“ в шахматах, С. Сорокин высказывает предположение о заимствовании нами игры из Византии через сербов и болгар, которые часто наезжали в Россию из Византии после принятия первой христианства. К сожалению, С. Сорокин очень мало развивает свою теорию, ограничиваясь указанием лишь на то, что древняя Русь вела оживленные сношения с Византией.

Первое известие о шахматной игре в Византии относится к 1140 г.; Анна Комнен в жизнеописании своего отца, императора Алексея, в так называемой „Алексиаде“, упоминает, что он нередко играл в шахматы со своими приближенными. Торговые отношения древней Руси с Византией, которые могли способствовать хотя бы случайному занесению русскими купцами шахматной игры из Византии к себе на родину, нам известны по сохранившимся сведениям арабского писателя Ибн-Хордадбе (IX в.), в особенности же по дошедшим до нас русско-византийским договорам, которые были заключены в X в. и о которых также сообщает начальная летопись. Русские были известны Византии уже давно по тем набегам, которые производили русские князья на Византию. Русско-византийские договоры, явившиеся, вероятно, результатом этих походов, рисуют нам, что в начале X в. русско-византийская торговля была уже значительна. Однако, следует заметить, что число русских купцов не было велико. С другой стороны, следует заметить, что они не входили в самый город, так как византийское правительство с недоверием относилось к воинственным купцам. Русские, по прибытии, поселялись в специально для них отведенном предместьи, где и оставались по несколько месяцев. Входить в город они

могли группами не более как 50 человек. Помимо этого, их должен был сопровождать византийский чиновник. В числе других ограничений следует отметить ограничения в праве подолгу жить, а позднее было даже запрещено зимовать. Таким образом, мы видим, что несмотря на оживленные торговые отношения, личное общение русских с византийцами было весьма ограничено и, следовательно, допускает нас предполагать, что шахматная игра, которая вообще могла быть заимствована только путем тесного общения народов, хотя бы это общение и выражалось в форме победителей и побежденных, как на примере арабов в Испании, передавших побежденной стране шахматную игру, — вряд ли могла быть заимствована русскими купцами из Византии.

Следует также принять во внимание немаловажное известие о проникновении шахматной игры в Византию, о котором упоминает в „Алексиаде" Анна Комнен; она указывает, что Византия получила эту игру из Ассирии, в то время находящейся в руках арабов. Немецкий историк Линде, не без основания, склонен предполагать, что если Анна считает нужным в жизнеописаниях своего отца пояснить, откуда проникли шахматы, то шахматная игра лишь недавно появилась в Византии, т.-е. в царствование Алексея (1081 — 1118). Таким образом, в период наиболее оживленных торговых отношений Руси с Византией шахматы, вероятно, еще не были известны последней.

Также мало состоятельно утверждение С. Сорокина, что с шахматами нас познакомили сербы и болгары, которые являлись у нас частыми гостями из Византии, особенно с принятием христианства в конце X в.

Конечно, связь славян, особенно болгар с русскими, по принятии последними христиинства, не подлежит сомнению. Болгарская переводная литература, вследствие близости русского и болгарского языков, очень быстро проникает к нам, по принятии христианства. В Киевскую Русь наезжает много болгарских духовных лиц, которые являлись первыми учителями в деле распространения духовного просвещения. Однако, этот религиозный характер отношений как раз и является препятствием для принятия утверждения С. Сорокина, что именно болгары познакомили русских с шахматным искусством.

Дело в том, что согласно 50-му правилу VI вселенского собора запрещалось, как духовенству, так и мирянам, всякая игра.

Это правило вместе с другими актами церковного права переведены были у нас и известны под названием „Первоначальный славяно-русский номаканон“. Этот сборник, переведенный у нас, вероятно, при Ярославе I, издан проф. В. Н. Бенешевичем: „Древне-славянская кормчая XIV титл. без толкований (Спб. 1906)“. Славянский перевод приведенного в этом сборнике 50-го правила VI вселенского собора следующий: „Ни единому же от всех или от клирик, или от простец сигами лекъм играти отселе аще ли кто явиться таковое деяеше клирик будеть. Аще ли простец да отлучен будеть“. В тесной связи с этим постановлением о запрещении игры в кости (леки) под угрозой отлучения от церкви стоит 42-ое апостольское правило: „Епископ ли поп, ли дьякон сигами играя, ли упиваяся, ли да останеться, ли да извержен будеть“.

Распространение шахмат в Европе заставило толкователей кормчей книги включить в нее и эту игру. Приближенный Алексея Комнена, сначала начальник телохранителей его, а впоследствии монах, Зонар дал соответствующее в этом смысле толкование 50-го правила VI вселенского собора. Сербским архиепископом Саввою в 1262 году был прислан киевскому митрополиту Кириллу II список сербской кормчей книги, переведенной с греческого языка, в котором уже имелось толкование Зонара о шахматах.

Переведенное на славянский язык 50-ое правило с толкованием Зонара уже гласило так: „Епископом и клириком всем утешение всех и добродетели быти подобает и первообразное, и раздражение благодеянию; понеже и от сих есть неким уклонятися от доброго, или шахмати, или зернию играть или упиватися, повелевает правило престати или отлучатися таковым, или убо епископом и презвитором, и диаконом, и поддиаконом же, и чтецем, и певцем; и аще не престанут изверзатися; или убо и мирским человеком шахмати и пьянстве упражняющеся, отлучитеся“.

Таким образом, здесь перед нами документ, категорически запрещающий всем без исключения игру в шахматы.

Поэтому, принимая во внимание, во-первых, что шахматная игра христианской церковью была запрещена в Византии, что сербы и болгары являлись первыми и главными распространителями христианства в России — во-вторых, — можно категорически утверждать, что болгары и сербы никак не могли занести в Россию шахматную игру, осужденную церковью.

Теперь обратимся к вопросу о возможности проникновения шахматного искусства с Запада. Защитником „западной“ теории является И. Чарин, который в „Шахматном Листке“ за 1877 г. пытался доказать, что шахматы проникли в Россию через тевтонских рыцарей. Однако, свое предположение И. Чарин доказывает только тем, что рыцари были очень образованным народом и получили превосходное воспитание. Это предположение не подкрепляется фактами, а предлагается быть принятым на веру. Впрочем, и сам автор, вероятно, видя шаткость своего предположения, несколькими строками ниже предлагает очень любопытную и, во всяком случае, заслуживающую внимания гипотезу о возможности проникновения шахматной игры различными путями. И. Чарин подразделяет все местности России на пять групп: 1) Малороссия, Новороссия и Бессарабия; 2) Польша и Остзейский край; 3) Крым и восточные губернии; 4) центральные и северные губернии, и 5) Северо-Западная область. Очевидно, что шахматы в Малороссию скорее всего могли проникнуть из Польши, с которой она в течение долгих лет тесно соприкасалась. Можно с некоторыми оговорками присоединиться к мнению И. Чарина, что проникновение шахматной игры в Россию шло различными путями, а именно: с Запада — из Польши, от тевтонских рыцарей (маловероятное предположение) и с Востока — от татар. Однако, деление И. Чарина предполагает Россию ему современную, мы же имеем в виду Русь того времени, когда впервые проникли в нее шахматы.

Наконец, приведем мнение относительно времени и способа проникновения шахмат иностранных исследователей. К сожалению, следует отметить их пристрастность, в особенности известного историка шахматной игры Линде.

У Линде мы почти ничего не находим о России, хотя „История“ его состоит из 2 фундаментальных томов.

России он касается в том случае, если ему приходится встречаться с известием какого-либо иностранца XVI—XVII вв. о России, который упоминает об умении русских играть в шахматы. Известное свидетельство Олеария он считает неверным и присоединяется к мнению редактора „Baltische Schachblätter“, Фр. Амелунга, который предполагает, что Олеарий принял за шахматы шашки. Но еще более характерен для Линде другой факт. Приведя в своей книге польское письмо 1581 г., заимствованное им из шахматного руководства Густава Селена 1616 г., о том, что русские очень искусны в шахматной игре, Линде называет это „некомпетентное мнение“ „чисто варварским“.

Считая, что русские заимствовали шахматную игру из Азии (как видим, довольно неопределенное предположение, ничего по существу не говорящее), Линде присоединяется к мнению Ф. Амелунга, считающего, что знакомство с шахматами в России для XVII в. можно считать вероятным, но не доказанным с достоверностью. Мы воздерживаемся от комментариев, так как ниже нами будет указано время *проникновения к нам шахмат*, а в следующей главе мы остановимся на развитии шахматного искусства в Московском государстве. На основании исторических памятников, как русских, так и иностранных, нами будет доказано широкое распространение шахмат в Московской Руси.

Едва ли, мы думаем, стòит останавливаться на сообщении некоего корреспондента, скрывшегося под псевдонимом „Ursus maior“ — английского шахматного журнала „British Chess *Magazine*“, утверждавшего, что русские ознакомились с игрой через иезуитов (?).

Остальные иностранные исследователи (Ф. Лаза, Вебер и др.) повторяют довольно дружно мнение Линде.

Из всех рассмотренных нами предположений наиболее приближается к истине гипотеза, что с шахматной игрой русских познакомили татары. Как раз в установленный нами ниже период времени, когда шахматы появились в России, произошло нашествие татар. Зависимость русских княжеств от татар привела к непосредственному соприкосновению русских с татарами. После погрома Батыя, а затем постоянных набегов татарских отрядов, усмирения народных волнений, русско-татарские отношения входят в некоторую

норму. При Александре Невском организуется „татарское иго“. Признается власть хана над Русью, который раздает ханские ярлыки на право владения княжеским престолом. За ярлыками приходилось ехать к хану в Золотую Орду. Князья вообще были частыми гостями Золотой Орды, которая являлась как бы посредниками между Русью и татарами. Татары же были довольно искусными игроками и хорошо знакомы с шахматной игрой, как и большинство восточных народов. Известно, что Тимур, татарский хан, был большим любителем шахматного искусства. Его партнером был известный в то время персидский шахматист и даже композитор задач Али Шатранджи. Другим партнером Тимура был Аладин, который отличался искусством играть очень быстро, почти не задумываясь над ходом. Любовь к шахматам у Тимура простиралась так далеко, что он в память одержанной победы дал своему сыну имя Шахрух, а вновь построенный город назвал Шахрухия.

Взаимоотношения победителей и побежденных не могут служить препятствием для передачи шахматного искусства первыми вторым. Факт передачи шахматной игры победителей - арабов побежденным - испанцам может служить подтверждением, что взаимоотношения татар и русских не исключали возможности заимствования русскими шахмат от татар.

Конечно, можно еще предположить, что русские получили шахматную игру и название ее непосредственно от арабов, с которыми они вели торговые операции. Арабские купцы в первой половине X в. даже наезжали в Киев, вероятно, в Новгород и даже на Запад. Однако, эти поездки носили случайный характер, и арабские писатели в один голос утверждают, что их купцы не осмеливались ездить к русам, так как русы убивают их купцов. Место встреч обоих народов была хозарская столица на Волге — Итиль. Характер взаимоотношений русов и арабов в X в. вряд ли способствовал передаче шахматной игры образованными арабами дикому племени русов.

Названия шахматных фигур, как уже было указано, также определенно указывают на заимствование шахмат с Востока. Нам неизвестна шахматная терминология татар. Однако, названия русских фигур и самой игры — шахматы —

говорят за то, что татары могли передать их русским от арабов. Неясно только название крайней угловой фигуры — ладьи. Ал. Бируни, арабский писатель, написал историю Индии, где он долгое время жил и основательно усвоил санскритский язык. Одна глава посвящена шахматам, где помещена диаграмма чатуранги (индийская военная игра), т.-е. родоначальницы шахмат, в которую вписаны названия фигур по-арабски, и, между прочим, угловая фигура, названная у него rukh, именуется в санскритском тексте, описывающем расположение фигур в чатуранге, nauka, т.-е. лодка, ладья. Каким же образом это древнейшее и первоначальное название фигуры могло попасть в русскую шахматную терминологию?

Поразительнее всего то, что точно такое же название осталось у некоторых островитян: сиамское — rüa, явайское — prahu соответствуют нашей ладье. Может ли речь здесь итти о непосредственном заимствовании из Индии? Быть-может, монголы, в эпоху своего могущества державшие в своем подчинении земли от Индии до Китая, и могли непосредственно передать это название русским, которые и сохранили его в своей шахматной терминологии, так как название ладья было им ближе rukh'а — колесницы. Ладья являлась в древнее время наиболее распространенным средством передвижения по рекам.

Обратимся теперь к второму основному вопросу: о времени проникновения шахмат в Россию. Если нам не представляется возможным точно установить время появления у нас шахмат, то, во всяком случае, попытаемся установить их приблизительное появление. Для этого нам опять приходится обращаться к памятникам древне-русской письменности.

Выше мы уже цитировали 50-ое правило вселенского собора с толкованием Зонара о запрещении шахматной игры. Список кормчей книги, в котором помещено это правило, относится к 1282 г. Помимо этого сообщения о шахматной игре, в той же кормчей находится статья под заглавием „Свиток законьный“, в котором также есть запрещение игры в шахматы.

Таким образом, в конце XIII в. уже появляются сведения о шахматной игре. Нам могут возразить, что упоминание

о шахматах в кормчей может лишь служить доказательством существования шахматной игры в Византии, так как кормчая книга была переведена с болгарского, а эта последняя с греческого. Однако, то обстоятельство, что русский переводчик кормчей употребил в списке 1282 г. слово „шахмати", в то время как по кормчей название игры — satrikion, уже указывает на знакомство русских с этой игрой.

С другой стороны, в одном поучении Новгородского архиепископа Ильи (Иоанна), относящемся к 1166 г., мы встречаемся только с запрещением игры в „лики", т.-е. кости. („И еще друзии лики играют, и всего того святии апостоли и святии отци возбраняють..."). Итак, по нашему мнению, шахматная игра делается знакомой русским в промежутке от конца XII в. до конца XIII в.

Одновременно с передачей русским шахматной игры татары распространили ее и среди азиатских племен, живших по соседству с русскими. Более того, мы можем определенно сказать, что монголы распространили шахматную игру среди всех покоренных ими народов. Это подтверждается и позднейшими известиями. У английского путешественника Кохрэна, посетившего Россию и Сибирь, мы читаем: „Я должен отметить одно обстоятельство, касающееся игры в шахматы, неоднократно меня поражавшее, что как только какой-либо народ их (шахматы) знает, он неизменно оказывается азиатом. Ни чукчи ни коряки не имеют о них никакого представления, но камчадалы и другие азиаты очень хорошо знакомы".

Другой путешественник Паллас пишет: „В зимнее время игра в шахматы составляет всеобщее времяпровождение калмыков. Многие из них, особенно лица духовного звания, очень искусны в шахматной игре, и эта восточного происхождения игра процветает по всей Монголии. В ней они следуют общепринятым правилам, за исключением того, что в первый ход выступают тремя шашками сразу. Когда мы объявляем шах, они говорят шат или шт, а самую игру называют шатерэ; мат же произносят так же, как и мы".

Название фигур у калмыков в значительной степени помогает уяснению вопроса о русской шахматной терминологии. Названия фигур у калмыков следующие: король — хан, ферзь — берсень (богатырь), слон — тэмэн (верблюд),

конь — мюрюн (конь), ладья — тэргют (телега), пешка — кевунь (мальчик).

Обозначение фигуры у калмыков вполне соответствует их образу жизни и быту. Верблюд, телега — являются главнейшими предметами в обиходе калмыков. Поэтому для нас понятно, что наша ладья соответствует калмыцкой телеге. Если подвергнуть обследованию шахматную игру у азиатских народов, то мы, вероятно, заметим, что названия шахматных фигур будут у них соответствовать главнейшим предметам их бытовой жизни.

Если же мы обратимся к шахматной терминологии тех народов, которые по своему языку наиболее близки к арабам, то заметим почти полное сохранение арабского названия фигур. Так, шахматная терминология у узбеков наиболее сходна с арабской. Например: шахматы — по-арабски шатрандж, по-узбекски сатран, король—шах – одинаково у арабов и узбеков, ферзь — фирсан (араб.), фарзин (узб.), слон — филь — одинаково у арабов и узбеков, ладья — рух — одинаково по-узбекски и по-арабски; несколько отлично слово мат (по-узбекски — мот), а шах по-узбекски — кишть.

Итак, резюмируя вышеизложенное, повторим, что шахматная игра заимствована русскими у татар приблизительно в середине XIII века. Русские получили игру несколько отличающуюся от европейской, что подтверждается правилами шахматной игры у азиатских народов, получивших, как и русские, шахматы от татар.

Глава II.

Шахматы в Московском государстве.

В предыдущей главе нами было установлено, что шахматная игра проникла к нам от татар, хорошо знакомых уже с ней, как и все монгольские племена, у которых и до сего времени шахматы являются наиболее популярным развлечением.

Зависимость древней Руси от татар и непосредственное соприкосновение с ними, весьма вероятно, много способствовало распространению шахматной игры среди русского населения. Конечно, не следует преувеличивать размеров развития шахматной игры в Московском государстве, однако, есть данные утверждать о популярности этой игры не только среди русских царей и бояр, но и среди массы населения.

Признав за татарами первых шахматных учителей русских, следует отметить, что дальнейшее развитие шахматного искусства у нас связывается с развитием в XV веке культурных и торговых связей Москвы с иностранцами.

Иностранцы до XV в. почти ничего не знали о Московии; случайные путешественники рассказывали о необычайном богатстве неведомой до того времени Москвы. Предприимчивые иностранцы ринулись туда как по собственной инициативе, так и по приглашению московского правительства в качестве специалистов по различным отраслям прикладных искусств.

В 1489 г. отправляется уже русское посольство в Западную Европу во главе с Юрием Траханиотом. В следующем году русскими послами к папе были привезены из Италии и других стран иностранцы-специалисты по военному делу и др. Наплыв иностранцев был так велик, что в XV в. они были выселены за Москву-реку. Чтобы получить возможность выгоднее устроиться, иноземцы переходили в пра-

вославную веру, после чего следовало и полное обрусение. Отметим, что в большом количестве обрусели и татары, приезжавшие на службу к московскому князю.

Эта непосредственная связь русских с иностранцами способствовала еще большему развитию шахматной игры в Московском государстве. В Западной Европе не только шахматы, но и шахматная литература получает широкое распространение, особенно с введением книгопечатания. Главным образом шахматы пользуются популярностью в Испании и Италии, которые дали лучших игроков того времени и наиболее ценные руководства по шахматной игре. А итальянцы в значительном количестве переселились в Москву в качестве чеканщиков монет, пушечных литейщиков и архитекторов. По приглашению Ивана III в Москву приезжает со своими соотечественниками архитектор Аристотель Фиоравенти, который воздвигает Успенский собор, чеканит монету, льет пушки и т. д.

Знакомство русских с „европейской“ шахматной игрой привело к постепенному заимствованию европейских правил в русской шахматной игре. В Западной Европе еще к концу XV в. шахматы в значительной степени отличались от современных нам, и только в середине XVI в. шахматная игра введением рокировки окончательно завершила свое развитие. Конечно, в Московское государство эти правила проникли позднее, тем более, что и в Западной Европе широкая масса населения долгое время еще играла по старым правилам.

По отзывам иностранцев, русские хорошо усвоили шахматную игру и играли весьма недурно. Так, в шахматном руководстве начала XVII в. Густава Селена[1] „Das Schach oder König Spiel etc.“ (1616 г.) автор приводит польское письмо (1581 г.), в котором указывается, что „русские, или московиты, играют в шахматы очень остроумно и с большим прилежанием, и в этой самой игре они так искусны, что, по моему мнению, другие народы нелегко с ними могут равняться“. Через сто с лишним лет французская „Летопись круглого стола“ Тушар-Лафосса отмечает, что в 1685 г. к Людовику XIV прибыло московское посольство, состоящее

---

[1] Густав Селен — герцог Август Брауншвейг-Люнебургский (1579—1666).

из двух знатных бояр, со свитою в 50 человек. „Эти русские превосходно играют в шахматы; наши лучшие игроки перед ними школьники“. Если мы и допустим здесь, что французская „Летопись“ допускает некоторое преувеличение, то все-таки следует отметить факт успешного состязания русских игроков с иностранцами.

О распространенности шахматной игры в Москве и о силе русских игроков неоднократно отмечают иностранцы, посещавшие Московию. Приведем хотя бы свидетельство Олеария, оставившего нам „Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 годах“.

„Чай-Китай-Хане: это такая харчевня, в которой пьют иностранцы теплую воду... Попивая этот напиток, персияне играют здесь в шашки или же в шахматы. В игре этой они искуснее даже русских игроков, также хороших“.

К этому времени впервые мы знакомимся с указанием на шахматную терминологию у русских, совершенно отличную от западно-европейской. Профессор Оскфордского университета Томас Гайд в XVII в. отмечает, на-ряду с терминологией западно-европейской, русскую: во-первых, само название игры — шахматы, во-вторых, название фигур — царь, королевна, краля, ладья, слон и т. д., сохранившие свои названия и до сего времени. Кое-какие любопытные изменения в шахматной терминологии произошли в XVIII в., но об этом мы упомянем в главе, посвященной шахматной игре в XVIII в.

Теперь обратимся к тем памятникам русской истории, которые нам конкретно указывают на отдельных лиц, знакомых с шахматной игрой. Хронологически первым таким шахматистом отмечается царь Иван IV Грозный, об игре которого имеется ценное указание англичанина Джерома Горсея, оставившего нам „Записки о Московии XVI века“. Д. Горсей, будучи в Москве агентом лондонской торговой компании, сблизился со многими боярами и приближенными русского царя.

Его описание последних минут царя цитировалось русскими историками (Карамзиным, Соловьевым и др.), как наиболее достоверное. В своих „Записках“ Горсей рассказывает, как Иван Грозный незадолго до смерти приказал своему любимцу Родиону Биркину принести шахматный стол и сам стал расставлять фигуры, при чем Горсей в примеча-

нии указывает, что „одного шахматного короля ему никак не удавалось поставить на свое место, тогда как другие шахматы были уже все расставлены“. Приближенные царя окружили шахматный столик, как вдруг он ослабел и упал навзничь.

Вероятнее всего, что свидетельство Дж. Горсея послужило материалом для А. К. Толстого в его трагедии „Смерть Иоанна Грозного“, где царь умирает за шахматной партией с боярином Бельским.

Одним из постоянных партнеров Ивана IV был его любимец Малюта Скуратов. Но не подлежит сомнению, что и другие бояре были знакомы с этой игрой, хотя бы для того, чтобы проигрывать Грозному.

Далее мы встречаемся уже с именами многих бояр, которые для своего времени совсем недурно играли в шахматы. Польский король Сигизмунд, во время своего пребывания в стане Лжедимитрия II, нередко играл в шахматы с русскими боярами: Мих. Глеб. Салтыковым, Фед. Иван. Мстиславским, Ив. Куракиным. Лучшим игроком считался Салтыков, которому Сигизмунд проиграл изрядную сумму денег; не отличаясь особой щедростью, польский король вместо проигранной суммы приказал боярской думе возвратить Салтыковым отобранные у них поместья и выбрать в Москве лучшие дома.

Можно предполагать, что русские цари и после Грозного умели играть в шахматы. В „Описи платья и всякой казны времени царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, Василия Шуйского“ мы встречаемся с любопытными известиями об имеющемся шахматном инвентаре у этих царей. „В лагалище песочные часы серебрены. Трои шахматы“, „шахматы хрустальные“, „шахматы каменные донца серебрены золочены“.

При Алексее Михайловиче наступает „расцвет“ шахматной игры. Никогда в Московском государстве эта игра не была так распространена, как в это время. Конечно, мы не можем принять свидетельства одного иностранца (Я. Рейтенфельса), рассказывающего, что почти все время старики и дети на улицах и площадях Москвы играют в шахматы. Рейтенфельс, вероятно, спутал шахматы с шашками (тавлеи — как они тогда назывались), игрой, ставшей впоследствии

национальной у русских и получившей большое распространение среди широких народных масс[1].

Все-таки шахматы являются наиболее приятным времяпрепровождением не только русских царей и бояр, но и простого народа.

При царе Федоре Алексеевиче очень хорошо играл в шахматы думный дворянин Леонтий Тяпкин. Будучи в Варшаве представителем московского правительства, Тяпкин должен был ехать в Краков на коронацию Яна Собесского, однако, рассеянный образ жизни и кутежи, которым он предавался, подорвали его материальное благополучие до такой степени, что ему не хватило денег на поездку в Краков. Один из его приятелей посоветовал ему сыграть в шахматы с приближенным Яна Собесского и страстным шахматистом графом Людвиговским. Тяпкин принял предложение, и шахматисты играли целые сутки, в результате чего Тяпкин выиграл 30 тысяч (!) десятин земли. Это известие, однако, нам кажется несколько анекдотичным. Действительно, Тяпкин, будучи резидентом в Польше, жаловался одному из своих приятелей на отсутствие денег для поездки на коронацию в Краков, однако деньги были добыты, по словам историка С. М. Соловьева, не шахматною игрою. „Нашел наконец Тяпкин, — пишет Соловьев, — двоих добрых людей, у которых занял денег под заклад последней служилой рухлядишки, и отправился в Краков“.

Шахматная игра, так быстро завоевавшая симпатии русского народа, обращает на себя внимание духовенства, которое, почти сразу же после появления ее в Москве, взяло под подозрение эту невинную забаву.

Духовенство было знакомо с шахматами, как мы ниже увидим. Однако, все лица, которые в своих посланиях и проповедях обрушивались на шахматную игру, совершенно не вникали в ее сущность, а ставили на одну доску с различного рода „светскими“ удовольствиями, как песни, „бе-

---

[1] В подлиннике сказано „Schachiae proeliis“, при чем Рейтенфельс прибавляет, что эта игра некогда была в большом употреблении не только у персов и других азиатских народов, но и у исландцев и шведов. Очевидно, что Рейтенфельс совершенно не разбирался в разнице шахмат и шашек (см. Яков Рейтенфельс, „Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии“. М. 1906, стр. 149).

совские скакания“ и... пьянство. Поскольку же все мирские развлечения строго преследовались духовенством, как пережитки язычества, шахматы были причислены к тем играм, которые от „беззаконных халдей“, т.-е. от язычников.

Отрицательное отношение ко всякого рода развлечениям и преследование их началось с принятием христианства от Византии с ее аскетической идеей. Именно только аскетическими воззрениями того времени и обусловилось это отрицательное отношение. Ведь шахматы — от „беззаконных халдей“ — язычников. А язычество рассматривалось как царство дьявола, — и поэтому все сохранившиеся в каком бы то ни было виде следы его рассматривались, как действия враждебной человеку силы дьявола. Следовательно, и шахматная игра в представлении русских проповедников являлась не чем иным, как сетями, расставленными дьяволом, куда попадали верующие люди. В этом отношении очень характерна рукопись XVI в., так называемая „Легенда об игроке“ („Иже кто не помышляеше грех быти во играх шахматных и прочих костарных [костяных] играх). В ней рассказывается, как некий воин всю свою жизнь посвящает себя всякого рода играм и забыл совершенно про бога. В наказание игрок встречается с дьяволом в человеческом образе, который обыгрывает воина до нитки. Легенда кончается тем, что злополучный игрок погибает в страшных мучениях. Любопытно отметить, что эта же повесть в XVII в., в связи с распространением карточной игры, стала расходиться в списках уже под иным заглавием, а именно: „О еже не мня быти грех, кто играет картами и шахматы и прочими катырскими (костяными) играми“.

Один из наиболее суровых преследователей всяких игр, в том числе и шахматной игры, был митрополит московский Даниил. Шахматная игра была предметом проповеди митрополита на-ряду с пьянством, разгулом, нарушением целомудрия и т. д.

В своем поучении митрополит Даниил указывает, что следует строго придерживаться священных правил, от которых верующим людям будет „только польза“; а скоморошество, пляски, шахматы, шашки отвергались св. апостолами и св. отцами. В подтверждение своего поучения он приводит известное толкование Зонара к 50-му правилу вселен-

ского собора, запрещающего шахматы, ибо „епископом и клириком всем в утешение всех в добродетели — быти подобает и первообразное и раздражение к благодеянию; понеже и от сих есть неким уклонятися от доброго, или шахматы и зернию играти, или упиватися; повелевает правило престати таковым, или убо епископом и презвитером и диаконом и изверзатися, и ипподиаконом же, и чтецем, и певцем, аще ли же кто не престанут, отлучатися, такоже и мирским человеком, шахматы и пьянство упражняющимися".

Таким образом, шахматы точно так же, как и пьянство, согласно церковным правилам, являются величайшим грехом, уклонением от праведного образа жизни. Любопытно, что это поучение направлено не только против мирян, но и против лиц духовного звания. Следовательно, шахматная игра была распространена и среди духовенства. Митрополит Даниил определенно указывает, что „ныне же суть неции от священных, яже суть сии пресвитеры и диаконы и иподьакони, и чтецы, и певцы, глумяся, играют в гусли, в домры, в смыки, к сему жь и зернию, и шахматы, и тавлесьми... и тако себе и иным великий вред бывающе".

Распространенность игры среди духовенства доказывается еще и другими памятниками древней письменности, в которых указывается, какие наказания следует налагать на „провинившихся" священников.

В так называемом Паисиевском сборнике, относящемся к XIV—XV вв., встречается определенное указание, какое наказание последует за игру в шахматы. „Аще кто от клирик или калугер (монах), или епископ, или прозвитер, или диакон играеть шахматы или леки, да изверждеться сана. Аще дьяк или простець, да приимуть епитемью 2 лета, 10 хлебе и 10 воде... а поклона на день 200, понеже игра та от беззаконных халдей, жрець бо идольскии тою игрою пророчествовашет о победе ко царю от идол, да то есть прельщенье сатанино".

Приведенный отрывок дает нам представление о любопытном „уложении о наказании" за шахматную игру, при чем лица духовного звания подлежат более суровому наказанию, чем миряне.

В рукописном отделении Ленинградской Публичной Библиотеки хранится рукопись, представляющая собой под-

ложное правило Иоанна Златоуста, в которой наказание за игру в шахматы несколько отлично от приведенного нами выше, а именно: „таковых (т.-е. играющих в шахматы) св. отцы по 5 лет запретиша, а с людьми не ясти и с верными не молитися, а поклонов 150 в день и 300 молитв, и сухоядение — хлеб с водою и солию“ и т. д.

Помимо запрещения шахматной игры в кормчей книге, с которой мы уже ознакомились в предыдущей главе, в одном из древнейших памятников литературы (XIV в.), „Пчеле“, содержащей в себе статьи нравственно-религиозного содержания, взятых из изречений священного писания, отцов церкви и светских писателей, есть указание, что шахматы — запрещенная игра.

Также в одной рукописи XVII в. Новгородского Софийского собора, под заглавием: „Вопрошение апостольское господа о муках и о гресе, и покоянии, и обретения милости господня“ воспрещается под страхом божьего наказания игра в шахматы.

Наконец, в „Посланиях русских митрополитов и других лиц“ — „поучения священнослужителям“ (XVI в.) мы встречаемся с увещеванием „Не буди кощюнник ни игрец, ни срамословник“.

Выше мы уже указывали, что запрещение шахматной игры вызывалось тем обстоятельством, что русское духовенство причисляло шахматы к различного рода светским удовольствиям, как пляски, музыка и т. д., совершенно нетерпимым византийской церковью, воплощавшей в себе идею аскетизма.

Однако, в начале XVII в. можно встретить и другой взгляд на шахматную игру, высказанный в словаре, или в так называемом „лексиконе“, составленном в 1627 г. иеромонахом Памвою Берындой, где слово „шахматы“ толкуется им как „хитрость“. Под „хитростью“ здесь следует подразумевать не обман, а способность к умственной изощренности человека, умеющего играть в шахматы.

Мы не можем обойти такой важный памятник XVI в., как „Домострой“, в котором шахматная игра нашла своего обличителя в лице автора его, протоиерея Сильвестра. „Домострой“ в данном случае нас интересует постольку, поскольку он отражает картину общественной жизни того времени. Обличения Сильвестра против шахматной игры опираются

уже не на трафаретное правило вселенского собора, а на обыденную действительность русской жизни XVI века. Правда, и в „Домострое“ запрещение шахмат упоминается на-ряду с обжорством, пьянством, охотой, птицеловством, скоморошеством и т. д. Это запрещение шахмат в „Домострое“ приведено в главе „О неправедном житии“. За ослушание „Домострой“ грозит, что все провинившиеся „прямо все вкупе будут во аде, а зде прокляты“.

Не только духовенство, но и государственная власть обращает внимание на распространенность шахматной игры и принимает меры к запрещению ее. Шахматная игра запрещается согласно 92-ой главы так называемого „Стоглава“ (1550 г.). Издан был Стоглав при Иване Грозном, т.-е. при царе, который уделял, как указано выше, часть своего досуга и шахматной игре.

92-ая глава Стоглава, носящая название „О игрищах елинского бесования“, в сущности повторяет то, что было зафиксированно относительно шахмат в памятниках древнерусской письменнности, но для придания бо̀льшего авторитета ссылается на церковные правила VI вселенского собора.

Следующим законодательным памятником было так называемое Соборное Уложение 1649 г. при Алексее Михайловиче. Здесь мы уже не встречаемся с запрещением шахматной игры, хотя в Соборное Уложение вошло несколько статей из Стоглава. Запрещаются только карты, пьянство и т. д. Однако, это не значит, что шахматная игра была легализована. В том же году (1649) был дан приказ Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского о „строгом наблюдении, чтоб служилые люди и крестьяне в воскресенье и праздничные дни ходили в церковь, удалялись чародейств и пьянства и не заводили непристойных игрищ“ в Ирбитской слободе. Приказ, или, как тогда называли, „память“, исходил от воеводы по приказанию свыше, т.-е. из Москвы. Приведем в извлечениях этот любопытный памятник XVII в.

„Лета 7158 декабря в 13 день, по государеву цареву и и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу... ведомо-де государю учинилось, что в Сибири, в Тобольску и иных Сибирских городех и уездех мирские всяких чинов люди, и жены их, и дети в воскресение и в господьские дни

и великих святых, во время святого пения к церквам божиим не ходят, и умножилось в людех во всяких пьянство и всякое мятяжное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... сходятся многие люди мужского и женского полу по зарям и в ночи чародействуют, с солнычного схода первого дня луны смотрят и в громное громление на реках и в озерах купаются, чают себе от того здравия, и с серебра умываются и медведи водят и с собачками пляшут, и зернию и карты и шахматы и лодыгами играют...

„И великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, жалея о православных христианех, велел о тех богомерзких делах заказ учинить, чтобы православные христиане от такого бесовского действия отстали... и зернию и карты и шахматы и лодыгами не играли... и, изломав, те бесовские игры велеть жечь“. Далее следует наставление как поступать с ослушниками приказа. „... И ты бы тех людей велел бить батоги; а которые от такого бесчинья не отстанут и выймут у них такие богомерзкие игры в другорядь, и ты бы тех ослушников велел бить батоги“. При ослушании в третий раз следует такое же наказание. Наконец, „вчетвертые ты б о том писал и тех ослушников с приставы присылал на Верхотурье“.

Приведенный документ для нас важен во многих отношениях. Прежде всего, мы можем в достаточной степени судить о распространенности шахмат среди широких масс населения Во-вторых, мы должны обратить внимание на то, что московское правительство обращается к Сибирскому воеводе и указывает на распространенность шахматной игры в сибирских городах. Нам представляется, что, действительно, шахматная игра была популярна в народных массах, но, главным образом, среди туземного населения — бурятов, якутов, сойотов и отчасти татар. В следующей главе нам придется упоминать о шахматной игре среди декабристов, которые в ссылке очень часто играли в шахматы с бурятами. Буряты побили лучших игроков среди декабристов. По свидетельству декабристов, буряты играют очень расчетливо и довольно бегло. И до сего времени шахматная игра у бурятов считается наиболее любимой игрой, которой они отдаются с большим интересом.

Приведем еще одно свидетельство. Прусский почт-директор Вагнер, плененный русскими войсками в Пруссии во время Семилетней войны и сосланный в Сибирь за тайные сношения с прусским правительством, описывает как во время остановки около Тобольска он жил в доме одного богатого татарина, с которым он играл в шахматы [1].

В 1895 г. хранитель музея при Петербургском университете Передольский был командирован с научной целью на север Сибири. Ему пришлось несколько месяцев прожить среди якутов, тунгузов и самоедов, у которых он имел возможность наблюдать их необыкновенную любовь к шахматной игре и шашкам. Свои наблюдения Передольский напечатал в „Schachzeit.“ (Leipzig, 1904) и в „St. Petersburger Zeitung“. Доски делаются примитивно, черные клетки выделываются каленым железом, фигуры — грубые, из кости. Очень интересно наблюдение Передольского над самой игрой. Партии нередко длятся по несколько часов и откладываются на следующий день. Игроки иногда по целому часу думают над ходом.

Приведенные нами свидетельства, правда, позднейшего времени, чем описываемое нами. Однако, как уже было нами отмечено в первой главе, шахматная игра у монгольских племен существовала с древнейших времен, по крайней мере со времен Тамерлана, распространившего власть на все монгольские племена.

В пользу этого говорят и данные археологического характера. В 1884 г. в Курганском уезде, Тобольской губ., были произведены археологические раскопки одного из городищ, при чем были найдены костяные изделия, весьма похожие на шахматы.

* * *

Русское духовенство, в большинстве случаев, при запрещении шахмат, ссылалось на 50-ое правило VI вселенского собора. Любопытно проследить для сравнения, каким образом шло развитие шахматной игры в Западной Европе и как реагировало католическое духовенство на распространение этой игры в Европе.

---

[1] „Древняя и Новая Россия“, 1875 г., стр. 50.

С той же ссылкой на церковное постановление о запрещении шахматной игры мы встречаемся в проповедях и западно-европейских духовных властей. Особенно ярко выступает перед нами фигура епископа остийского Петра Дамиани (1006—1072), который с ожесточением обрушивается на любителей шахматной игры. Личность Дамиани, в его борьбе против светских удовольствий, находит у нас прототипа в лице упоминавшегося уже выше митрополита Даниила.

Отношение П. Дамиани к шахматам выразилось в его письме от 1061 или 1063 гг., которое вообще может считаться одним из древнейших свидетельств о шахматной игре.

„Я краснею от стыда, — пишет Дамиани, — перечисляя еще другие глупости, как-то охоту, птицеловство и особенно страсть к костям или шахматной игре (alearum insuper furiae vel scachorum), которые делают священника паяцом“. Далее Дамиани рассказывает про случай с одним епископом, с которым он путешествовал и остановился в гостинице на ночь. На другой день Дамиани узнал, что епископ играл в шахматы, и стал его упрекать, ссылаясь на церковное правило (вероятно, 50-ое правило VI вселенского собора), согласно которому играющие в кости должны быть лишены сана. Епископ в свою защиту указал, что шахматы не могут быть причислены к игре в кости, однако, Дамиани убедил „провинившегося“ епископа и наложил на него эпитимию.

Во Франции против шахмат ополчается парижский епископ Сюлли, который в 1208 г. запрещает духовенству не только игру в шахматы, но даже держать у себя дома шахматную доску. Точно так же и парижский собор 1212 года, а вслед за ним и 1255 г., подтверждает это запрещение.

Не только церковь, но и государственная власть обрушивается на шахматную игру. В 1254 г. король Людовик IX категорически воспрещает кому бы то ни было играть в шахматы, а после него это запрещение подтверждают Карл V (1369 г.) и Карл VI (1395 г.). Однако, несмотря на запрещение, шахматы находят все большее и большее распространение по Европе.

Таким образом, мы видим, что не только в России, но и в Западной Европе, шахматы, при их первом проникновении, вызывают против себя возмущение церковной власти, а не-

редко и светской. В России это запрещение как церковной, так и царской власти действовало почти до Петра I, хотя это запрещение не мешало широкому распространению шахмат не только при дворе царей, бояр и населения, но и среди духовенства. В Западной Европе запрещение, однако, нарушалось представителями самого духовенства, которые нередко выступали как первоклассные шахматисты и авторы первых руководств по шахматной игре.

В 1393 году Регенсбургский собор не только снимает запрещение с шахмат, но, наоборот, поощряет эту игру.

Уже в 1450 г. доминиканский монах Ингольд написал книгу о „Золотой игре“, в которой шахматы рекомендуются как отличное средство против лености.

Одной из крупнейших фигур в истории шахматной игры является испанский проповедник Руи Лопес, который в 1561 г. выпустил книгу, под названием „Изобретательность в шахматах“. Лопес считался долгое время лучшим игроком в Европе, пока не был побит итальянцем Джиованни Леонардо.

Таким образом, в то время как русское духовенство еще яростно боролось против шахмат, котолические священники поощряют эту игру и дают ряд блестящих шахматистов того времени.

* *
*

Мы проследили на протяжении истории Московского государства, как шахматы преследуются церковью и государством. Однако, следует думать, что шахматы постепенно стали считаться меньшим из зол. Во всяком случае, в царствование Алексея Михайловича и позже на игру в шахматы смотрели сквозь пальцы, и только, пожалуй, духовенство строго преследовалось за нарушение запрещения. Это и вполне понятно. При царском дворе шахматы были любимым времяпрепровождением. Об этом знало и высшее духовенство. Если же при Алексее Михайловиче и посылались указы о запрещении шахмат вроде вышеприведенного, то, надо полагать, это было только установившимся трафаретом, переходившим из века в век. Шахматы с самого начала их проникновения были поставлены на одну доску с пьянством, скоморошеством, плясками и другими языческими пережит-

ками. Но затем московское правительство перестало включать шахматы в списки запрещенных игр, и, как отмечено было выше, в Соборном Уложении царя Алексея Михайловича уже не говорится о запрещении шахматной игры.

Один весьма интересный документ указывает нам, что за шахматную игру перестали наказывать и грозить отлучением от церкви, бить батогами и т. д. Этот документ весьма любопытен и с бытовой стороны.

В январе 1686 г. Сибирский приказ докладывал государям Петру и Иоанну Алексеевичам по поводу полученного ими отношения — „отписки“ — от красноярского воеводы Григория Шишкова, в котором тот излагал следующее „государево дело“, т.-е. дело об оскорблении государя. Служилый человек Тимошка Елфимов донес на служилого человека Марчка Хомякова, что он, играя в шахматы с Андрюшкою Волынщиком и взяв с доски фигуру, сказал: „То-де я чаял ферзь, ано-де царь!“, и выругал царя матерной бранью. Свидетелями этого „оскорбления“ было 3 человека. Красноярский воевода донес об этом немедленно енисейскому воеводе, боярину князю Константину Осиповичу Щербатову, который велел пытать Хомякова. Злополучный шахматист „с пытки винился“, что выругал царя без умысла. После пытки воевода арестовал Хомякова до получения распоряжения из Москвы. Через несколько месяцев из Москвы было донесено, что „государи указали того Марчку освободить и о том послать из Сибирского приказа красноярскому воеводе грамоту“, которая и была послана через несколько дней.

Не касаясь бытовой стороны, приведенное „государево дело“ нас интересует с точки зрения отношения государственной власти в конце XVII в. к шахматам. Хомяков, играющий в шахматы, привлекается не за игру, а за оскорбление царя. Когда отпало подозрение в последнем, Хомякова выпускают из тюрьмы.

Таким образом, шахматы перестают уже быть запрещенной игрой. И действительно, с конца XVII и в XVIII вв. мы уже не встречаем никаких ограничительных законов в отношении шахматной игры. Правда, раздаются одиночные голоса о бесполезности этой игры, но запрещение, как таковое, отпадает.

Если о распространенности шахматной игры среди широких масс населения нам говорят различного рода памятники древне-русской письменности и законодательства, то об игре при дворе царя и среди бояр нам указывают официальные документы, сохранившиеся до нашего времени.

Русскими историками (Костомаров, Забелин) отмечалось, что шахматы являются наиболее любимым времяпрепровождением русских царей.

И. Забелин, описывая домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., рисует нам обстановку кабинета царя, где в переднем углу комнаты стол, с предметами дневных занятий. Книги религиозного содержания нередко сменялись такой светской игрой, как шахматы, за которыми проводили долгие часы.

Об этом свидетельствует, во-первых, учреждение особого штата, так называемых „шахматников", для наблюдения за исправностью, выделкой и починкой фигур и досок. Во-вторых, шахматы не лежали без движения в казне государя, а весьма часто требовались в хоромы для игры.

В подтверждение этого можно привести несколько интересных документов — переписку дворецкого и дьяков.

„Федор Петрович! Указал великий государь... взять из Оружейной Палаты доски шахматные, тавлейные, сачные, бирковые, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро сего ж числа; изволил великий государь сам приказать". Шахматы требовались для игры не только царю, но и царице.

„Дмитрий Семенович! Пришли (царице)... доски шахматные, которые остались в хоромах, а будет в хоромах не отыщешь, из мастерских".

Вероятно, здесь имеется в виду шахматная доска для игры в шахматы, так как терминология того времени была вполне определенная. Шахматная доска не служила для игры в шашки, как можно было бы еще предполагать, так как для игры в шашки имелась специально тавлейная доска. Умение женщин играть в шахматы — явление обычное. Об этом свидетельствуют также иностранцы. В следующей главе нам придется упоминать об иностранце Берхгольце, который в своем дневнике упоминает о любви русских женщин к шашкам и шахматам.

В царской казне хранились многочисленные и разнообразные наборы шахматной игры. Сплошь и рядом мы встречаемся с описями хоро̀м, в которых встречаются и шахматы, выделанные из рыбьей кости, слоновой кости и т. п. Подобного же рода упоминание о шахматах мы наблюдаем в описи хором кн. В. В. Голицына, одного из крупнейших государственных деятелей при царе Федоре, выделявшегося из среды бояр образованностью и тяготением к западно-европейской культуре. В описи мы читаем: „Доски шахматные костяные в суконном мешке, и шахматы, ц. 4 р.“. Нам кажется, что близкое общение кн. Голицына с иностранцами способствовало тому, что шахматы в доме Голицына являлись одним из культурных времяпрепровождений образованного боярина. Подобно Голицыну, любителем шахматной игры был А. С. Матвеев, изрубленный стрельцами во время восстания в 1682 г. Матвеев, как и Голицын, любил общаться с иностранцами и поддерживал с ними дружеские отношения. Обстановка его дома рисует нам человека вполне европейски образованного, знакомого отчасти с европейской литературой и в особенности с театральным искусством.

Мы уже неоднократно упоминали о большом количестве комплектов шахмат в казне царей. Говорили мы также о том, что за починкой и выделкой наблюдали так называемые „шахматники“. Московская Оружейная Палата, где сохранялись шахматы, а также другие московские музеи, к сожалению, не сохранили до нашего времени шахмат. Лишь в музее известного коллекционера П. И. Щукина имелась большая коллекция шахматных фигур. Нам неизвестна теперешняя судьба редких по красоте шахматных фигур из слоновой кости.

Государева казна из года в год пополнялась все новыми и новыми наборами шахмат. Существовал обычай у мастеровых делать на Пасху разного рода подношения царю собственной работы. В числе предметов, главным образом, военной необходимости, подносимых мастеровыми, были и шахматы. Так, в „Росписи ружью и мастеровым людем, которое делано в Оружейной Палате в нынешнем во 7712 году (1663 г.) и великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великие и Малые и Белые России самодержцу в подношение было о празднике светлые недели

апреля в 23-м числе“ мы читаем: „7 шахматы рыбьи кости, делали русские мастера и поляки, 2 доски шахматные, каймы разные золоченые“. В 1675 г. было подарено царю Алексею Михайловичу „6 шахматы слоновые кости, в том числе 2 шахматы большие, 2 меньше... 2 доски шахматные, писаны золотом и серебром и разными красками, и в том числе одни с боем, писали иконописцы Тимофей Резанцов, Никифор Бовыкин, Филипп Павлов, Петр Афанасьев, Иван Масюков“.

Несмотря на частые подношения, шахматы иногда и покупались. Например, в записи от 1661 г. мы читаем „Июня в 18 день по указу великого государя и по приказу окольничего и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово карле Ивану Федотову шахматы слоновые полского дела куплены да доски шахматные, а те шахматы и доски купил гребенщик Евдоким Шешенин“.

Помимо „шахматников“ в Оружейной Палате, хорошими мастерами в выделке шахмат считались холмогорцы, которым Алексей Михайлович в 1669 г. дал заказ на 10 комплектов. Этот заказ был целиком выполнен Дениской Зубковым, Ив. Катерининым и Кирилкой Саламатовым. Наиболее искусными мастерами были братья Семен и Евдоким Шешенины, в особенности последний, который умел резать по кости и дереву. Он был взят царем из Холмогор в Оружейную Палату в Москву, где был назначен „шахматником“. На его обязанности было следить за шахматами, и, как мы видели, он иногда покупает для царя шахматы, вероятно иностранной работы. Евдоким Шешенин был совершенно исключительным знатоком своего дела, так что после его смерти, 30 мая 1667 года, не было ему заместителя. На его место был взят также из Холмогор его двоюродный брат Ивашка Прокофьев Шешенин, который, однако, не мог вырезать по кости. Тем не менее он вместе со своим братом Василием был взят царем Алексеем для „государевых дел“ в Оружейную Палату.

На-ряду с русскими мастерами работали также и польские, и шахматы их работы назывались „шахматы полского дела“.

* *
*

В заключение отметим о шахматной игре среди детей, главным образом, царской семьи.

В значительной степени шахматы занимали детей не как глубокомысленная игра, а как игрушка. В пользу этого говорит следующая запись „В 1660 г. октября 2 в хоромы шестилетнего царевича Алексея Алексеевича внесено 12 коней белых и черных, выбранных из разных шахмат полского дела“.

В 1666 г. 4 января ему же было куплено в Овощном ряду деревянные шахматы с доской за 10 коп. [1] 13 января того же года ему покупаются еще „трои шахматы костяные“ с досками. 20 января токарь Оружейной Палаты доделывает Алексею шахматные фигуры из рыбьей кости, которые он порастерял. Наконец, в 1676 г. живописец Ив. Салтанов расписывает красками, золотом и серебром маленькие шахматы для четырехлетнего царевича Петра.

Таких „записей“ можно привести из официальных документов очень много. Шахматы самого различного калибра, сорта и цены покупались для детей, чинились и делались в Оружейной Палате. Петр I, страстный любитель шахматной игры, приказывал для своего сына Алексея „зделать и написать по золоту доски шахматные мерою в аршин шириною по размеру, добрым мастерством... И ноября в 6 день те доски иконописец Иван Афанасьев, против указу написав, принес в Оружейную Палату, а из Оружейной Палаты в хоромы великого государя благородного царевича и великого князя Алексея Петровича всеа Великие и Малые и Белые Росии поданы; подал околничий Иван Юрьевич Леонтьев“.

Конечно, в возрасте 4—7 лет шахматы служили предметом детских забав, однако, подрастая, царевичи научались играть, чему может служить Петр I, рано ознакомившийся с игрой и не без успеха игравший с иностранцами и с русскими.

Шахматы перестают быть предметом горячих проповедей церкви, и их запрещение исчезает из памятников древнерусской литературы. Они уже не страшат духовную власть как игра от „беззаконных халдей“. Даже детям с самого раннего возраста предоставляется возможность ознакомиться с шахматной игрой. Наступает новая эра для шахматной игры — они легализованы. В значительной степени мы усматриваем

---

[1] Любопытно сопоставить цену этих шахмат с ценой в 4 рубля шахмат кн. В. В. Голицына. См. выше стр. 35.

в этом влияние Западной Европы, где уже давно шахматная игра получила все права гражданства и считалась любимейшим культурным времяпрепровождением всех слоев населения.

С Петра I, открывшего „окно в Европу“, шахматная игра получает еще большее распространение.

Шахматы начинают „европеизироваться“ и постепенно принимают все западно-европейские правила, отличаясь лишь своеобразной терминологией.

Глава III.

Шахматы в XVIII и в первой четверти XIX вв.

XVIII век в истории развития русского шахматного искусства можно охарактеризовать, с одной стороны, как время окончательного раскрепощения шахматной игры из-под опеки государственной и, главным образом, духовной власти, с другой стороны — русское шахматное искусство начинает непосредственно тяготеть к Западу и окончательно порывает с Востоком, откуда шахматы проникли в древнюю Русь.

Точно так же, как и в Западной Европе, но гораздо позже, чем там, шахматная игра в XVIII в. перестала служить материалом проповедей и поучений для обличения верующих людей. Шахматы уже не ставятся на одну доску с пьянством, обжорством, развратом, игрой в кости, карты и т. д. И само духовенство становится ревностным поклонником богини Каиссы, доходя иногда до „богохульства".

Влияние Западной Европы на развитие шахматной игры было несомненно. Русские начинают принимать „европейские" шахматные правила, однако это может относиться только к императорскому двору и высшим слоям дворянства, имевшим возможность общаться с иностранцами, в то время как широкая масса населения играла еще долгое время по старым правилам. Кроме того, и шашки способствовали вытеснению шахматной игры в низах. Материалы, относящиеся к истории шахматной игры в XVIII и XIX вв., больше говорят о распространенности шахмат в привилегированных слоях населения. Однако не следует делать заключения, что в XVIII и XIX вв. только дворянство умело играть в шахматы. Имеются определенные указания о распространенности этой игры и среди широких масс.

В предыдущей главе нами было указано о благоприятной обстановке, в смысле возможности раннего изучения шахматной игры, в которой росли царские дети. В особенности это относится к Петру I, который еще мальчиком научился шахматной игре. Позднейшая обстановка, в которой очутился Петр, еще более могла закрепить в нем любовь к шахматной игре. Сближение с Немецкой слободой и знакомство с иностранцами расширили круг его первоначальной компании — потешных. Знакомство с иностранцами, у которых шахматная игра была одним из постоянных и обыкновенных предметов досуга, оказало несомненное влияние на Петра и его окружающих. Большая часть приближенных Петра играла в шахматы, начиная с невежественного Меншикова и кончая образованным князем Б. И. Куракиным, о котором Сен-Симон отзывался впоследствии как о великом человеке.

Шахматы с этого времени являются необходимой принадлежностью русской семьи, желающей угодить Петру. Точно так же и на зимних ассамблеях, которые были заведены Петром, шахматы, как в современном нам клубе, были одними из главнейших развлечений. Сам Петр и его приближенные нередко на этих ассамблеях за кружкой пива, в облаках махорочного дыма, играли в шахматы с простыми моряками с голландского или английского судна, не обращая внимания на танцующие пары в соседнем зале.

О шахматной игре на ассамблеях очень много говорят и пишут иностранцы. Фридрих-Христиан Вебер, впервые приехавший в Петербург в феврале 1714 года в качестве брауншвейг-люнебургского резидента и пробывший в этой должности почти безвыездно до конца 1719 г., изо дня в день вел записки, которые он издал в 1721 г., по возвращении в Германию. Вебер так описывает ассамблеи: „На этих ассамблеях одна комната предназначена для танцев, другая для всякого рода карточной игры и особенно для шахматной (в которой отличаются самые простые русские)“ [1].

Ассамблеи устраивались зимою в Петербурге, а потом и в Москве, по повелению императора, который обыкновенно указывал, у какого вельможи предполагается ассамблея. Иногда это указание делалось генерал-полицмейстером.

---

[1] „Русск. Арх.“, 1872 г., №№ 7 и 8, стр. 1423.

Особые правила, которые неукоснительно должны были выполняться на ассамблеях, требовали, чтобы шахматы были обязательной принадлежностью устраиваемого празднества. Это уже одно указывает, в какой мере шахматная игра была распространена в XVIII веке.

Голштинский дворянин Берхгольц, долгое время проживший в Петербурге и Москве, состоя в свите голштинского герцога Карла-Фридриха, в своем дневнике неоднократно упоминает о шахматной игре на ассамблеях в Петербурге и Москве. Описывая ассамблеи у юстиц-президента и сенатора А. А. Матвеева [1], Берхгольц пишет о том, какие правила соблюдались на них. Между прочим, он указывает, что „в комнате, где танцуют, должны быть приготовлены: стол с трубками, табаком и деревянными лучинками (которые употребляются здесь вместо бумажек для закуривания трубок) и еще несколько столов для игры в шахматы и шашки; но карты на ассамблеях не терпятся и не подаются [2].

Шахматы, действительно проникли в каждый дом, который был так или иначе связан с западно-европейской культурой. В гостях или на семейном торжестве шахматы были постоянными спутниками всяких собраний. На праздновании рождения жены Меншикова Петр I, по словам Берхгольца, играл с одним русским в шахматы, „в которые, говорят, играет превосходно, как и большая часть русских вельмож“ [3].

Правда, сам Берхгольц не умел играть в шахматы и находил, вероятно, эту игру скучной, предпочитая женское общество и танцы. Так, на ассамблее у адмирала Апраксина Берхгольц был весьма недоволен, что в его доме было только мужское общество. „Что касается меня, — пишет Берхгольц, — я нашел это общество без дам неприятным; мужчины только разговаривают, играют в шахматы, курят табак и пьют“ [4].

---

[1] Кстати упомянем, что Андрей Артамонович Матвеев был сыном упоминавшегося нами во второй главе Артамона Сергеевича, имевшего возможность в доме своего отца ознакомиться с шахматной игрой. Это был образованный человек, знавший иностранные языки и занимавший даже место посланника в Гааге.

[2] Дневник Ф. В. Берхгольца, М. 1902 г.,ч. II, стр. 70.

[3] Там же, ч. II, стр. 109.

[4] Там же, ч. I, стр. 172.

Но тем ценнее для нас эти свидетельства Берхгольца, лица не заинтересованного, простодушно и беспристрастно указывающего на распространенность шахматной игры в России.

Таким образом, шахматная игра в XVIII в. начинает принимать некоторые, так сказать, организационные формы.

Ассамблеи являлись как бы первыми клубами, где, наряду с другими развлечениями, шахматам было отведено почетное место. Правда, широкая масса населения не могла принимать участия в ассамблеях, но демократический элемент был представлен случайными гостями — иностранными моряками.

Иностранцы отмечают, что и среди всего русского народа шахматная игра пользовалась большой популярностью. Выше мы отмечали свидетельство Вебера. Точно так же и Берхгольц в своем дневнике записывает, что в шахматы „русские играют бесподобно“ [1]. Во второй главе нами было описано развитие шахматного искусства у инородцев монгольского происхождения. Буряты, тунгузы, якуты, сойоты и татары — у всех их шахматы были на первом месте.

Однако, повторяем, что некоторый организованный характер шахматы принимают в привилегированном классе. В доме почти каждого русского вельможи шахматы являются необходимой принадлежностью. До нас немного дошло сведений об их игре. Сведения эти, главным образом, из иностранных источников. Уже один тот факт, что ассамблеи устраивались почти у всех приближенных Петра, может в известной степени объяснить их умение играть в шахматы.

Одним из ревностных шахматистов Петровского времени был князь Александр Данилович Меншиков, во всех своих должностях, от денщика Петра до фельдмаршала, один из ближайших друзей русского царя. Несмотря на злоупотребления Меншикова, Петр ценил его сотрудничество. Тесная дружба и постоянная близость приводили часто Петра и Меншикова к шахматной доске, за которой они проводили долгие часы. В сохранившихся „Поденных записках“ Меншикова упоминается, что

---

[1] Дневник Ф. В. Берхгольца, ч. II, стр. 12.

после обеда и сна „его светлость изволил забавляться в карты и шахматы“. Помимо Петра, партнерами Меншикова чаще всего были знатные вельможи. Имеется указание на то, что солдаты, пришедшие его арестовать по приказанию Петра II, застали его за игрой в шахматы.

Другим любителем шахматной игры был князь Ф. Ю. Ромодановский, по выражению современника, „собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни“. Ромодановский, мрачный начальник Преображенского приказа, „монстр кнута и пыточного застенка“, свой досуг также посвящал шахматам. Как и у других вельмож, у Ромодановского устраивались ассамблеи, на которых играли в шахматы.

Выше мы упоминали об ассамблее у адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Страстный шахматист, во время войны со шведами он все свое свободное время проводил за шахматами. Его постоянными партнерами были Гавриил Иванович Головкин и Петр Павлович Шафиров. В одной из шахматных игр Шафиров проиграл Апраксину золотую табакерку.

Таковы те немногие сведения, которые имеются у нас о шахматистах Петровского времени. Наиболее сильным шахматистом считался Петр. Он нередко играл с успехом с иностранцами в Петербурге и в заграничном путешествии. Петр, среди своих многочисленных забот, шахматной игре отдавал много времени. В так называемом „Юрнале“ имеются многочисленные записи об его игре. Приведем некоторые. Вот записи 1714 г. 17 августа: „играл с биткой-попом на сконпавсе“, 18 августа: „играл в шахматы с биткой-попом“, 13 октября: „играл в шахматы“, 14 октября: „был весь день дома и играл в шахматы с биткой Степаном Выташи“. Любопытная запись от 16 ноября того же года: „кушал в токарне, и был в ней, зачал точить шахматы“. Такого же рода записи, более или менее однообразного характера, встречаются в „Юрнале“ от 1715, 1716 и 1720 гг., при чем большей частью попадается запись: играл в шахматы с биткой-попом“. Иногда в „Юрнале“ мы читаем: „играл в шахматы с биткой весь день“ (21 ноября 1716 г.), „играл в шахматы до ночи“ (19 марта 1720 г.), „играл в шахматы весь вечер“ (29 октября 1720 г.).

Из этих кратких записей можно видеть, с каким увлечением Петр предавался шахматной игре. По „Юрналу“ легко проследить, что Петр, если он находился в отъезде по каким-либо делам, всегда брал с собой шахматы и своего неразлучного партнера попа-битку. Эта таинственная личность, при чтении „Юрнала“, невольно останавливает наше внимание. Поэтому, нам кажется, что следует несколько более подробно остановиться на этой мало известной исторической фигуре [1].

Прежде всего, обращает на себя внимание запись от 14 октября 1714 года: „был весь день дома и играл в шахматы с биткой Степаном Вытащи“. Поэтому можно было бы предположить, что речь идет лишь об одном лице. Здесь издатель „Юрнала“ был введен в заблуждение отсутствием в подлинных записях всякой пунктуации, что вообще свойственно письму Петровских времен. В действительности, перед нами два различных лица: поп Битка и Степан Вытащи.

Поп Битка — придворный священник Петра — по официальным документам Иван Хрисанфович (Петров в своей работе „История С.-Петербурга“ предполагает, что фамилия Битки была Подарский) был в близких отношениях к Петру. Он даже принимал участие в так называемом „сумасброднейшем, всешутейшем и всепьянейшем соборе“ [2].

Битка, в особенности с 1714 г., почти не разлучался с Петром. Он его сопровождает даже в военных походах. На его обязанности лежало приобретение книг религиозного содержания, необходимых для церковных служб в походах.

В 1717 г. Битка отправляется с Петром в заграничное путешествие, при чем французы оставили нам любопытные сведения о нем. Прикомандированный к русским гостям француз Либуа пишет своему двору, что Битка в тягость

---

[1] Личности попа Битки и Степана Вытащи были подробно выяснены лишь в последнее время благодаря исследованию акад. С. Ф. Платонова („Известия Академии Наук“, 1926 г., № 9).

[2] „Собор“ состоял из председателя, носившего громкий титул князя-папы, или всешутейшего патриарха, 12 кардиналов с громадным штатом епископов, архимандритов и прочих духовных лиц. Все они носили нецензурные прозвища. Сам Петр имел чина протодьякона. Вся компания эта, численностью иногда до 200 человек, предавалась разгулу, пьянству и обжорству.

французам. Своей невоздержанностью в еде и употреблением спиртных напитков Битка поражал присутствующих французов, так что в одной французской газете отмечалось, что священник, состоящий при царе, выпивает за обедом не менее 12—15 бутылок шампанского. О невоздержанности Битки упоминает также и ряд других современников.

Петр принимал близкое участие в судьбе Битки. Он снабжает его платьем, деньгами и попрежнему неразлучен с ним, беря его даже в небольшие экскурсии, которые он совершал, будучи за границей. Такое отношение Петра к Битке вызывало в свою очередь весьма почтительное отношение к нему и приближенных царя.

До самой смерти Битки Петр не разлучался со своим другом, и лаконическая запись „Юрнала“ от 23 июня 1720 г. отмечает, что Петр был на погребении попа Битки.

Другой партнер в шахматной игре, отмеченный „Юрналом“ — Степан Медведь-Вытащи, упоминающийся также в мемуарах современников-иностранцев. По воспоминаниям Берхгольца, Степан Вытащи был палачом и сам пытал государственных преступников. Это свидетельство Берхгольца подтверждается отметкой в „Книге расходной Тайной канцелярии“ 1718 г., где записывались выдачи из сумм, конфискованных у лиц, причастных к казненному сыну Петра, царевичу Алексею. По этой записи видно, что Степан Вытащи получил 10 рублей, которые он издержал на содержание колодников. Обязанность эта была временной. В молодости он служил в Преображенском полку, наиболее преданном Петру. Близость Вытащи к Петру подтверждается близким участием его в карнавальных шествиях, о чем упоминают иностранцы, как, напр., саксонский дипломат Лефорт, описавший карнавал в 1722 г. Он отмечает, что в карнавале участвовал „шут его величества Виташий“. Наконец, мы видим Степана Вытащи в компании всешутейшего собора, в котором он выполнял роль патриаршего слуги-посошника. „Вытащи“ с прибавлением нецензурного слова было прозвищем Степана, данного в шутовском соборе.

Петр искренно огорчился, когда узнал, что в Олонце его друг, упав с летницы и переломив себе три ребра, умер на девятый или десятый день. Петр даже присутствовал при его операции.

* * *

При Петре I мы наблюдаем одно совершенно исключительное явление в истории развития шахматной игры, это— налог на шахматы. Вот что пишет князь Борис Иванович Куракин, один из ближайших сподвижников Петра [1]: „Того года (1704—1705) отданы на откуп карты, тавлеи, шахматы, юла, кости и всякие игры денежные, что не явя тех инструментов и заплатя пошлину, не играли, а заплатя пошлину, вольно играть. На откупу первый год дано 10 000 рублей“. Это известие можно считать вполне правдоподобным. Действительно, вследствие войны со шведами, финансовые затруднения стали ощущаться весьма тяжело. Необходимо было принять срочные меры к разрешению сложных финансовых проблем. Петр в этом деле привлек к участию так называемых „доносителей“, которые в своих „прожектах“ предлагали самые различные меры к изысканию нужных государству средств. Лица разных сословий и классов представляли такие прожекты: сын вельможи Салтыкова, полковник Юрлов, посадский человек Муранцев; крестьянин Посошков представил даже целую книгу. На-ряду с „прожектерами“ были еще „вымышленники“, на обязанности которых было „сидеть и чинить государю прибыли“, т.-е. изобретать новые источники государственного дохода. Нет ничего удивительного, что от одного из таких „прожектеров“ или „вымышленников“ поступило предложение обложить налогом шахматы на-ряду со всякими денежными играми.

Свидетельство Куракина указывает, что в шахматы играли на деньги, что̀ до XVIII в. вообще преследовалось правительством. Вряд ли налог на шахматы мог способствовать распространению шахматной игры в России. Да и доход, полученный от всех денежных игр, безусловно у Куракина преувеличен, как и другие налоги, приведенные в известиях Куракина. Эти налоги вызывали раздражение, так что в 1724 г. Петр уничтожил значительную часть их. Вероятнее всего, что налог на шахматы попал в число отмененных налогов, если только он действительно проводился в жизнь.

---

[1] Киевская Старина“, 1884 г., стр. 490.

Наши сведения о шахматной игре с Петровского времени до XIX в. весьма немногочисленны. В сущности это ряд отрывочных свидетельств, рассеянных в мемуарной литературе. Полной картины об игре XVIII века они, конечно, дать не могут, однако и эти краткие сведения говорят нам, что шахматы не переживают периода упадка. То обстоятельство, что Россия вошла в тесный круг отношений с Западной Европой, могло лишь способствовать развитию шахматной игры. Русские уже неоднократно сражаются с иностранными шахматистами. Так, например, придворный ювелир Екатерины II, Позье, в своих мемуарах рассказывает, что статс-секретарь Екатерины Адам Васильевич Олсуфьев, сенатор, проиграл английскому посланнику Чарльзу Гюнбри в шахматы 5 000 рублей.

При Анне Иоанновне в Зимнем дворце была даже устроена особая комната--шахматная, украшенная резьбой и позолотой.

Шахматная игра в некоторой степени была распространена среди духовенства. Нам кажется, что в XVIII в. и духовенству было разрешено играть в шахматы. Вероятнее всего, этому способствовал Петр I. У нас имеется весьма любопытный документ 1731 г., из которого можно отчасти заключить, до какой степени шахматы увлекали духовных особ.

Казанский митрополит Сильвестр Холмский доносит Синоду на митрополита Феодосия Яновского, что тот еще „будучи в Москве, оставя церковные службы и монашеское преданное правило, уставил у себя самлеи (ассамблеи) с музыкою и тешился в карты, шахматы и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо всенощного пения себе вменял и других к тому понуждал...“

„Да он же, Францышка, на московском подворье велел послужнику своему Тарасу с колокольни старинные колокола продать, чтоб не мешали ему во всю ночь в шахматы играть...“ [1].

Приведенный документ интересен для бытовой истории шахматной игры. До чего доходила страсть митрополита к шахматам, если он даже решился продать колокола, чтобы

---

[1] Чистович, „Феофан Прокопович и его время“, стр. 706.

они своим звоном не мешали ему играть в шахматы! Пожалуй, редко и в наше время можно найти такого самоотверженного шахматиста. К сожалению, нам ничего не известно о судьбе этого доноса в Синод. Неизвестно также и какое наказание последовало.

Наибольшей популярностью, однако, шахматы пользовались среди придворных кругов, где на званых обедах и вечерах играли в шахматы на-ряду с другими играми. Правда, карты, в особенности рокамболь и марьяж, доминируют над шахматной игрой, но и шахматная игра занимает не последнее место. Мы склонны думать, что среди широких масс русского населения шахматы начинают вытесняться шашками, хотя, как мы видели выше, и шахматы остаются популярной игрой. Но главный контингент любителей шахматной игры составляет все же придворный круг.

Из числа придворных любил шахматную игру известный фаворит императрицы Елизаветы Петровны, граф Кирилл Григорьевич Разумовский. О нем приводится очень любопытное известие у историка Бантыш-Каменского в его „Истории Малой России“ (стр. 78). Приведем его в отрывке: „У Кирилла Григорьевича Разумовского был всегда открытый стол, куда могли являться званые и незваные. Правом этим воспользовался однажды бедный офицер, живший по тяжебным делам в Петербурге и лишенный всякого способа к пропитанию. Каждый день обедал он у гетмана и, привыкнув, наконец, к дому, вошел однажды после обеда в одну из внутренних комнат, где граф играл, по обыкновению, с приятелем в шахматы. Разумовский сделал ошибку в игре; офицер не мог удержаться от восклицания. Гетман остановился и спросил у бедняка, в чем состояла ошибка Сконфуженный офицер указал на промах графа. С тех пор Разумовский, садясь играть, всегда спрашивал: «где мой учитель?»“.

В этом отрывке мы обращаем внимание на умеющего играть в шахматы офицера. О шахматной игре среди военных у нас почти не имеется никаких известий.

В царствование Екатерины II выделялся из среды других шахматистов Потемкин. Отличаясь в жизни разными чудачествами, приводившими в изумление окружающих. Потемкин вносил элемент чудачества и в шахматную игру.

Услыхав, что в Туле живет купец, который отлично играет в шахматы, он велел немедленно его выписать и возил купца с собой даже в армию [1].

Потемкин, страдая бессоницей, посылал разыскивать по Петербургу шахматистов, которых немедленно, несмотря на их протесты, приводили к Потемкину. Увлечение шахматной игрой у Потемкина было настолько велико, что за игрой он не замечал присутствия пришедших к нему по государственным делам сановников до тех пор, пока не оканчивалась партия.

Недаром Державин в своей оде „Росс в Измаиле" мог написать о Потемкине, что

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукой народы покоряет.

Страсть Потемкина к шахматам была общеизвестна. Узнав только, что где-то живет хороший игрок, он немедленно его приглашал. Выше мы писали о случае с купцом. Отметим здесь, что Потемкиным был вызван из Прибалтийского края очень сильный игрок своего времени Карл-Фридрих Амелунг, дед известного шахматиста и редактора шахматного журнала „Baltische Schachblätter" Фридриха Амелунга.

В XVIII в. шахматы в Балтийском крае были довольно распространены, хотя скудость сведений не дает возможности судить о степени распространения и качестве игроков. Исследователь Остзейского края, Ф. Амелунг обследовал лифляндские летописи от XIII до конца XVIII в. и нашел лишь одно историческое указание, относящееся к XV в., в котором магистр Ливонского ордена Вернер фон-Орзельн, запрещая рыцарям ордена игру в карты и кости, разрешал играть в шахматы. Дальнейшие сведения относятся уже к позднейшему времени. Шахматная игра была распространена главным образом среди дворянских семей, большей частью немцев-выходцев из Германии. Среди широких масс в Остзейском крае шахматы успеха не имели. Здесь шахматы были привилегией исключительно дворянского класса. Даже умение играть вместе с титулом передавалось по наследству. В XVIII в. выделились семьи Лилиенфельдов,

[1] Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 40.

Цеге фон-Мантейфель и, в особенности, Амелунгов. Из последних мы уже упоминали о Карле-Фридрихе, вызванном даже к Потемкину. Эрнест Мантейфель был другим известным игроком в Остзейском крае, с которым очень часто играл Амелунг.

В 1812 году Э. Мантейфель, в бытность русским военным комиссаром в Саксонии, принял посильное участие в составлении популярного в то время руководства Коха „Codex der Schachspielkunst". Кроме того, Мантейфелю принадлежит составление сборника концов партий в духе современника Филидора, Филиппа Стаммы, получившего известность выпуском 100 замечательных концов партий, которые он издал в Париже в 1737 г. и позднее, с дополнениями, в Лондоне в 1745 г.

В 1799 г. на одном балу в Юрьеве были устроены „живые шахматы", при чем с одной стороны руководил игрой Мантейфель, с другой — Амелунг. Фигуры изображали одетые в белое и черное некоторые приглашенные на бал и переводились особым герольдом по знаку руководителей игры. Однако, дамам очень наскучила затянувшаяся партия, и ее пришлось прервать.

„Живые шахматы", получившие большое распространение в Западной Европе, в скором времени начинают проникать и в Россию. Живописность зрелища привлекла внимание большого количества зрителей и шахматистов. Однако, нужно заметить, что „живые шахматы" имели успех в узкоограниченном кругу лиц. „Живые шахматы" устраивались в особо торжественных случаях. В 1796 г., по случаю приезда в Петербург шведского короля Густава IV, графом Александром Сергеевичем Строгановым была устроена партия в „живые шахматы". В саду его дворца, на лужайке, покрытой зеленым и желтым дерном, были расставлены слуги Строганова, одетые в средневековые рыцарские костюмы зеленого и желтого цветов. Руководителями игры были, с одной стороны, Иван Андреевич Остерман, занимавший одно время дипломатическую должность в Стокгольме, с другой — Лев Александрович Нарышкин, игравший видную роль при дворе Екатерины II.

Мы в достаточной степени привели данные о развитии шахматной игры в XVIII в., рисующие нам распространение

шахмат среди всех слоев русского населения. Мы считаем нужным остановиться только на известии об умении играть Екатерины II, и вот по какой причине.

Екатерининский паж, А. А. Башилов, в своих неопубликованных записках [1], пишет, что „государыня, нагулявшись, всегда садилась играть в шахматы вчетвером“. Здесь вряд ли имеется в виду консультационная партия по два партнера с обеих сторон. Башилов, вероятнее всего, пишет о так называемой четверной шахматной игре. Это первое по времени известие об этой разновидности шахмат.

Свидетельство Башилова можно дополнить воспоминаниями известного русского шахматиста А. Д. Петрова, слышавшего от своего деда, что Екатерина II любила четверную шахматную игру. Следует отметить, однако, что эта игра была мало распространена в России и игралась в очень немногих домах. Мы не будем останавливаться на описании этой игры. Желающие могут ознакомиться с ней по описанию А. Д. Петрова („Шахматный Листок“, 1861 г., стр. 271) и брошюре В. Ф. Альбрехта („Теория четверной шахматной игры“, Вильна, 1892 г.).

* * *

В то время как в Западной Европе в XVIII в. появились уже руководства по шахматной игре, как, например, известная книга Филидора „Analyse de jeu des échecs“ (1749 г.), „Разоблаченные Стаммой секреты шахматной игры“ (1737 г.) и др., в России в XVIII в. не появляется ни одного, даже переводного труда. Впрочем, это и вполне понятно. Высшие классы, если у них и имелась потребность в каком-либо шахматном руководстве, имели возможность ознакомиться с ним на иностранном языке, главным образом французском. Более того, не было даже необходимости в руководстве на русском языке, так как эти верхи русского общества предпочитали иностранную литературу русской и даже редко говорили на своем родном языке.

Поэтому, позднее появление руководств по шахматной игре в России должно быть объяснено не отсутствием по-

---

[1] Рукопись хранится в Публичной Библиотеке и издана в весьма кратких извлечениях.

требности в руководствах подобного рода, а возможностью ознакомления с ними на иностранных языках.

В представлении русской аристократии шахматная игра была игрой привилегированной. Единственное произведение, которое было написано русским, имеющее отношение к шахматам, было „Описание китайской шахматной игры“, составленное секретарем русского посольства в Пекине Леонтьевым. Вероятно, Леонтьев имел возможность в Пекине наблюдать китайскую шахматную игру, которая, как известно, отличается от европейской и количеством фигур и правилами игры. Рукопись Леонтьева хранится в рукописном отделении Публичной Библиотеки и была издана только в 1877 году „Шахматным Листком“ (№№ 7 и 8).

Памятник этот нас может интересовать только с точки зрения шахматной терминологии. До Леонтьева с русской шахматной терминологией нас познакомил профессор Оксфордского университета Гайд, который в своем труде приводит ее: король или царь, королева или краля, или царица, слоны, кони, ладьи, пешки. Гайду, вероятнее всего, эта терминология стала известной от русских, неоднократно прибывавших в конце *XVII* в. в Англию в качестве послов от московского правительства. У Леонтьева мы читаем:

„Китайская шахматная игра имеет 32 шашки, на каждой стороне по 16. И сим и многими ходами своими подобна обыкновенной здешней игре, коя называется большою“.

Таким образом, у Леонтьева мы впервые находим известие, что в XVIII веке шахматная игра называлась большою. Это находит подтверждение в „Словаре Академии Российской“, изданном в 1789—94 гг., в котором шахматы назывались шашечной большой игрой. Это наименование игры не имело большого распространения и употреблялось в словарях того времени для пояснения широкой публике, чем шахматы отличаются от шашек. Во всяком случае, во всех официальных документах, мемуарах, записках мы встречаем слово „шахматы“.

В своем „Описании“ Леонтьев дает перечисление шахматных фигур, а именно: царь, ферзь, слон, конь, лодка, пешка. Таким образом, за исключением термина „ферзь“, Леонтьев в общем не дает нам ничего нового по сравнению с Гайдом. Любопытное объяснение ферзя мы встречаем

в упомянутом выше „Словаре Академии Российской“. „В шашечной большой игре шашка по царе первенствующая, имеющая право ходить всеми образами других шашек, и в сем случае называется ферзь всяческая“. Правда, определение назначения этой фигуры в шахматной игре не вполне точно, но здесь мы встречаемся с совершенно новым для нас термином „ферзь всяческая“.

Начало XIX века обогащает нас новым шахматным термином, а именно розшах, т.-е. „шах королю и какой-либо фигуре одновременно“.

* * *

Связь русских с иностранцами в отношении шахматной игры сыграла большую роль в деле насаждения шахматных клубов. Инициатива принадлежала немцам, которые в конце XVIII в. в своем Немецком клубе, у Синего моста, разрешили игру в шахматы. В 90-х годах открывается уже чисто шахматный клуб на частной квартире советника консистории И. Буссе, просуществовавший до 1811 года.

Таким образом, шахматы выходят из рамок чисто семейной игры и становятся общественной игрой. Начав с ассамблей Петра I, шахматная игра находит приют в организованных клубах. Правда, первые шаги проникновения шахматной игры в общественные места были еще очень слабы и неуверены, однако, мы не можем не отметить столь важного факта в истории развития шахматной игры в России, как открытие шахматных клубов.

Некоторое подобие шахматных клубов мы встречаем в начале XIX в. в военной среде. Декабрист Якушкин вспоминает, что „в Семеновском полку (в 1815—16 гг.) устроилась артель; после обеда одни играли в шахматы, другие читали иностранные языки“ [1]. Распространенность шахматной игры среди военных доказывается еще тем фактом, что многие из декабристов, как известно, в подавляющем большинстве офицеры, недурно играли в шахматы. Семеновский полк был в начале XIX в. одним из культурнейших полков, в котором даже были отменены телесные наказания. Культурный состав офицеров Семеновского полка, из которого

---

[1] Записки, М. 1924, стр. 13.

многие принимали участие в восстании декабристов, способствовал развитию шахматной игры.

Нет необходимости перечислять отдельных игроков из военных. Отметим только из военных генерала Клингера, директора кадетского корпуса, постоянным партнером которого был принц Евгений Виртембергский. В своих мемуарах последний вспоминает: „Генерал Клингер любил и в то же время мучал меня. Как усердный шахматист, он преследовал меня на всех придворных вечерах и, проигрывая партии, с сердцем бросал шашки. После одного из подобных поражений, он сердитым тоном сказал мне: «Вы каждый раз побеждаете, вас следовало бы назначить командующим войсками против Наполеона». — «О,—отвечал я несколько необдуманно, — пусть только ваше превосходительство найдет себе достойного противника, и я не буду вас более обыгрывать»“.

С Клингером довольно часто играли мореплаватель Крузенштерн и астроном Шуберт.

О том, какое распространение получила шахматная игра в начале XIX в. показывает тот факт, что декабристы, попавшие сначала в Петропавловскую или Шлиссельбургскую крепости, а потом в Сибирь, значительную часть своего времени проводили за шахматной игрой.

При суровом режиме, которому подвергались декабристы, заточенные в Петропавловскую крепость, где они были лишены книг, отрезаны от той обстановки, в которой они жили последние годы, шахматы были, пожалуй, их единственным развлечением. Конечно, шахматные доски и фигуры им не выдавались, однако, декабристы вычертили на своем столике доски, а фигуры слепили из ржаного хлеба. Такими „шахматами“ играли, как передает в своих воспоминаниях А. С. Гангеблов, декабристы М. С. Лунин и И. А. Анненков. Декабрист Н. В. Басаргин в своих „Записках“ подробно останавливается на своей игре с Луниным, который вместе с Басаргиным считались лучшими игроками среди декабристов. Обыкновенно Басаргин после обеда играл с Луниным, который одно время был его соседом по камере. Партия продолжалась два и три часа, так что, как указывает сам Басаргин, возможно было избегать необдуманных ходов. Игра была напряженной и представляла для него

большой интерес, так как оба играли приблизительно в одну силу. Ходы передавались по очереди в соседнюю камеру через стенку, которая не отличалась толщиной, и можно было, не привлекая внимания часовых, переговариваться друг с другом. Надо отметить тот факт, что обоим игрокам была известна шахматная нотация, без знания которой они вряд ли могли играть отдельно каждый в своей камере и передавать ходы друг другу.

М. Гоняев, публикуя в „Шахматном Листке“ (1879 г., № 11—12) приводимое нами известие о шахматной игре Басаргина, высказывает предположение, что ходы передавались при помощи стенной азбуки, которая была изобретена М. А. Бестужевым. Однако это предположение совершенно нужно отвергнуть, как несоответствующее действительности, так как стенная азбука была изобретена Бестужевым позже, в Шлиссельбургской крепости, и Басаргину с Луниным не могла, следовательно, быть известна.

В Сибири шахматы были почти единственной игрой. В Чите, куда временно были сосланы декабристы, получившие возможность общаться друг с другом, среди общего чтения, пения, обсуждения политических событий, много времени посвящалось и шахматам. Иногда можно поразиться мужеству страстных шахматистов из среды декабристов; в „Записках“ декабриста И. Д. Якушкина упоминается, что в малом каземате, на цепях и в тесноте, они проводили время за игрою в шахматы.

Чита была временным местопребыванием декабристов. Для них была выстроена, недалеко от Верхнеудинска, в Петровском заводе, огромная тюрьма, куда и были переведены декабристы после четырехлетнего пребывания в Чите. Проводниками декабристов были буряты, оказавшиеся весьма недурными игроками в шахматы. Во время остановок целые кучи их собирались вокруг столиков, за которыми играли декабристы, при чем лица их выражали не простое любопытство, а знание игры. Они с величайшим интересом следили за игрой. Во время одной из таких остановок, когда обычная толпа бурятов обступила играющих декабристов Трубецкого и Вадковского, одному из бурятов было предложено сыграть партию, и бурят побил лучших игроков из декабристов. Буряты в общем оказались лучшими игроками, чем

декабристы. Последние неоднократно проигрывали бурятам, как, например, декабрист Фонвизин, который играл на переходе до зимовья Домнинского, и многие другие. Возможно и даже весьма вероятно, что декабристы не были знакомы с некоторыми отклонениями у бурят от обыкновенной шахматной игры, почему так часто и проигрывали. Впрочем, заметим, что Басаргин, проигравший первую партию буряту, вторую выиграл; вероятно, Басаргин освоился с правилами бурятов, и ему, как очень сильному игроку, было легко выиграть вторую партию.

Декабристы в своих воспоминаниях очень часто отмечают, что шахматы являлись для них наиболее приятным времяпрепровождением на поселении [1]. Нет необходимости приводить все свидетельства декабристов. Желающие могут ознакомиться подробнее в нашей статье „Шахматы в среде декабристов“ [2].

* *
*

Начало XIX в. ознаменовалось таким крупным фактом в истории развития русского шахматного искусства, как появление шахматной литературы на русском языке. Упомянутая нами выше рукопись Леонтьева не может итти в счет, так как в ней дается описание китайской шахматной игры.

Обыкновенно первой книгой на русском языке принято считать работу И. Бутримова (род. в 1782 г., ум. в 1851 г.) „О шахматной игре“ (1821 г.) Однако, первое упоминание на русском языке о шахматной игре мы встречаем в альманахе „Российский Музеум“, ч. IV, издаваемом В. В. Измайловым, в 1815 г. (стр. 48—75). В этом журнале помещен перевод отрывка из сочинения Виланда „О древнейших играх“, специально посвященного шахматной игре. В нем излагается в очень сжатой форме происхождение шахматной игры и ее распространение в Европе, при чем значительная часть посвящена мифологии шахматной игры. Конечно, никакого научного значения статья Виланда не представляет.

---

[1] В Музее Революции хранятся шахматы, которые на поселении были сделаны руками декабристов.

[2] „Шахм. Лист.“, 1925, № 18.

Работа Ивана Бутримова „О шахматной игре“ представляет собой первую попытку дать руководство на русском языке русским шахматистам. В сущности — это компиляция, и притом мало удачная, немецкого руководства Коха „Codex der Schachspielkunst“, изданного в Магдебурге в 1801 г., так что компиляция Бутримова была сделана с недавно вышедшего немецкого труда.

Книга делится на 2 части. Первая часть посвящена вопросу „О составе игры“, т.-е. говорится о расположении доски и фигур, названиях фигур, о шахе, мате, пате, рокировке и т. д. Вторая часть, „содержащая в себе описание некоторых подробностей, относящихся к познанию игры в шахматы“, знакомит читателей: как следует расценивать силу каждой фигуры, с концами партий. Во второй части также даются элементарнейшие сведения о дебютах, приводятся примерные партии, концы игр и несколько партий Филидора. В заключение предлагается 17 правил шахматной игры, принятых Лондонским шахматным клубом.

Конечно, работа Бутримова сейчас представляет исключительно библиографический интерес, но в начале XIX в. она основательно могла ознакомить русское общество с начатками шахматной игры. Предисловие Бутримова к его книге мы приведем целиком, так как оно в некоторой степени характеризует отношение русского общества к шахматной игре.

Бутримов в довольно робком тоне берет шахматы под свою защиту от многочисленных нападок. Он пишет:

„После того, как являются у нас новые издания об играх в карты, фанты и проч., можно надеяться, что описание шахматной игры, как бы оно несовершенно ни было, будучи еще почти первое на отечественном языке, найдет читателей, желающих узнать о предмете, изъяснение которого на иностранных языках доведено до совершенства классических сочинений Филидором, Кохом и другими авторами.

„Не распространяясь на похвалах сей игре, превознесенной многими прозою и стихами, я ограничусь только указанием, во-первых, на то, что она есть одна из тех немногих игр, в которых счастье ни мало не участвует, но все зависит от рассуждения и предусмотрительности, а потому играть в нее и без денег очень занимательно; и, во-вторых

что шахматы издавна составляют любимую забаву славнейших людей: военных, видящих в сей игре науку войны, и мудрецов, находящих ее достойною ума своего.

„В сем занятии сверх приятного провождения времени есть и польза, подобная, может-быть, происходящей от изучения математики, со стороны получаемой привычки к рассуждению.

„Сие да послужит оправданием, что некоторые из свободных часов употреблены мною на издание, а читателем на прочтение сей книжки“.

Еще более поразительно сквозит неуверенность, как публика отнесется к шахматной игре, в небольшой брошюрке, изданной в 1828 году в Москве, посвященной основным правилам шахматной игры. Заглавие этой брошюрки довольно курьезно: „Правила шахматной игры и московского бостона без ремизов“. Уже одно заглавие внушает опасение, что автор брошюры будет доказывать, что шахматы игра не менее интересная, чем карты. Впрочем, этому не следует удивляться. Гораздо позже, в 1876 г., в передовой статье к издаваемому им „Шахматному Листку“ М. И. Чигорин с горечью писал, что „шахматная игра, как не подходящая под уровень вкуса и только-что высказанных потребностей, не имеет возможности занять в настоящее время то преобладающее положение среди других игр, на которое она имеет полное право, как наиболее умная и глубокомысленная игра“.

Поэтому мы легко простим автору указанной брошюрки, если он в предисловии к „Правилам“ пишет, что „мы просим извинения у строгих ученых судей наших, что занимаем читающую публику такими безделками“. Далее анонимный автор пытается доказать, что шахматная игра может представить интерес в том отношении, что в ней отсутствуют элементы счастья и перевес будет на стороне действительно лучше играющего.

Никакой ценности эта брошюра не имеет и не имела даже в начале XIX в. в виду наличия книги Бутримова.

* *
*

Подводя итог развитию шахматной игры в XVIII и в начале XIX вв., следует отметить, что в этот период шах-

маты получают большое распространение главным образом среди аристократических кругов, хотя мемуары иностранцев отмечают, что и широкая масса населения любила эту игру. В конце XVIII и в начале XIX вв. начинают организовываться шахматные клубы, но, не встречая поддержки со стороны русского общества, прекращают очень быстро свое существование. Русская шахматная литература находится еще в зачаточном состоянии.

Однако, на сцену выступают новые силы в лице Петрова и Яниша. Главная заслуга их заключается не только в издании различных трудов по теории шахматной игры, но главным образом в том, что они перекидывают мост между Россией и Западной Европой.

Русские шахматисты начинают появляться в западноевропейских шахматных кругах и иногда не без успеха играют с иностранными шахматистами, которые, однако, далеко опередили русских шахматистов как в теории игры, так и в практике.

Глава IV.

Шахматы в середине XIX века.

(30-ые — 60-ые годы).

Рассматриваемый период может быть охарактеризован, как период теоретического подхода к шахматной игре. До двадцатых годов XIX века на шахматы в России все смотрели как на забаву. Они были такой же игрой, как карты. Но с появлением первых трудов на русском языке, сначала переводных, мы наблюдаем среди некоторой группы шахматистов интерес к изучению шахматной игры. Начинают знакомиться с дебютами, концами игр. Все это приводит к появлению на русском языке новых книг. Мы уже упоминали о руководстве И. Бутримова. Гораздо основательнее и самостоятельнее работа А. Д. Петрова, изданная им в 1824 году под заглавием „Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные".

Александр Дмитриевич Петров родился 1 февраля 1794 года в Псковской губ., в сельце Бисереве, близ города Опочки. Домашняя обстановка весьма способствовала развитию в мальчике любви к шахматной игре. Его отец и дед по матери, Иван Алексеевич Соколов, довольно хорошо для своего времени играли в шахматы и любили эту игру. Когда Петрову исполнилось всего лишь 4 года, дедом были подарены ему резные шахматы, которые были его первыми игрушками. Правда, мальчик играл по-своему и переставлял фигуры на доске, как обыкновенно дети играют в солдатики. Однако, вскоре отец показал ему ходы и первоначальные правила игры, так что к семи годам Петров игрэл для своих лет довольно прилично. До нас дошла одна партия, которую играл Петров в детские годы со своим дедом. Никакого значения эта партия не имеет, но мы приводим ее лишь

только потому, что она может считаться первой записанной и известной нам партией, игранной русскими шахматистами. С другой стороны, эта партия, может нас познакомить с игрой таких заурядных любителей конца XVIII в., каким был дед Петрова, И. А. Соколов, его отец и ряд других русских шахматистов.

Эта партия относится к неправильным защитам, к так называемой игре Дамиано:

1.	e2 — e4	e7 — e5	8.	Cc1 — h6	Kb8 — d7
2.	Kg1 — f3	f7 — f6	9.	Ch6 : f8	Kd7 : f8
3.	Kf3 : e5	f6 : e5	10.	Kb1 — c3	Cc8 — e6
4.	Фd1 — h5 +	g7 — g6	11.	e4 — e5	Kf6 — h5
5.	Фh5 : e5 +	Фd8 — e7	12.	g2 — g4	0 — 0 — 0
6.	Фe5 : h8	Kg8 — f6	13.	g4 : h5	Kf8 — d7
7.	d2 — d3	d7 — d5			

На этом обрывается запись. Белыми играл Петров.

В наше время и начинающий любитель не стал бы так играть, но нужно иметь в виду, что и Петров и его дед не имели никакого представления о теории. Это была игра обыкновенных, как тогда называли, mazetta.

В 1804 г. семья Петровых переезжает на постоянное жительство в Петербург, и десятилетнего мальчика определяют в частный институт Каменского. В свободные часы Петров играл со своими товарищами по институту, которых он всегда обыгрывал, хотя они были гораздо старше его. Страсть к шахматной игре уже настолько овладела им, что он стал забрасывать свои школьные занятия. Очень часто ночью мальчик вскакивал с постели и начинал разбирать игранные партии. Когда мать заставала его ночью за шахматной доской и немилосердно смешивала фигуры, он по памяти восстанавливал партии и разбирал, пока не засыпал.

Получая вначале от дедушки вперед ладью, он в скором времени стал с ним играть на равных и постоянно выигрывал у него. На тринадцатилетнего мальчика стали смотреть как на чудо. В домах, где часто собирались любители шахматной игры, стали говорить о необыкновенной силе молодого Петрова.

Большой любитель шахматной игры, Дмитрий Осипович Баранов (1773—1834), которому И. Бутримов посвятил свою книгу „О шахматной игре", пригласил к себе Петрова и познакомил его с сильнейшим любителем того времени Алексеем Даниловичем Копьевым, известным писателем и остряком начала XIX в. Несмотря на то, что Копьеву были известны некоторые дебюты и гамбиты, которыми он всегда начинал, единоборство кончилось в пользу Петрова. Впоследствии Петров стал давать Копьеву вперед коня.

Петров стал часто бывать в доме Баранова, где собирались преимущественно писатели, поэты и драматурги. Знакомство с Барановым сыграло большую роль для Петрова в смысле усовершенствования в шахматной игре. В скором времени он стал давать вперед своим противникам. Так, он давал пешку и ход полковнику Ганри, который в свою бытность в Париже играл с знаменитым Дешапелем, получая от него только пешку и два хода.

Петров выигрывал у Ганри и считал, что может ему давать вперед коня. В доме Баранова Петров познакомился с Николаем Петровичем Брусиловым (1782—1849), административным деятелем, а также довольно известным писателем и публицистом, выступавшим в печати по различным вопросам. Слава Петрова, как отличного шахматиста, проникла и в другие дома, представлявшие собой своего рода шахматные клубы или собрания. Петров стал посещать эти дома, где окончательно за ним укрепилась слава лучшего шахматиста в России.

Шахматные успехи Петрова сыграли роль и в его личной жизни. Знакомство с шахматистами, занимающими иногда большие административные посты, привело к тому, что Петров стал быстро подниматься по чиновничьей лестнице. Поступив на службу по „генерал-рекетмейстерским делам", впоследствии Комиссии Прошений, он в 1817 г. был назначен в 1-ый департамент по обер-прокурорским делам. Мы не будем перечислять его служебных успехов. Интересующихся отсылаем к „Русскому Биографическому Словарю", том Павел-Петр, СПБ 1902, стр. 656). Отметим только, что с 1840 года Петров переходит на службу в Варшаву, где занимает высокие должности при князе Паскевиче, наместнике Царства Польского. С Паскевичем Пет-

ров познакомился в 1821 году в доме Федора Васильевича Самарина. Это знакомство, конечно, сыграло известную роль в чиновничьей карьере Петрова. Умер он в Варшаве в чине тайного советника 10 апреля 1867 года.

Мы не можем судить об игре Петрова во время пребывания его в Петербурге. Он не имел привычки записывать свои партии. Поэтому из бесконечного числа игранных им партий до нас дошло самое незначительное число, не более 25—30. Но и эти относятся к позднейшему периоду его шахматного творчества, т.-е. к моменту переезда в Варшаву. Но поразительнее всего, что лучшие партии Петрова напечатаны в заграничных шахматных журналах, как, напр., „Schachzeitung", „Chess Player's" „Palamède" и друг., где помещались также его статьи и задачи.

Если петербургский период жизни Петрова может быть охарактеризован, как период лихорадочной игры в шахматы, в целях закрепления за собой славы лучшего русского шахматиста, то варшавский период его жизни, т.-е. с 1840 года до конца жизни, знаменует, с одной стороны, неоспоримое признание за ним шахматного таланта не только русскими шахматистами, но и заграничными, с другой—понижение интереса Петрова к шахматной игре. Уже одно то обстоятельство, что Петров вместе с Янишем получил приглашение на Лондонский турнир 1851 г., где участвовали такие мировые шахматисты, как Андерсен, Стаунтон и др., закрепляет за ним славу игрока международного масштаба. Обстоятельства не позволили Петрову принять участие в турнире. Нужно заметить, что во всю свою жизнь Петрову не удалось сыграть с кем-либо из более или менее известных иностранных маэстро. Еще в Петербурге, в тридцатых годах, когда выяснилось, что Петров не имеет себе равных в России игроков, возникло предположение о партии по переписке между ним и гениальным Лабурдонне, однако и это намерение, к сожалению, не осуществилось.

За границей давно уже интересовались личностью Петрова, но обстоятельства, не позволявшие Петрову в личной встрече с иностранными шахматистами показать свою силу, нередко вызывали сомнение у иностранцев. Недаром Цукерторт рассказывает, что одной из любимых шуток Андерсена было выражение сомнения в реальное существо-

вание Петрова: „Кто его видел, — говорил Андерсен. — Все напечатанные им партии играны против лиц совершенно неизвестных; несомненно, что никакого Петрова никогда и не было, русские его выдумали для того, чтобы и у них был великий мастер шахматного искусства“.

В начале пребывания Петрова в Варшаве бреславльский шахматный клуб, во главе которого стоял Андерсен, послал вызов варшавским шахматистам, надеясь, естественно, что в числе последних будет играть Петров. Однако, варшавские шахматисты были вынуждены отклонить вызов в виду того, что не имели еще правильно организованного клуба. Впоследствии, когда, пользуясь присутствием Петрова, варшавские любители сумели организовать шахматный клуб, они послали вызов берлинскому клубу — сильнейшему клубу в Германии, однако и это состязание по неизвестным нам причинам не состоялось.

Петров изредка появлялся в варшавском шахматном клубе, и то лишь в первые годы своего пребывания в Варшаве. До нас дошла записанная партия Петрова, игранная им в 1837 году против 3 варшавских любителей.

	Белые. А. Д. Петров.	Черные. Консультанты.
1.	e2—e4	e7—e5
2.	Kg1—f3	Kg8—f6
3.	d2—d4	Kf6 : e4
4.	Cf1—d3	d7—d5
5.	Kf3 : e5	Cf8—d6
6.	0—0	0—0
7.	c2—c4	f7—f5
8.	f2—f4	c7—c6
9.	Ce1—e3	Cc8—e6
10.	c4 : d5	c6 : d5
11.	Kb1—c3	Kb8—c6
12.	Лa1—c1	Лf8—f6?
13.	Cd3 : e4	f5 : e4
14.	Kc3—b5	Kc6—e7?
15.	Kb5 : d6	Фd8 : d6
16.	g2—g4	g7—g6?
17.	f4—f5!!	g6 : f5
18.	Ce3—g5	Лf6—f8
19.	Cg5—h6	Лf8—c8
20.	Фd1—d2!	Фd6—d8
21.	Лc1 : c8	Лa8 : c8
22.	g4 : f5	Ke7 : f5
23.	Фd2—g2+	Kpg8—h8
24.	Лf1 : f5	Фd8—g8
25.	Лf5—f6	Ce6—h3
26.	Фg2—g3	Фg8 : g3+
27.	h2 : g3	Сдались.

В Варшаве, до своего отъезда за границу, Петров играл мало. Лишь в воскресные дни, осенью и зимою, Петров иногда приглашал к себе лучших варшавских шахматистов.

Почти единственными его постоянными партнерами были князь Паскевич и, в особенности, А. Гофман. На личности последнего следует остановиться, так как он открывает собой появление того рода шахматистов, для которых шахматы являются профессией и единственным средством к существованию. Впоследствии, к концу XIX в. известное кафе Доминика дало ряд подобных шахматистов.

А. Гофман не имел определенных занятий. Одно время он служил в различных коммерческих предприятиях, затем давал уроки немецкого языка. Однако, преподавание не приносило не только материального благополучия, но заставляло его семью жить впроголодь. Поэтому Гофман выступает в варшавском клубе, как преподаватель шахматной игры. Почти целые дни он проводил в шахматном клубе или кофейнях, где предлагал играть варшавским любителям на небольшую ставку. Выигрыш двух-трех злотых давал возможность нуждающемуся шахматисту накормить семью. Однако, зная силу Гофмана, варшавские любители требовали от него вперед ладью или коня, что приводило иногда к проигрышу им партии.

Петров познакомился с Гофманом во время своего первого приезда в Варшаву в 1835 году и тогда, играя с лучшими любителями варшавского шахматного клуба, обратил внимание на игру Гофмана. После окончательного переезда в Варшаву Петров очень часто приглашал к себе Гофмана Узнав о его бедственном положении, он помогал ему, платя за его квартиру и снабжая иногда небольшой суммой денег. За каждую выигранную партию Гофман получал один рубль, а за ничью — полтинник. Нуждаясь в деньгах, Гофман играл наилучшим образом, и изредка ему удавалось выигрывать у Петрова. Однако, Гофман играл очень неровно. Иногда его партии блещут остроумием; он умеет защищаться даже в самых трудных положениях, но очень часто Гофман простыми зевками проигрывал партии.

Петров сыграл с Гофманом по крайней мере несколько сот партий приблизительно за двадцатилетний период, причем, как отмечает сам Петров, некоторые из них по качеству не хуже партий, игранных Лабурдонне с Макдоннелем. Лучшие из партий, как и большинство партий Петрова, не записаны. Ниже мы приводим две дошедшие до нас партии.

	Белые. А. Гофман.			Черные. А. Д. Петров.	
1.	e2—e4	e7—e5	11.	Kf3—g5?	Ke7 : d5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6	12.	Kg5 : f7	0—0!
3.	Cf1—c4	Cf8—c5	13.	Kf7 : d8	Ce5—f2+
4.	c2—c3	Kg8—f6	14.	Kpg3—h3	d7—d6+
5.	d2—d4	e5 : d4	15.	e5—e6	Kd5—f4+
6.	e4—e5	Kf6—e4	16.	Kph3—g4	Kf4 : e6
7.	Cc4—d5	Ke4 : f2	17.	Kd8 : e6	Cc8 : e6+
8.	Kpe1 : f2	d4 : c3+	18.	Kpg4—g5	Лf8—f5+
9.	Kpf2—g3	c3 : b2	19.	Kpg5—g4	h7—h5+
10.	Cc1 : b2	Kc6—e7	20.	Kpg4—h3	Лf5—f3×

Из этой партии мы видим, насколько был силен комбинационный талант Петрова, и неправильная комбинация белых на 11 ходе позволила ему закончить партию в свою пользу самым блестящим образом с жертвою ферзя.

Другая партия, игранная в 1852 году, показывает, что при внимательной и осторожной игре, Гофман мог бы противостоять знаменитому шахматисту (см. стр. 67).

Выше мы уже отмечали, что Петрову не удавалось по тем или иным обстоятельствам играть с лучшими заграничными мастерами. Недаром его современник, известный русский шахматист С. С. Урусов замечает, что Петров, живя в Варшаве, оградил себя китайской стеной, что в значительной степени справедливо. Впрочем, от этого упрека не отказывается и сам Петров.

С 1856 года он совсем перестает играть, т.-е. с того времени, когда скончались его постоянные партнеры: Гофман и кн. Паскевич. Правда, в Варшаве находилось несколько сильных любителей, как Ружанский, Земонский, П. Петровский и др. Но интерес к шахматной игре у Петрова значительно ослаб, и свободное время он предпочитал уделять преферансу.

Большим событием для истории шахматной игры в России был приезд в Варшаву в 1859 г. кн. С. С. Урусова.

Урусов пользовался уже славой отличного русского шахматиста. Кроме того, Урусов был хорошо знаком с теорией, много посвящая времени изучению дебютов и концов.

Еще в 1853 г., когда Петров по служебным делам находился в Петербурге, Урусов специально приехал из Москвы,

	Белые.	Черные.			
	А. Д. Петров.	**А. Гофман.**			
1.	e2—e4	e7—e6	40.	Kd5—b4+	Kpe6—b7
2.	d2—d4	d7—d5	41.	Kb4—a2	Ce6—f7
3.	e4 : d5	e6 : d5	42.	h4—h5	Cf7—d5
4.	c2—c4	Cf8—b4+	43.	Kpf4—e3	Cd5—e6
5.	Kb1—c3	Cb4 : c3+	44.	Kpe3—d2	f6—f5
6.	b2 : c3	Kg8—f6	45.	g4—g5	Ce6—f7
7.	Kg1—f3	0—0	46.	h5—h6	f5—f4
8.	Cf1—e2	d5 : c4	47.	Ka2—b4	Kb5—d6
9.	0—0	b7—b5	48.	d4—d5	Kd6—f5
10.	a2—a4	c7—c6	49.	Kb4—c6	Cf7 : d5
11.	Kf3—e5	Cc8—b7	50.	g5—g6	Cd5—g8
12.	Ce2—f3	Kf6—d5	51.	Kc6—d8+	Kpb7—a8
13.	Фd1—c2	f7—f6	52.	g6 : h7	Cg8 : h7
14.	Ke5—g4	Kb8—a6	53.	Kd8—e6	Kf5 : h6
15.	Лf1—e1	Ka6—c7	54.	Ke6 : f4	Kh6—f5
16.	Cf3—e4	g7—g6	55.	Kf4—d5	Ch7—g8
17.	Ce4 : g6!	Фd8—d7	56.	Kd5—e3	Kf5—d6
18.	Cg6—f5	Лf8—e8	57.	Kpd2—c2	Kpa8—b7
19.	Cc1—f4	Лe8 : e1+	58.	Kpc2—b2	Kd6—b5
20.	Лa1 : e1	Лa8—e8	59.	f3—f4	Cg8—f7
21.	Фc2—b1	Лe8 : e1+	60.	f4—f5	Kb5—d6
22.	Фb1 : e1	Фd7—e8	61.	Kpb2—a3	Cf7—e8
23.	Фe1 : e8+	Kc7 : e8	62.	Kpa3—b4	Ce8—d7
24.	Cf5—e6+	Kpg8—g7	63.	Kpb4—c5	Kd6 : f5
25.	Ce6 : d5	c6 : d5	64.	Ke3 : c4	Cd7—e8
26.	a4 : b5	Kpg7—g6	65.	Kc4—a5+	Kpb7—a8
27.	Kg4—e3	Ke8—g7	66.	Ka5—c6	Kf5—d6!
28.	Cf4—b8	Kg7—e6	67.	Kc6—e7	Kd6—b5
29.	Cb8 : a7	Ke6—c7	68.	Ke7—d5	Kpa8—b7
30.	b5—b6	Kc7—b5	69.	Kd5—f6	Ce8—c6
31.	Ke3—d1	Kpg6—f5	70.	c3—c4	Kb5 : a7
32.	f2—f3	Kpf5—e6	71.	b6 : a7	Cc6—g2
33.	Kpg1—f2	Kpe6—d6	72.	Kf6—d5	Kpb7 : a7
34.	Kpf2—e3	Kpd6—c6	73.	Kpc5—c6	Kpa7—b8
35.	Kpe3—f4	Cb7—c8	74.	Kpc6—d7	Kpb8—b7
36.	g2—g4	Cc8—d7	75.	Kpd7—d6	Kpb7—c8
37.	h2—h4	Kb5—d6	76.	Kd5—e7+	Kpc8—d8
38.	Kd1—e3	Kd6—b5	77.	c4—c5	Cg2—f3
39.	Ke3 : d5	Cd7—e6		Ничья.	

чтобы сразиться со своим знаменитым соотечественником. Результат в пользу Петрова был +2 = 2.

Со времени этого небольшого состязания Урусов значительно усилился, а Петров, наоборот, не имел никакой практики. Вполне понятно поэтому, что в начале матча он играл неуверенно, и результат в пользу Петрова был совсем незначительный: +6—5. Урусов обыкновенно начинал шотландским дебютом, который он хорошо знал и нашел даже очень сильные продолжения. Однако, дальнейший ход матча показал, что Петров разыгрался и выиграл матч с общим результатом +13—7 = 1.

Впрочем, следует отметить, что результат для Петрова был далеко не блестящий. Приведем первую партию матча:

	Белые. **С. С. Урусов.**	Черные. **А. Д. Петров.**			
1.	e2—e4	e7—e5	25.	Кc3 : d1	a7—a6
2.	Кg1—f3	Кb8—c6	26.	Фe6—e8+	Крb8—a7
3.	d2—d4	e5 : d4	27.	Фe8—e3+	Фg5 : e3
4.	Сf1—c4	Сf8—c5	28.	Кd1 : e3	c7—c5
5.	0—0	Кg8—f6	29.	Крh1—g2	Кf3—e1+
6.	e4—e5	d7—d5	30.	Крg2—f1	Кe1—d3
7.	e5 : f6	d5 : c4	31.	Кe3—d1	b7—b5
8.	Лf1—e1+	Сc8—e6	32.	a2—a3	Крa7—b6
9.	f6 : g7	Лh8—g8	33.	Крf1—e2	c5—c4
10.	Кf3—g5	Лg8 : g7	34.	Крe2—d2	Крb6—c5
11.	Лe1 : e6+	f7 : e6	35.	Крd2—c3	a6—a5
12.	Кg5 : e6	Фd8—e7	36.	f2—f4	b5—b4+
13.	Кe6 : g7+	Фe7 : g7	37.	a3 : b4	a5 : b4+
14.	Фd1—h5+	Фg7—g6	38.	Крc3—d2	Крc5—d4
15.	Фh5 : c5	0—0—0	39.	f4—f5	Крd4—e5
16.	Фc5 : c4	Кc6—e5	40.	b2—b3	Крe5 : f5
17.	Фc4—b3	d4—d3	41.	b3 : c4	Крf5—e4
18.	c2 : d3	Лd8 : d3	42.	Крd2—c2	Кd3—c5
19.	Кb1—c3	Кc5—f3+	43.	Кd1—b2	Крe4—e5
20.	Крg1—h1	Кf3—h4	44.	Крc2—d2	b4—b3
21.	Сc1—g5	Фg6 : g5	45.	g3—g4	Кc5—e4+
22.	Фb3—e6+	Крc8—b8	46.	Крd2—c1	Кe4—f2
23.	g2—g3	Кh4—f3	47.	g4—g5	Кf2—h3
24.	Лa1—d1	Лd3 : d1+	48.	g5—g6	h7 : g6

и через несколько ходов черные выиграли.

Как видно из этой партии, Петров разыграл дебют очень плохо и вскоре проиграл даже фигуру. В дальнейшем, однако, он играл наилучшим образом и, воспользовавшись несколько слабыми ходами противника, не только отыграл фигуру, но, имея пешкой меньше, выиграл партию.

В другой раз Петров в шотландской партии сыграл 8... Кре8—f8, но и этот ход приводил к проигрышному положению. В дальнейшем Петров находил все лучшие защиты и на 5. 0—0 отвечал d7—d6.

В одной партии он сыграл так:

Белые: Урусов. Черные: Петров.

1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 Kb8 — c6 3. d2 — d4 e5 : d4 4. Cf1 — c4 Cf8 — c5 5. 0 — 0 d7 — d6 6. c2 — c3 Kg8 — f6 7. c3 : d4 Cc5 — b6 8. Kb1 — c3 Cc8 — g4 9. Cc1 — e3 0 — 0 10. Фd1 — d3 Cg4 : f3 11. g2 : f3 Фd8 — d7 12. Kpg1 — g2 Kc6 — e7 13. Kc3 — e2 Ke7 — g6 14. Ce3 — g5 Kf6 — h5 15. Фd3 — d2 h7 — h6 и т. д.

Мы лишены возможности привести другие партии Петрова, выигранные им у Урусова, так как он не имел обыкновения записывать партий, и до нас, кроме указанной, дошли партии, выигранные Урусовым благодаря грубым зевкам Петрова и потому ничего не говорящие о его таланте.

В 1862 г. Петров два раза приезжал в Петербург, в этом же году прибыл знаменитый венгерский игрок Колиш, о котором одно время говорили, что он будет счастливым соперником Морфи. К сожалению, Колиш приехал в то время когда Петрова не было уже в Петербурге.

Служебные дела Петрова не разрешали ему долго пробыть в Петербурге и поэтому он не имел возможности в серьезном состязании с известным в то время И. С. Шумовым показать истинность своего дарования. Между ними было сыграно 6 легких партий, из которых Петров четыре выиграл и две проиграл. Каждая партия длилась не более часу или двух, а иногда и три четверти часа. Естественно, поэтому, что с той и другой стороны было допущено много ошибок. И Петров и Шумов особенного значения этим партиям, конечно, не придавали. Все-таки мы приведем одну партию, очень характерную для стиля той эпохи.

Белые.			Черные.		
А. Д. Петров.			И. С. Шумов.		
1.	e2—e4	e7—e5	17.	g2—g3	Фh4—d4+
2.	f2—f4	d7—d5	18.	Фc1—e3	Фd4 : e3+
3.	e4 : d5	e5—e4	19.	Крf2 : e3	Кb8—a6
4.	Кb1—c3	Кg8—f6	20.	Лh1—e1	Кa6—b4
5.	d2—d3	Сf8—b4	21.	Крe3—d2	Сc8—d7
6.	Сc1—d2	e4—e3	22.	Сf3 : b7	Лa8—b8
7.	Сd2 : e3	Кf6 : d5	23.	Сb7—d5	Сd7—a4
8.	Сe3—d2	Сb4 : c3	24.	Лa1—b1	Крg8—f8
9.	b2 : c3	0—0	25.	a2—a3	Кb4—a6
10.	c3—c4	Лf8—e8+	26.	Лb1 : b8+	Кa6 : b8
11.	Сf1—e2	Кd5—e3	27.	Лe1—f1	f7—f6
12.	Сd2 : e3	Лe8 : e3	28.	Лf1—b1	Кb8—d7
13.	Крe1—f2	Фd8—d4	29.	Лb1—b7	c7—c6
14.	Кg1—f3	Фd4 : f4	30.	Лb7 : d7	c6 : d5
15.	Фd1—c1	Лe3 : f3+	31.	Лd7 : d5	Сa4—c6
16.	Сe2 : f3	Фf4—h4+	32.	Лd5—a5	Сдался.

Эта партия длилась $^3/_4$ часа. Очень характерна необоснованная жертва Шумова для получения атаки во что бы то ни стало.

Несмотря на то, что Петров после своего отъезда в Варшаву стал постепенно отходить от шахмат, играя лишь с теми, которые приезжали к нему, желая сразиться с лучшим из русских шахматистов, слава его нисколько от этого не померкла. Не только в России, но и за границей много говорили и писали о знаменитом „Северном Филидоре“, как называли его современники.

Выше мы уже писали о неудачных попытках, сделанных, чтобы дать возможность Петрову показать свое дарование иностранным шахматистам. Патриотизм некоторых русских игроков был так велик, что Петрова считали сильнее, чем Морфи, хотя Петров и отклонял от себя подобную честь. За границей, как отмечает С. С. Урусов, создавалось мнение, что Петров — миф. С горечью пишет Урусов, что „по задачам и напечатанным партиям видно, что какой-то колосс живет в шахматном мире, но этот колосс, несмотря на близость его местопребывания, Варшавы, от Бреславля и других

европейских городов, никогда не рисковал своей репутацией: ни с кем из знаменитостей не сражался“.

В 1863 г. Петров с семьей отправляется за границу. Все русские шахматисты были взбудоражены. Наконец-то представляется возможность показать силу „Северного Филидора“. Однако и здесь их постигло полное разочарование. Ни с одним известным шахматистом Петрову сыграть не удалось. В особенности многого ожидали от встречи Петрова с Морфи, который находился тогда в Париже, куда приехал и Петров. Журнал „Nouvelle Régence“ так писал о приезде Петрова: „Мы слышали о встрече, которая должна иметь место между Петровым и Морфи. Это несомненно будет одно из прекрасных состязаний, которое когда-либо происходило. Это будут прекрасные дни для шахмат“.

Пребывание Петрова за границей вызвало немало легенд о якобы блестящих его победах над всеми иностранными шахматистами. Отчасти возникновение всякого рода басен о „блестящих победах“ Петрова, по нашему мнению, вызывалось сообщениями самого Петрова редактору „Шахматного Листка“ в 1863 году. В Берлине, в кафе „Belvéder“ Петров сыграл три партии с местными любителями, из которых две выиграл, а одну проиграл („голова закружилась от баварского пива, — писал Петров, — и прозевал слона“). В Вене Петрову тоже пришлось сыграть несколько легких партий· Здесь мы отметим факт, который послужил поводом для создания басен о нем. В венском кафе из разговоров выяснилось, что Петрова почему-то принимают за англичанина. Узнав, что он русский из Варшавы, местные любители высказали предположение, что он, вероятно, Петров.

Теперь посмотрим, как позже рассказывали об этом факте. Н. В. Берг в своих „Записках о польском восстании в 1863—1864 гг.“ [1] со слов будто бы Петрова пишет, что однажды, в венском клубе, подсев к двум сильным игрокам и видя, что один из них чересчур медлит выходом, Петров попросил позволения сделать выход вместо него и, когда это было разрешено, выступил шашкой. Оба игрока сказали в один голос: „Вы — Петров“. Конечно, тут Берг что-то напутал.

---

[1] „Русская Старина“, 1879 г., февраль.

По приезде в Париж, Петров, естественно, зашел в знаменитое „Café de la Régence", центр собраний всех известных шахматистов, однако никого из знаменитостей ему там не удалось повстречать. Из письма Петрова остается мало выясненным, почему ему не удалось сыграть с Колишем, Ривером, Морфи, хотя он с ними и виделся. Мы далеки от мысли предположить, что Петров избегал встречи с ними за шахматной доской, однако приходится констатировать факт, что долгожданное состязание Петрова с Морфи не состоялось. Общий тон письма[1] подсказывает, что Петров и не имел намерения играть серьезный матч с кем-либо из известных шахматистов. Не упоминая о своем желании играть с Морфи, Петров, однако, пишет, что „был у Морфи два раза, и он приезжал ко мне. Доазан (парижский игрок, сотрудник журналов „Palamède" и „Nouvelle Régence") говорит, что он решительно отказывается от игры". Мы не будем здесь выяснять достоверность этого свидетельства или указывать на возможность такого отказа со стороны Морфи в виду полного отсутствия у нас на такой предмет сведений. Однако, эта недоговоренность дала материал для „глубокомысленного сочинительства" упомянутого нами Берга, что Петров „играл со всеми лучшими игроками Старого и Нового Света и всех их обыграл, исключая Морфи, который почему-то не согласился с ним играть и, таким образом, как бы признал себя побежденным".

Из сильнейших игроков, с которыми пришлось сыграть Петрову, были Журну, редактор шахматного журнала, и Линдэн, — игроки, которые, конечно, по силе не могли равняться с корифеями шахматной игры, вроде Морфи, Андерсена, Колиша, Левенталя и др.

Вот одна из партий, игранных с одним парижским любителем. Черными играл Петров.

1. e2 — e4 e7 — e5 2. f2 — f4 e5 : f4 3. Kg1 — f3 g7 — g5 4. h2 — h4 g5 — g4 5. Kf3 — e5 Kg8 — f6 6. Cf1 — c4 d7 — d5 7. e4 : d5 Cf8 — d6 8. d2 — d4 Kf6 — h5 9. Cc4 — b5 + Kpe8 — f8 10. Kb1 — c3 Kh5 — g3 11. Лh1 — g1 Фd8 — f6 12. Kc3 — e2 Cd6 : e5 13. d4 : e5 Фf6 — b6 14. Ke2 — d4 c7 — c5 15. d5 : c6 Kb8 : c6 16. Cb5 : c6 b7 : c6 17. Cc1 : f4 Kg3 — f5 18. Kd4 — e2

[1] См. „Шахматный Листок", 1863 г., № 58.

Cc8 — a6 19. Лg1 — f1 Лa8 — b8 20. Фd1 — c1 Фb6 — b4 + 21. Kpe1 — f2 g4 — g3 + 22. Kpf2 — f3 Ca6 : e2 + 23. Kpf3 : e2 Фb4 — e4 + 24. Cf4 — e3 Kf5 — d4 + 25. Kpe2 — e1 Kd4 : c2 + 26. Kpe1 — e2 Фe4 : g2 +. Белые сдались.

После своего приезда из-за границы Петров совсем отошел от шахмат. Один раз ему удалось побывать в Петербурге на несколько дней и сыграть несколько партий с русскими любителями, давая им вперед пешку и ход. 10 апреля 1867 года Петров скончался в Варшаве и погребен на Вольском кладбище.

* *
*

А. Д. Петров был известен не только как практический игрок. Его перу принадлежит несколько статей, касающихся шахматной игры, напечатанных в русских и заграничных журналах. Но главная его заслуга в этом направлении заключается в составлении руководства под названием „Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные“ в 5 частях [1]. В приложении даны 20 „стратегем“, т.-е. таблиц, задач и этюдов и их решения. Издана книга была в 1824 г., когда автору ее было 30 лет.

Вначале Петров дает краткий обзор книг, вышедших на иностранных языках, а именно: Г. Селена, Греко, Стамма, Филидора, Лолли, Коха, Альгайера и др.

Этим обзором, конечно, не исчерпывалась литература на иностранных языках, но Петров, вероятно, упоминает о тех книгах, с содержанием которых он был знаком. После обзора следуют отрывочные сведения из истории шахматной игры, никакой ценности и значения не имеющие. Поэтому мы и не будем останавливаться на этом. Первая и вторая части, так называемая теория шахмат, заключает в себе общие правила игры и, что в особенности любопытно, „Словарь технических речений шахматной игры“, имеющий значение для изучения шахматной терминологии начала XIX века.

---

[1] Кстати заметим, что в различных статьях и журналах, где упоминается о книге Петрова, авторы почему-то считают, что она состоит из двух частей. Это заблуждение основано, вероятно, на том, что дальше титульного листа книга Петрова не читалась.

В конце второй части помещены 15 игр с вариантами, причем Петровым здесь принята описательная система нотации.

Третья, четвертая и пятая части составляют практику шахматной игры, т.-е. изложение некоторых гамбитов. В этих частях принята уже сокращенная нотация. В сущности Петров мало внес своего в изложение теории дебютов. Его изложение составляет почти буквальный перевод книги Филидора „Analyse de jeu des échecs“ (1749 г.), горячим поклонником игры которого был Петров, и книги Альгайера „Новое теоретическое и практическое руководство по шахматной игре“ (Вена, 1795 г.). В приложении даны 20 искусственных концов игр, заимствованных из различных шахматных книг, и его собственная задача, известная под названием „Бегство Наполеона из Москвы“, где белые (русские войска) дают мат в 14 ходов.

К области теоретических изысканий относятся статьи Петрова, посвященные гамбиту слона и напечатанные в „Sonntagsblätter“ [1], а также статья, напечатанная в „Шахматном Листке“ [2], „О новой защите против гамбита Муцио“, в которой он приводит ряд вариантов, имеющих целью доказать возможность защиты черных против атаки белых в гамбите Муцио, весьма распространенного начала в то время. Защита, которая им рекомендуется, сводится к следующему ходу. После 1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 e5 : f4 3. Kg1—f3 g7—g5 4. Cf1—c4 g5—g4 5. 0—0 g4 : f3 6. Фd1 : f3 следует играть 6... Kb8—c6.

В особенности ценны работы Петрова в разработке дебюта, известного впоследствии под именем русской партии, или защиты Петрова, названного так Янишем в честь своего знаменитого соотечественника. Яниш в своей работе „Analyse nouvelle des ouvertures de jeu des échecs“ отводит этому дебюту много места, признавая, что разработка многочисленных вариантов в нем принадлежит Петрову. Вообще в этом труде всякого рода теоретические замечания Петрова мы встречаем довольно часто. Помимо того русская партия иллюстрируется несколькими партиями Петрова, игранными им в 1837 году против русских любителей. Благодаря названному труду

---

[1] 1849 г., стр. 324 и 1885 г., стр. 271.

[2] 1862 г., № 45.

Яниша защита Петрова стала известна и за границей и постепенно завоевала все права гражданства в ряде других гамбитов и дебютов. Уже одно то обстоятельство, что русская партия и до нашего времени сохранила значение солидной защиты для черных, указывает на значение Петрова в области разработки теории дебютов.

Остальные работы Петрова, имеющие отношение к шахматной игре, можно отнести к области шахматной беллетристики и мемуарной литературы. К числу первой относится его фантастический рассказ „Сцены из жизни шахматных игроков“ (истинный анекдот), напечатанный в „Отечественных Записках“ и переведенный на иностранные языки: „Scènes de la vie d'un amateur d'échecs. Fragmente d'un biographie authentique“ в журнале „Palamède“ (1845 г., стр. 67); на английском языке эта статья была помещена в сборнике шахматных рассказов „Chess for Winter Evenings“, by H. R. Agnel (New-York, 1845 г.). К области художественного изображения шахматной игры относится статья „Странный случай с моим дедом“ („Шах. Лист.“ 1863 г., № 59), „Сцены из жизни шахматных игроков“ („Иллюстрация“, 1845 г., № 10), „Der Talisman. Schachlegende“. Sonntagsblätter von Max Lange“ (Leipzig, 1861 г.) и „Сказка про греческого царя Паламеда, как он воевал с персидским царем и какой сделал ему мат“, написанная в 1847 года. Содержание сказки составляет художественное описание шахматной партии. По трактовке темы она подходит к известной древне-еврейской поэме Я. Эйхенбаума „Такраб“ (битва), вышедшей впервые в Одессе в 1847 г.

К числу шахматной мемуарной литературы мы относим воспоминания Петрова, составляющие основной материал для его жизнеописания. Сюда относится „Краткий очерк моей шахматной жизни“, „Воспоминания об Александре Гофмане“ („Шах. Лист.“, 1860 г., № 22, 1861 г., № 29, 1863 г., № 60), „Из записок А. Д. Петрова“. („Всемирная Иллюстрация“, 1873 г., т. IX, стр. 195).

Упомянем здесь о других литературных трудах Петрова, не имеющих прямого отношения к шахматной игре. Прежде всего следует отметить очень ценную работу, напечатанную в „Шахматном Листке“ „Краткое описание четверной шахматной игры с крепостями“, переведенное на немецкий язык

под заглавием: „Das Vierschache mit Festungen“. „Aus dem russichen überzetzt von C. F. Jaenisch („Sonntagsblätter von M. Lange“, 1850 г., стр. 377); эта работа является и до сего времени почти единственной на русском языке.

Наконец, отметим „Руководство к основательному познанию шашечной игры, или искусство обыгрывать всех в простые шашки“, выпущенное в 1827 году без имени автора с эпиграфом „honny soit qui mal y pense“. Эта книга является первым руководством по шашечной игре и заключает в себе элементарные правила игры, несколько примерных партий, разбор концов игр и двенадцать любопытных задач. В заключение дано краткое изложение игры в поддавки. Очень любопытные сведения, главным образом автобиографического характера, о шашках находятся в упомянутых нами „Воспоминаниях“.

* * *

Значение А. Д. Петрова не только в том, что он является одним из сильнейших шахматистов. Своей славой в значительной степени он обязан составлением многоходовых задач, или, как тогда называлось, проблем. В этой области вкусы Петрова сосредоточивались главным образом на составлении киперганей, т.-е. обратных матов (от французского qui perde gagne). Но и здесь Петровым придумывались всякого рода требования, вроде того, чтобы получить обратный мат ладьею или ставилось обязательство — не проводить пешек в ферзи и т. д.

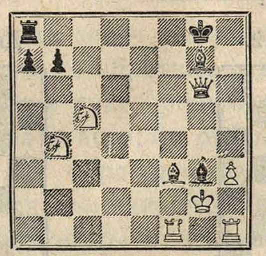
В заграничной литературе Петров стал известен в первое время именно как талантливый композитор задач, и шахматные журналы охотно помещали все его головоломные произведения в области задачного искусства. Уже в изданной им в 1824 г. книге „Шахматная игра“ им помещена задача под названием „Бегство Наполеона из Москвы“, где предлагается дать мат в 14 ходов.

Однако эта задача является еще одной из простых в смысле ее „многоходовости“. Правда, следует отметить, что нередко удавалось находить более сокращенные решения, чем требовалось составителем. Так, например, в одной задаче, в которой белые заставляют черных дать мат в 75 ходов,— при чем они обязываются не брать слона противника и не

проводить своих пешек в ферзи, — англичанином Больтеном было найдено решение в 28 ходов.

Одной из сложных задач является указанная на диаграмме (№ 1), в которой белые заставляют черных дать мат в 42 хода.

Диаграмма № 1.

Обратный мат в 42 хода.

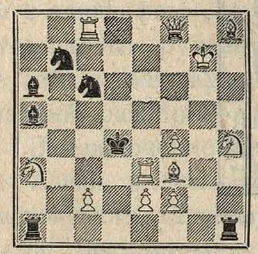
Решение:

1.	Cg7—a1+	Kpg8—f8
2.	Фg6—g7+	Kpf8—e8
3.	Cf3—h5+	Kpe8—d8
4.	Ca1—f6 +	Kpd8—c8
5.	Фg7—d7+	Kpc8—b8
6.	Kb4—a6+	b7 : a6
7.	Cf6—e5+	Cg3 : e5
8.	Лf1—b1+	Ce5—b2
9.	Kc5—a4	a6—a5
10.	Лh1—d1	a7—a6
11.	Ch5—e8	Лa8—a7
12.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
13.	Kpg2—f3	Лa7—a8
14.	Фd8—d7+	Kpb7—b8
15.	Kpf3—g4	Лa8—a7
16.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
17.	Kpg4—f5	Лa7—a8
18.	Фd8—d7+	Kpb7—b8
19.	Kpf5—g6	Лa8—a7
20.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
21.	Kpg6—f7	Лa7—a8
22.	Фd8—d7+	Kpb7—b8
23.	Kpf7—g8	Лa8—a7
24.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
25.	h3—h4	Лa7—a8
26.	Фd8—d7+	Kpb7—b8
27.	h4—h5	Лa8—a7
28.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
29.	h5—h6	Лa7—a8
30.	Фd8—d7+	Kpb7—b8
31.	h6—h7	Лa8—a7
32.	Фd7—d8+	Kpb8—b7
33.	Лd1—d5	Лa7—a8
34.	Фd8—b6+	Kpb7—c8
35.	Фb6—c6+	Kpc8—b8
36.	Лd5—d8+	Kpb8—a7
37.	Лd8—d7+	Kpa7—b8
38.	Фc6—b6+	Kpb8—c8
39.	Лd7—c7+	Kpc8—d8
40.	Фb6—d6+	Kpd8 : e8
41.	Лc7—c8+	Лa8 : c8
42.	Фd6—e7+	Kpe8 : e7×

Еще более трудны задачи Петрова, посвященные русскому любителю Н. Д. Ахшарумову и Морфи.

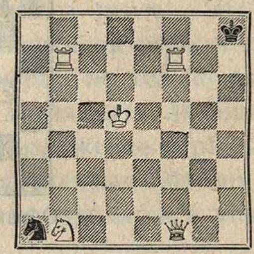
В первой задаче белые получают обратный мат в 13 ходов, во второй — обратный мат в 40 ходов. Эти задачи, как и большинство других задач Петрова, появились не только в русских шахматных журналах, но и заграничных. Над их решениями трудились несколько лет шахматисты всего мира, пока удалось найти решение.

Диаграмма № 2.

Обратный мат в 13 ходов.

Диаграмма № 3.

Обратный мат в 29 ходов.

Задача, посвященная Морфи, была решена русским шахматистом Н. И. Петровским сначала в 35 ходов, а затем в 29 ходов. Вот последнее его решение:

1. Фf1 — f6 + Крh8 — g8 2. Лf7 — g7 + Крg8 — h8 3. Фf6 — b2 Ка1 — с2 (b3) 4. Лg7 — g3 + Кс2 — d4 5. Лg3 — h3 + Крh8 — g8 6. Фb2 — g2 + Крg8 — f8 7. Фg2 — g7 + Крf8 — е8 8. Фg7 — f7 + Кре8 — d8 9. Фf7 — е7 + Крd8 — с8 10. Лh3 — с3 + Кd4 — с6 11. Фе7 — f7 Крс8 — d8 12. Фf7 — с7 + Крd8 — е8 13. Фс7 — с8 + Кс6 — d8 14. Лb7 — g7 Кре8 — f8 15. Лс3 — g3 Крf8 — е8 16. Крd5 — е5 Кре8 — f8 17. Кре5 — f5 Крf8 — е8 18. Крf5 — g5 Кре8 — f8 19. Крg5 — h6 Крf8 — е8 20. Кb1 — d2 Кре8 — f8 21. Кd2 — f3 Крf8 — е8 22. Кf3 — g5 Кре8 — f8 23. Лg3 — h3 Крf8 — е8 24. Лh3 — h5 Кре8 — f8 25. Фс8 — с5 + Крf8 — е8 26. Лg7 — е7 + Кре8 — f8 27. Ле7 — е6 + Крf8 — g8 28. Ле6 — g6 + Крg8 — h8 29. Кg5 — f7 + Кd8 : f7 ×.

Но больше всего бились над решением задачи, посвященной Н. Д. Ахшарумову. Редактор парижского шахматного журнала „La Nouvelle Régence“ писал Петрову, что лучшие французские шахматисты трудились над разгадкой его задачи, однако решение не было найдено. Лишь почти через год решение нашел германский любитель Рихард Мангельсдорф.

1. Крg7 — h6 + Кс6 — е5 2. Ле3 — е4 + Крd4 — d5 3. Ле4 : е5 + Крd5 — d4 4. Ле5 — е4 + Крd4 — d5 5. Фf8 — f7 + Крd5 — d6 6. Фf7 — е7 + Крd6 — d5 7. Фе7 — d7 + Кb7 — d6 8. Ле4 — е5 + Крd5 — d4 9. с2 — с3 + Са5 : с3 10. Ка3 — b5 + Са6 : b5 11. Фd7 — а7 + Ла1 : а7 12. Ле5 — h5 + Ла7 — g7 13. Кh4 — f5 + Кd6 : f5 ×.

Подавляющая часть задач Петрова относится к „киперганям“, т.-е. к задачам на обратные маты. Композиция такого сорта задач была в духе времени в России.

Значение Петрова в истории русского задачного искусства очень велико. Мы обращаем внимание на то, что Петров является родоначальником задачного искусства у нас. Он впервые стал помещать в шахматных журналах свои опыты. И мы считаем нужным повторить, что авторитет его в этой области был признан и в иностранной шахматной литературе.

* * *

Мы проследили шахматное творчество А. Д. Петрова на всем протяжении его жизни. „Северный Филидор“ действительно заслуживал те отзывы, которые высказывались его современниками. Можно сказать, что значение Петрова для развития шахматной игры в России для начала и середины XIX века было не меньшим значения Чигорина в развитии шахматной игры в последней четверти XIX в. Петров первый стал изучать шахматы в России, следуя принципам Филидора. До Петрова в шахматы играли без всякого плана. Он первый стал применять в шахматной игре план, без чего ему никогда не удалось бы создать себе среди русских шахматистов ореол непобедимого игрока, а среди иностранных мастеров славу шахматиста первой величины.

Выше мы указывали, что Петров следовал принципам Филидора. Это заметно по его партиям, где планомерность, исключая грубых зевков, выявляется в концах партий. Он на деле применял филидоровское выражение: „пешки — душа шахматной партии“. И в своем руководстве он отводил значительное место указаниям на значение пешек и укрепления центра. Современники Петрова, как, например, С. С. Урусов, указывали на блестящее разыгрывание им эндшпилей. Отсюда вытекает стремление Петрова к упро-

щению игры, хотя бы у противника и имеется небольшой материальный перевес. Точно так же, как и Филидор, он советует в случае перевеса в пешках у противника разменять ладью на слона противника, так как считает, что слон в таком положении сильнее ладьи.

* * *

Если А. Д. Петрова можно назвать шахматистом-практиком, имя которого стало известно за границей именно как сильнейшего шахматиста, то его современника, К. А. Яниша, следует считать первым русским шахматистом-теоретиком шахматной игры. Известностью Яниш обязан своим многочисленным теоретическим исследованиям, которые ценились не только у нас, но, пожалуй, в большей степени за границей.

Карл Андреевич Яниш родился в 1813 году. Потеряв рано своих родителей, Яниш был отдан на воспитание дяде, известному в то время московскому врачу, в доме которого и протекли его детство и юность. Обладая недюжинными математическими способностями, Яниш поступил в Институт Инженеров Путей Сообщения и по окончании был оставлен в нем сначала в качестве репетитора, а потом был приглашен на должность адъюнкт-профессора механики. В 1838 г., 25-ти лет от роду, Яниш выпустил первую работу под названием „О причинах равновесия и движения". Эта работа сразу заставила заговорить о нем как о молодом и подающим большие надежды ученом.

Нам ничего не известно, с какого времени началось увлечение Яниша шахматной игрой, но не подлежит сомнению, что он был знаком и всецело отдавался этой игре с ранних лет, так как еще в 1837 году он выступает уже в качестве теоретика шахматной игры со своей первой работой в этой области: „Decouvertes sur le cavalier (Echecs), выпущенной им в Петербурге на французском языке. Аналитические способности ума Яниша определили значение и место его в истории развития шахматной игры. Главным образом его интересуют вопросы теории. И, когда он окончательно оставил Институт, мы видим его всецело отдающим все силы и знания разработке различных вопросов по теории дебютов.

В 1841 году Яниш уезжает за границу, где знакомится с новейшими теоретическими достижениями. На-ряду с этим он играет с известными иностранными шахматистами и, хотя не достигает блестящих успехов, однако добивается признания за собой довольно крупной шахматной величины. Результаты пребывания Яниша за границей сыграли роль в другом отношении. Им был подготовлен и издан в 1842 г. первый том знаменитого труда „Analyse nouvelle des ouvertures de jeu des échecs“, который открывает новую эру для теории шахматной игры. Для своего времени работа Яниша (второй том вышел в следующем году) было откровением для всех русских шахматистов. Помимо того, что в своей работе Яниш дал своего рода теорию дебютов на основании новейших работ, им самим были разработаны с большой тщательностью многочисленные варианты, которые были приняты также и иностранными шахматистами.

Во время своего кратковременного пребывания в Варшаве осенью 1842 г. Яниш вместе с Петровым проверил еще в рукописи все варианты и внес по указанию Петрова соответствующие поправки, главным образом, в русскую партию. Можно сказать, что Яниш с успехом разрешил все вопросы наиболее трудные и наиболее спорные в теории шахматной игры того времени. „Analyse“ Яниша получил признание не только в России, но и за границей. Это замечательное сочинение было дважды переведено на английский язык (Iaenisch's chess preceptor: a new analysis of the openings of games. London 1847 г. и „A complete translation [in two volumes] of the celebrated analysis of the openings of the game of chess published at St. Petersbourg in 1843. Vol I. Cambridge 1855 г.; 2-ой том не вышел).

На-ряду с указанным произведеннем, Яниш печатает ряд статей по отдельным вопросам теории дебютов. Эти статьи печатались большей частью в журнале „Palamède“, который охотно принимал все, что выходила из-под пера Яниша. Нет нужды перечислять все эти многочисленные статьи; можно только поражаться той неутомимости, которая проявлялась Янишем в разработке дебютных новинок. Не было, кажется, такого дебюта, которому не была бы посвящена хотя бы одна статья Яниша. (В „Шахматном Листке“ за 1876 г., № 3 приведен почти исчерпывающий список книг и статей Яниша).

По возвращении в Петербург Яниш продолжал писать статьи, которые помещал главным образом в иностранных шахматных журналах, так как шахматная жизнь в России не настолько еще кипела, чтобы позволить себе роскошь печатания многочисленных трудов Яниша.

Материальные обстоятельства вынудили Яниша поступить на службу в министерство финансов, где он прослужил несколько лет. Однако, от этого шахматная энергия его не угасла, и все свободное время он посвящает шахматам, нередко просиживая над шахматной доской целые ночи. Такая напряженная работа в 1847 году пошатнула его здоровье: он опасно заболевает, и болезнь сердца на непродолжительное время прекращает его кипучую деятельность. Немного оправившись, Янишь вновь погружается в свое любимое дело. К этому времени относится и его деятельность в организации шахматных собраний, в которых он выступает в качестве уже практика-шахматиста. Участвуя на этих собраниях в турнирах, Яниш прочно закрепляет за собой звание сильнейшего русского шахматиста, так что в 1851 г. он вместе с Петровым получает приглашение на Лондонский международный турнир. Приглашение Яниша указывает на тот факт, что он признавался одним из известнейших шахматистов того времени. Яниш опоздал к началу турнира и смог принять участие только в матче с лучшим игроком того времени Стаунтоном. Хотя Яниш матч проиграл (+2 — 7 = 1), но в игранных партиях, особенно в защите, он выказал такую стойкость и остроумие, что вызвал восхищение комментаторов этих партий [1].

Сам Стаунтон в комментариях к партиям неоднократно восклицает: „Удар этот блистателен и достоин великого игрока“. По поводу упорной защиты Яниша Стаунтон пишет: „Такая защита обнаруживает великое уменье и необыкновенный запас терпения у русского любителя. Одним ферзем он выдерживал напор всех неприятельских сил в течение пятидесяти ходов и часто заставлял черных (Стаунтона) сомневаться в успехах, несмотря на значительное превосходство их материальных средств“.

---

[1] См. одну партию в книге Л. Бахман „Шахматная игра в ее историческом развитии“, стр. 129.

Во время своего пребывания в Лондоне, Янишу, помимо, Стаунтона, удалось сыграть с другими более или менее известными шахматистами.

Так им были сыграны две партии против президента Лондонского клуба Монгредиена, и в обеих партиях он вышел победителем. Для ознакомления со стилем его игры приведем одну из них.

	Белые. К. А. Яниш.	Черные. Монгредиен.
1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4	e5 : f4
3.	Kg1—f3	g7—g5
4.	h2—h4	g5—g4
5.	Kf3—e5	h7—h5
6.	Cf1—c4	Лh8—h7
7.	d2—d4	d7—d6
8.	Ke5—d3	f4—f3
9.	g2 : f3	Cf8—e7
10.	Cc1—e3	Ce7 : h4+
11.	Kpe1—d2	g4 : f3
12.	Фd1 : f3	Cc8—g4
13.	Фf3—f4	Kb8—c6
14.	Kb1—c3	Kc6 : d4
15.	Лa1—f1	Ch4—e7
16.	Cc4 : f7 +	Kpe8—d7
17.	Cf7 : h5!	Cg4 : h5
18.	Лh1 : h5	Лh7 : h5
19.	Фf4—g4+	Kd4—e6
20.	Фg4 : h5	Kg8—f6
21.	Фh5—b5+	c7—c6
22.	Фb5 : b7+	Ke6—c7
23.	e4—e5	Kf6—g4
24.	e5—e6+	Kpd7 : e6
25.	Фb7 : c6	Kg4 : e3
26.	Kpd2 : e3	Ce7—g5+

Белые просмотрели мат в два хода: 26. Kd3—c5 Kpe6—e5 27. Фc6—e4×.

27.	Kd3—f4 +	Kpe6—f7
28.	Kpe3—d3	Cg5—f6
29.	Kc3—e4	Kc7—e8
30.	Фc6—d5+	Kpf7—g7
31.	Kf4—e6+	Сдался.

По возвращении из Лондона Яниш всецело отдается шахматной игре. Он принимает самое близкое участие в оживившейся деятельности шахматных собраний в Петербурге. Благодаря его энергии, а также просвещенной деятельности Г. Кушелева-Безбородко удается, наконец, организовать в доме последнего постоянное шахматное собрание, где собирались сильнейшие русские любители. Душою этого собрания и его непременным секретарем был Яниш, который в 1854 году составил и издал кодекс шахматной игры для этого общества параллельно на русском и французском языках. Кодекс был переведен на немецкий язык в „Schachzeitung'е“ за 1854 и 1855 гг.

В 1857 г., взамен изданного в 1854 г., Янишем были составлен новый устав, в который были им внесены некоторые поправки, приближающие устав к итальянским правилам. Так, например, не разрешалась рокировка, если этим ходом делается шах королю противника, и отменяется взятие пешки en passant. Неизвестно, сколько времени русские шахматисты придерживались этих правил. Нам кажется, что очень не долгое время, так как соприкосновение с иностранными шахматистами вынуждало к обыкновенным правилам игры. Во всяком случае в шахматном турнире в Петербурге в 1878 г. эти правила не применялись.

Игра Яниша против сильнейших русских любителей обыкновенно заканчивалась в его пользу. Ниже мы приводим две партии с лучшими игроками того времени, С. С. Урусовым и Д. С. Стерном, значительно выделяющихся среди других русских шахматистов.

	Белые.	Черные.		Белые.	Черные.
	К. А. Яниш.	С. С. Урусов.			
1.	e2—e4	e7—e5	18.	Cb3 : f7 +	Kpe8—f8
2.	Kg1—f3	Kb8—c6	19.	Фd1—b3	Ca7—c5
3.	Cf1—b5	a7—a6	20.	Cf7—c4	Лd8—b8
4.	Cb5—a4	Cf8—c5	21.	Фb3—a4	c7—c6
5.	c2—c3	Фd8—e7	22.	Kb5—a3	Лb8 : b2
6.	0—0	b7—b5	23.	Лf1—e1	Лb2—b7
7.	Ca4—b3	Kg8—f6	24.	Cc4—a6	Лb7—a7
8.	d2—d4	Cc5—a7	25.	Ka3—c4	Ce4—d3
9.	Cg1—g5	h7—h6	26.	Лe1 : e5	Cd3 : c4
10.	Cg5—h4	g7—g5	27.	Фa4 : c4	Cc5 : f2 +
11.	Ch4—g3	d7—d6	28.	Kpg1 : f2	Фe7—d7
12.	d4 : e5	Kc6 : e5	29.	Фc4—c5 +	Kpf8—g7
13.	Kf3 : e5	d6 : e5	30.	Лe5 : g5 +	h6 : g5
14.	a2—a4	Cc8—b7	31.	Фc5 : g5 +	Kpg7—f7
15.	a4 : b5	a6 : b5	32.	Ca6—c4 +	Kf6—d5
16.	Kb1—a3	Cb7 : e4	33.	Фg5—f4 +	Kpf7—g7
17.	Ka3 : b5	Лa8—d8	34.	Фf4—d4 +	Сдался.

	Белые.	Черные.			
	Д. С. Стерн.	К. А. Яниш.			
1.	e2—e4	e7—e5	22.	Фc4 : c7+	Крb8—a8
2.	d2—d4	e5 : d4	23.	Фc7 : d6	Кh6—f7
3.	Сf1—c4	Сf8—b4+	24.	Фd6 : f4	Фf5 : d5
4.	c2—c3	d4 : c3	25.	Кa3—c2	g7—g5
5.	b2 : c3	Фd8—f6	26.	Кc2—b4	Фd5—e6
6.	Сc1—b2	d7—d6	27.	Фf4—g3	Фe6—e2
7.	Кg1—e2	Кb8—c6	28.	Лf1—f2	Фe2—b5
8.	0—0	Сb4—c5	29.	h2—h3	h7—h5
9.	Кe2—d4	Сc8—d7	30.	Лf2—f1	h5—h4
10.	Кb1—a3	0—0—0	31.	Фg3—h2	Лe8—e2
11.	Лa1—b1	Кg8—h6	32.	a2—a4	Фb5—f5
12.	Сc4—d5	Сc5 : d4	33.	Лf1—d1	Сd7 : a4
13.	c3 : d4	Фf6—g6	34.	Лc1—c7	Лe2 : d2
14.	Крg1—h1	f7—f5	35.	Лd1—c1	Лd2 : d4
15.	f2—f3	Кc6—b4	36.	Лc7 : a7+	Крa8 : a7
16.	Сb2—c3	Кb4 : d5	37.	Фh2—c7+	Крa7—a8
17.	e4 : d5	Лd8—e8	38.	Кb4—c6	Фf5—d7
18.	Фd1—b3	b7—b6	39.	Фc7 : b6	Лd4—d1+
19.	Фb3—c4	f5—f4	40.	Лc1 : d1	Фd7 : d1+
20.	Сc3—d2	Фg6—f5	41.	Крh1—h2	Фd1—d6+
21.	Лb1—c1	Крc8—b8	42.	Крh2—g1	Фd6 : c6
				Сдался.	

С 1859 года Яниш несколько отошел от шахматной игры и стал реже появляться в клубе. Причина заключается в том, что им была задумана большая работа, которая требовала напряженной умственной деятельности и отвлекала от всех занятий. Мы говорим о том исследовании, в котором Яниш решил применить математический анализ к исследованию дебютов. Результатом этой долголетней работы и явились 3 тома его „Traité des application de l'analyse mathématique au jeu des échecs", выпущенных в 1862—63 гг. Смерть помешала окончить и выпустить четвертый и последний том этого исследования. Эта работа Яниша не прошла бесследно, хотя практических результатов и не дала. В „Записках Академии Наук" [1] появилась благоприятная для автора

[1] Т. V, кн. 1.

рецензия. Приведем выдержку из „Записок“, в которой излагаются основные принципы работы Яниша: „По законам игры, право атаки и защиты каждой шашки (т.-е. фигуры) простирается на известное число клеток, изменяющиеся смотря по положению ее на доске и распределению в ней прочих шашек. Означенное число выражает вместе с тем и противодействие, оказываемое шашкой, о которой идет речь, движению неприятельских шашек, всякий раз, когда очередь хода за противником. Но измерять это противодействие, в одном или в некоторых только положениях, было бы для самой игры бесполезно, а нужно это делать во всех комбинациях и переложениях, которые возможны между упомянутою шашкой и каким бы то ни было количеством союзных и неприятельских шашек. От сего произойдут последовательные суммования (интегрирования), отнесенные к разным переменным. Если же полученную таким образом окончательную сумму противодействий разделить на количество всех соответственных игорных положений, то этим выразится среднее противодействие шашки, или нормальная ее сила, для всех мгновений, когда ход за противником. Эта данная уже применима к практике, хотя требует еще дополнения, а именно: следует исчислить, на том же основании, среднее совокупное противодействие нескольких шашек, а также перевес или недостаток его относительно среднего противодействия неприятельских шашек“.

Однако, отдавая должное остроумию и энергии Яниша, когда ему удается, несмотря на сложность этих вычислений, привести к концу все последовательные интегрирования, тем не менее, от приложения математического анализа к шахматной игре можно ожидать положительных результатов только в развитии общих математических методов. Для шахматиста-практика приложение математических принципов не убедительно и существенной пользы принести не могло. Исследование Яниша—работа, относящаяся скорее к области математических наук, а не к шахматному искусству.

Подробные разборы исследования Яниша помещены в иностранных шахматных журналах [1].

---

[1] „La Régence“, 1862 г., кн. III, „Schachzeitung“, 1862 г. и т. д.

Это было последней большой работой Яниша. После нее им было написано несколько статей, посвященных разработке новых вариантов различных дебютов и гамбитов и помещенных главным образом в французском журнале „Stratégie („Lettre sur le contregambit du pion de la dame“, Mémoires sur le debut du cavalier du roi“ и т. д.).

В 1867 году Яниш последний раз побывал за границей (в Лондоне и Париже), но он уже почти совершенно оставил практическую игру, уделяя немного времени лишь теоретическим ее вопросам.

17 марта 1872 года Яниш умер.

Яниш принадлежит к той группе шахматистов, которые посвящают свои силы и знания почти исключительно теории шахматной игры. Анализ многочисленных вариантов требует много времени; поэтому в практической игре Яниш, если и был звездой не малой величины, никогда, однако, не мог стать замечательным шахматистом. Анализы его тонки и остроумны, но во время игры нельзя их проследить. В этом отношении с ним можно сравнить другого русского шахматиста Алапина; для него главной ценностью являлась какая-нибудь новая идея, и он искренно сожалел, что в шахматной партии нельзя брать хода назад. Яниша никогда не удручал проигрыш партии: он давал ему только возможность лишний раз проверить анализы.

* * *

Петров и Яниш значительно выделялись из среды прочих русских шахматистов. Правда, им случалось проигрывать партии, тем не менее никто не оспаривал у них права считаться сильнейшими игроками в 30-х — 60-х гг. XIX в. И Петров и Яниш много способствовали оживлению шахматной жизни в этот период. Открываются шахматные собрания, клубы, где по вечерам составлялись турниры, матчи, консультационные партии.

Эти постоянные шахматные собрания возникли из так называемых шахматных вечеров, куда приглашались лучшие шахматисты. Шахматная карьера Петрова началась именно на этих вечерах.

Одним из домов, где постоянно устраивались шахматные вечера, был дом графа Юлия Помпеевича Литта (1763—1839),

видного деятеля католицизма в России и ревностного слуги мальтийского ордена. В доме Литта можно было встретить хороших игроков, но главным образом из аристократической среды: барона Шиллинга, графа Грохольского, графа Платера и др. Петров был приглашен к этому аристократу, женатому на племяннице Потемкина, благодаря известности, которую он завоевал в Петербурге. Любопытно, что в доме Литта очень часто практиковалась игра „в слепую“. Петров и Шиллинг часто состязались таким образом. Впоследствии Петров неодобрительно относился к этой бессмысленной, по его мнению, трате умственной энергии. Литта часто заставлял играть с ним Петрова, не глядя на доску, и потом хвастался при дворе, если он изредка выигрывал.

Таких аристократических домов, где играли в шахматы, в начале XIX в. было много. Назовем еще дом Ф. В. Самарина, у которого часто бывал князь Паскевич, впоследствии варшавский наместник, а также дом М. Вьельгорского на Михайловской площади. У последнего, между прочим, во время бала была поставлена живая картина, в которой камер-юнкер Валуев изображал ангела с огненным мечом и стоял за стулом девушки, игравшей в шахматы с чортом.

Большое значение в деле распространения шахматной игры в Петербурге имел дом Василия Васильевича Погодина, на дочери которого впоследствии женился Петров. Здесь собирались уже лица, принадлежащие большей частью к литературному миру, а также к судебному ведомству. Такой социальный состав участников объясняется административным положением и литературными интересами хозяина, однако, мы должны отметить тот факт, что шахматы проникают и делаются, так сказать, монополией интеллигентных слоев населения.

У В. В. Погодина собиралось небольшое количество шахматистов. Среди них были довольно сильные любители, как, например: Николай Иванович Бахтин (1796—1869), административный деятель и писатель, напечатавший несколько критических и публицистических статей в русских и иностранных журналах, Павел Иванович Дегай (ум. в 1849 г.), известный русский юрист, выпустивший несколько ученых трудов по праву, и в особенности хорошим игроком был Андрей Андреевич Карнеев. В числе других отметим Тока-

рева, Петерсона и Розена. Шахматные вечера у Погодина происходили регулярно два раза в неделю, по средам и пятницам. Был даже выработан устав шахматных собраний и заведена книга, куда записывались результаты игры.

У нас нет сведений для 30-х—40-х гг. о других шахматных собраниях, но не подлежит, однако, сомнению, что шахматная игра прочно завоевала симпатии среди образованных людей XIX века. Вспомним хотя бы факт распространенности шахматной игры в среде декабристов, лиц в значительной своей части причастных к литературному миру[1]. Для нас уже не может явиться неожиданностью, что шахматы начинают проникать и в художественную литературу. Здесь кстати будет припомнить Пушкина, который в „Евгении Онегине“ писал об игре Ленского с Ольгой:

Уединясь от всех забот,
Они за шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

Пушкин умел играть в шахматы и, как передают современники, очень горячился при игре и сильно огорчался при проигрыше. Пушкин любил шахматы и играл довольно часто, в особенности с П. И. Вульфом, в имение которого, в с. Павловском Тверской губ., иногда наезжал Пушкин. Между прочим, 30 сентября 1832 г. он писал своей жене: „Благодарю, душа моя, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе. Докажу после“.

И в действительности, во „всяком благоустроенном семействе“ шахматная игра среди прочих игр играла не последнюю роль.

В 1853 г. благодаря энергии Григория Александровича Кушелева-Безбородко и К. А. Яниша возникает первый постоянный шахматный клуб. Секретарем клуба был избран Яниш, которым были составлены „Правила“ [2].

В этом клубе, помещавшемся в доме Кушелева-Безбородко на Гагаринской наб., происходили довольно часто

[1] См. главу III, стр. 54 — 56.
[2] См. стр. 83 — 84.

турниры, выявившие не мало хороших шахматистов. Не всегда, однако, шахматная жизнь била там ключом. С горечью констатирует „Шахматный Листок" в начале 1859 г., что „знаменитые наши шахматисты и те покинули славное для них поприще". И действительно, с начала 1853 года до его полного закрытия в 60-х годах, шахматный клуб переживал кризисы, которые грозили даже полным закрытием клуба. Но все-таки шахматная жизнь в Петербурге протекала более или менее организованно. Обыкновенно в клуб собирались по вторникам и пятницам, а иногда и в другие дни, если наезжали шахматисты из Москвы или из-за границы. Самое неблагоприятное время для шахматной игры было лето, когда большинство шахматистов разъезжалось из Петербурга. От мая до сентября шахматная жизнь совершенно замирала. Зато зимой довольно часто устраиваются турниры, в которых иногда принимает участие значительное число русских любителей. В особенности много происходило турниров в конце 1859 года и в 1860 году. Так 14 января 1859 г. начался большой турнир, в котором приняло участие 24 человека. Правила этого турнира были следующие: по жребию определяется, кому с кем играть в первом круге, проигравшие выбывают окончательно, а победители составляют новый круг и т. д. пока не выясняются первые три призера. Призы в этом турнире были следующие: первый приз — коралловые шахматы, пожертвованные Кушелевым - Безбородко, и 40 рублей серебром; второй приз — 50 руб.; третий — 30 руб. Первый приз достался И. С. Шумову, второй — В. В. Пеликану и третий — Д. С. Стерну. Из числа других игроков, принимавших участие в этом турнире, следует отметить Ф. И. Видемана, Г. Г. Циммермана, В. И. Беккера. Приведем одну партию, игранную между призерами 22 декабря 1859 года.

Белые.		Черные.			
	И. С. Шумов.	**Д. С. Стерн.**			
1.	e2—e4	e7—e6	6.	0—0	h7—h6
2.	d2—d4	d7—d5	7.	c2—c4	d5 : c4
3.	e4 : d5	e6 : d5	8.	Ce2 : c4	0—0
4.	Kg1—f3	Cf8—d6	9.	Cc1—e3	Cc8—g4
5.	Cf1—e2	Kg8—f6	10.	Kb1—d2	Kb8—d7

11.	Фd1—c2	c7—c6	22.	g2—g3	Фf4—g5
12.	h2—h3	Cg4 : f3	23.	Крg1—g2	Фg5—h5
13.	Kd2 : f3	Фd8—c7	24.	Лe1—h1	Фh5—g5
14.	Kf3—h4	Cd6—f4??	25.	Лd1—e1	Лf8—d8
15.	Ce3 : f4	Фc7 : f4	26.	Фc2—e4	g7—g6
16.	Kh4—g6	Фf4 : d4	27.	Фe4—e7	Фg5 : e7
17.	Kg6 : f8	Лa8 : f8	28.	Лe1 : e7	Лd8—d2
18.	Лa1—d1	Фd4—f4	29.	Лe7 : f7	Крg8—h8
19.	Лf1—e1	Kd7—e5	30.	Лh1—e1	Лd2—d8
20.	Cc4—b3	Ke5—g4??	31.	Лe1—e7	Сдался.
21.	h3 : g4	Kf6 : g4			

Стерн провел всю партию до чрезвычайности слабо, допуская самые грубые зевки, а между тем, он считался одним из сильнейших русских любителей, уступая лишь Петрову, Янишу, Урусову и Шумову. С последним предшествующую партию турнира он сыграл в ничью. Стерн играет очень неровно и весьма часто бывало, что после тонких ходов он допускал самые грубые зевки. Стерну приходилось играть с иностранными шахматистами, и хотя он не добился хороших результатов, но по справедливости может считаться сильнейшим русским любителем. Основной стиль его игры состоит в запутывании противника. Он органически не выносит упрощения, а всегда ищет комбинации даже там, где их нельзя выдумать. В этом и заключался недостаток в его игре. Живость воображения у него сильно развита в ущерб вниманию и основательности соображения. Отсюда и происходят грубые зевки, которые мы наблюдаем в вышеприведенной партии. Об его противнике И. С. Шумове мы подробнее скажем ниже.

Второй призер — В. В. Пеликан — является полной противоположностью Стерну. Если последнего позволено будет назвать комбинационным игроком, то Пеликан является представителем позиционной школы. Его игра отличается обдуманностью, осторожностью и основательностью. Это игрок, не любивший особенно рисковать и предпочитавший спокойную партию. Благодаря своей осторожности и вниманию, которое он проявлял в игре, Пеликан нередко выигрывал у игроков гораздо сильнее его. Выигрыш у знаменитого Шумова доставил ему славу хорошего игрока. Кроме того, Пеликан известен как составитель остроумных задач.

Вслед за этим большим турниром произошли два турнира уже с слабейшим составом и меньшим количеством участников. В первом турнире первый приз достался редактору „Шахматного Листка“, В. М. Михайлову, человеку искренно преданному шахматному искусству и прогрессирующему в силе игроку, неудачно сыгравшему в большом турнире. Второй приз получил К. О. Розенбергер, третий — Г. Н. Радзевский. Во втором небольшом турнире первый приз достался уже известному нам Стерну, второй приз получил Э. И. Форш.

Мы не будем перечислять всех турниров, происходивших в шахматном клубе. Повторим только, что эти турниры выявили ряд сильнейших игроков, которые с честью могли бы выйти из состязания с иностранными любителями. По мнению С. С. Урусова, русские даже опередили иностранных шахматистов. Если и считать такое заключение несколько поспешным, то все-таки русские любители могли бы оказать упорное сопротивление иностранным шахматистам. Укажем хотя бы на пример Яниша, игравшего с Стаунтоном.

В конце 1860 года шахматный клуб закрылся. Наиболее страстные шахматисты стали собираться в домах любителей, где нередко происходили также и турниры. Чаще всего турниры организовывались в доме А. И. Максимова. Максимов неоднократно бывал призером в турнирах и считался хорошим игроком, однако, он никогда не занимался теорией и поэтому уже в дебюте попадал в плохое положение. Если же ему удавалось благополучно выйти из дебютной стадии партии, то в середине он играл очень сильно. Большую практику он имел в состязании с Гаррвитцем, у которого хотя он и не выиграл ни одной партии, но которому он, однако, оказывал долгое и упорное сопротивление.

Из числа шахматных собраний помимо указанных следует отметить в это время клуб при гостинице Демут, вскоре закрывшийся, и клуб при Благородном Собрании, где для шахматной игры была отведена особая комната, где и собирались петербургские любители.

Новый шахматный клуб, открытый в январе 1862 года, в доме Елисеева у Полицейского моста, благодаря энергии Кушелева-Безбородко, заслуживает внимания в виду той роли,

которую он сыграл в истории общественного движения в России.

Прежде всего клуб интересен составом своих членов. Подавляющее большинство его составляли литераторы или лица, имеющие какое-либо отношение к литературе. На открытии присутствовало до 100 человек, среди которых были: Кушелев-Безбородко, Вернадский, Лавров, Чернышевский, Краевский, Панаев, Некрасов, Благосветлов, Утин и др. Все это известные имена профессоров и литераторов, в числе которых мы видим Лаврова и Чернышевского, игравших видную роль в шахматном клубе. Лавров был избран даже директором клуба вместе с Кушелевым-Безбородко и Вернадским.

Такой значительный и в политическом смысле состав шахматного клуба не мог не обратить внимания зоркого ока III Отделения. На агентурном донесении одного из сотрудников III Отделения об открытии шахматного клуба на полях делается карандашом пометка: „С этим клубом надобно познакомиться поближе". „Знакомство" приобреталось путем введения агента III Отделения в число членов шахматного клуба. Этот агент впоследствии имел возможность путем разговоров с виднейшими членами клуба, в частности с Лавровым, добыть сведения, небесполезные для жандармских властей.

III Отделение подозревало в учреждении шахматного клуба какую-то тайную цель. Агент, составлявший сведения, пользовался различными слухами и на основании их доносит следующее: „Говорят, что здешние литераторы обращались с просьбою о дозволении им учредить литературный клуб, но что им в этом было отказано. Тогда кто-то вспомнил, что существовавший здесь, в гостинице Демут, шахматный клуб закрыт, и этим обстоятельством воспользовались литераторы, чтобы под названием шахматного клуба открыть их собственный клуб. К открытию вновь шахматного клуба не встретилось препятствий, и воспрещение, касавшееся собраний литераторов, обойдено... В шахматном клубе не водится карт, а только шахматы, шашки и домино, но эти игры, говорят, только один предлог"[1].

---

[1] „Красный Архив", кн. XIV, стр. 107 — 108.

Таким образом, из этого агентурного донесения совершенно ясна и определенна цель учреждения шахматного клуба. Вполне естественное желание агентов III Отделения выслужиться заставляет их питаться всевозможными слухами. По их донесениям шахматный клуб не только долженствовал прикрывать собрания литераторов, где обсуждались бы политические новости и мероприятия правительства, но и более того, — в их доносах шахматный клуб рисуется центром, откуда исходит революционная пропаганда и где собираются революционеры. Один агент, бывший студент Технологического Института, Волгин, которого приблизил к себе СПБ. обер-полицмейстер Анненков, пишет своему патрону: „Мысль об учреждении шахматного клуба принадлежала Герцену, от которого покойный Добролюбов получил ее во время своего путешествия за границу, и по приезде его эта мысль была осуществлена графом Григорием Александровичем Кушелевым-Безбородко. На вечерах этого клуба собирались люди всех оттенков революционной партии. Пропаганда революции велась всеми возможными способами... Главные члены шахматного клуба были члены крайней партии: Благосветлов, Чернышевский, Писарев, Попов, Мордовцев, Гиероглифов, партия В. Курочкина, Всеволод Костомаров, Николай Курочкин, Елисеев, Гербель, Виктор Михайлов, Антонович, Ипполит Панаев, графы Ростовцевы, князь Сибирский, граф Кушелев, Серно-Соловьевич, Щелков и другие многие“ [1].

В этом же доносе Волгин пишет, что шахматный клуб основан крайней революционной партией. Итак, агенты III Отде-

---

[1] Полное собрание сочинений А. И. Герцена, т. XV, стр. 325. Отметим, между прочим, некоторых лиц, перечисленных в доносе Волгина: Благосветлов—редактор „Русского Слова“, издаваемого Кушелевым-Безбородко. От 27 января 1862 года агент, наблюдавший за Чернышевским, доносит: „В Шах-клубе, куда Чернышевский ездит постоянно, иногда в 11 час. вечера, первенствует некто Благосветлов, занимающийся в редакции «Русского Слова», правая рука Гр. Кушелева. Он сын священника и, говорят, очень озлоблен против правительства“.

Об Елисееве имеется такая справка III Отделения от 28 марта 1862 г: „Елисеев, член Шах-клуба и сильно старается поддерживать это учреждение“.

Виктор Михайлов—редактор „Шахматного Листка“, издаваемого Кушелевым-Безбородко. Любопытно отметить, что В. Михайлов ни одним словом не обмолвился в журнале о деятельности шахматного клуба.

ления рисуют нам шахматный клуб, как место заседания революционной организации. Так ли это было в действительности? Уже Герцен называл сообщение Волгина нелепейшим доносом, совершенно несоответствующим действительности.

По нашему мнению, состав членов клуба объясняется литературными связями Кушелева-Безбородко, издававшего „Русское Слово“. Естественно, что большинство членов шахматного клуба состояло из литераторов, которые рекомендовали в клуб своих знакомых из литературного мира. Таким образом был привлечен Чернышевский, которому, по агентурным сведениям, Некрасов прислал семь членских билетов. На билетах этих были выставлены фамилии Чернышевского и шести лиц, „кои имеют к нему во всякое время доступ“. И, конечно, клуб привлекал многих литераторов не столько возможностью играть в шахматы, сколько желанием обменяться мнениями по тому или иному злободневному вопросу. Учредители шахматного клуба не преследовали тайной цели, чтобы шахматный клуб служил специально местом политических собраний, как рисуют нам агенты III Отделения, но однородный состав участников невольно вызвал потребность в обсуждении политических вопросов. Так, 15 января, агент доносит, что „в Шах-клубе было собрание литераторов, на котором обсуждали вопрос, предложенный Головниным, о цензуре“. Вопросу о цензуре было посвящено также собрание 19 марта, на котором обсуждались меры к достижению свободы печати. 9 февраля в шахматном клубе были прения о значении публичных лекций профессоров университета.

Помяловский, по словам его биографа Н. Г. Благовещенского, „проповедывал в шахматном клубе идею общинного литературного труда, и в голове его возникало множество проектов по этому поводу“ [1].

Агенту, который сумел проникнуть в шахматный клуб для наблюдения за его деятельностью, удалось несколько раз говорить с виднейшими членами клуба, в том числе с Лавровым. Лавров ему передал, что в шахматном клубе „под предлогом турниров будут собрания для обсуждения

---

[1] Полное собрание сочинений Помяловского, СПБ. 1897 г., стр. 38.

современных вопросов". Газеты объявляли, что турниры эти начнутся 27 марта.

Мы имеем сведения, что на первом турнире были прения об уравнении налогов и податей[1].

Этот же агент беседовал с другим членом клуба, П. И. Паульсоном, издателем журнала „Учитель", который сообщил ему, что „в настоящее время в клубе особенно интересуются вопросом о конституции"[2]. Действительно, 18 апреля группой лиц был составлен адрес Александру II с требованием конституционных прав, при чем он был подписан многими членами шахматного клуба. Любопытно отметить, что под адресом подписался также и агент III отделения, чтобы тем самым привлечь симпатии наиболее радикальных членов.

Таким образом, из краткого обзора деятельности шахматного клуба видно, что все собрания его были в рамках либеральных вожделений русского общественного мнения, которое высказывалось публично в органах печати того времени, как „Современник", „Русское Слово" и „Голос". Одно агентурное донесение говорит, что в шахматном клубе продавался портрет известного революционера Михайлова в кандалах, но и сам автор донесения прибавляет, что это „пока еще трудно доказать"[3].

Сами агенты вынуждены были признать, несмотря на все старания представить шахматный клуб в виде мощной революционной организации, что „клуб этот дышит на ладан: в нем бывают по вечерам два-три человека. При подобных условиях ему нельзя продлить существование". Объясняется, на наш взгляд, такое критическое положение клуба отсутствием его главнейшего руководителя Кушелева-Безбородко, шахматиста-энтузиаста, усилиями и средствами которого поддерживалась слабая общественная шахматная жизнь в 50-х—60-х гг. XIX века. В отсутствие Кушелева-Безбородко была созвана комиссия в составе Лаврова, Чернышевского, Елисеева, Спасовича, Н. Курочкина и Утина с целью изыскания средств, так как дозволенные в клубе шахматная

---

[1] „Красный Архив" кн. XIV, стр. 117.

[2] Там же, стр. 117.

[3] Там же, стр. 115.

игра, шашки и биллиард не окупали всех расходов. Решено было ходатайствовать перед министерством внутренних дел о разрешении в клубе игр в карты, домино и лото. Чем кончилось это ходатайство и было ли вообще подано, нам неизвестно. Но над шахматным клубом нависли грозные тучи.

Реакционные мероприятия правительства в 1862 году привели к закрытию, вместе с воскресными и бесплатными школами, в которых распространялись сочинения, „возбуждающие умы населения", либеральными газетами, как „День", „Русское Слово" и др., также и шахматного клуба.

8 июня 1862 года в № 126 „Русского Инвалида" было помещено официальное объявление СПБ. военного генерал-губернатора:

„СПБ. военный генерал-губернатор, считая в настоящее время своею обязанностью принимать все меры к прекращению встревоженного состояния умов и к предупреждению между населением столицы, не имеющим никакого основания толков о современных событиях, признал необходимым закрыть, впредь до усмотрения, шахматный клуб, в котором происходят и из коего распространяются те неосновательные суждения".

Так кончил существование шахматный клуб, вовлеченный в водоворот общественного движения 60-х годов XIX в. Естественно, что члены его в глазах III Отделения остались политически неблагонадежными. И недаром в „Справке о полковнике Лаврове", от 6 января 1866 г., послужившей причиной его ареста, мы читаем в числе прочих следующее инкриминируемое ему обвинение:

„Будучи членом закрытого впоследствии Шах-клуба, Лавров в апреле же 1862 года, в числе 15-ти человек, подписал адрес государю императору о необходимости даровать России конституцию" [1].

III Отделение не прощало членам шахматного клуба их деятельности за короткое 5-месячное существование клуба от 10 января до 9 июня 1862 года.

---

[1] Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Птг. 1921 г., стр. 85.

* * *

Выше мы уже указывали, что лучшим игроком, неизменно бравшим первые призы, был Илья Степанович Шумов, о котором следует сказать несколько слов. Даже иностранная литература отмечала, что после Петрова и Яниша выдающимся игроком в России был И. С. Шумов, а после смерти Петрова и охлаждения к практической игре Яниша Шумов безраздельно царствовал в шахматном мире вплоть до появления на шахматном горизонте Чигорина.

Шумов никогда не изучал теории. Он только просмотрел „Analyse“ Яниша и вполне этим удовлетворился. Поэтому он очень плохо разыгрывал дебюты и концы, но в середине игры проявлял изумительную изворотливость. Сделанные в дебюте ошибки никогда не обескураживали его, наоборот, он начинал играть сильнее и великолепно пользовался малейшими неточностями игры противника. Даже в совершенно проигрышном положении Шумов искусно расставлял противнику ловушки, так что последний, несмотря на материальное преимущество, никогда не мог быть уверен в выигрыше. Стиль Шумова — атакующий. Отличаясь искусством в защите при самых затруднительных положениях, Шумов никогда не упускал возможности перейти от защиты к нападению. Но стремление атаковать во что бы то ни стало приводило иногда к поражению даже со слабейшим противником.

Свою известность Шумов приобрел в так называемых шахматных вечерах и приблизительно в 1858—59 гг. считался уже сильнейшим игроком в Петербурге. Пренебрежение теорией до конца своей шахматной карьеры мешало Шумову выдвинуться в число игроков, так сказать, международного масштаба. Это незнание теории должно было сказаться в каком-либо серьезном состязании с шахматистом, хорошо знакомым с теорией шахматной игры. Действительно, когда в январе 1859 г. из Москвы приезжает С. С. Урусов, достаточно освоившийся с дебютной стадией игры, в особенности с шотландской партией, Шумов не имел успеха против него, хотя и превосходил Урусова в серединной стадии игры. Матч между ними окончился в пользу Урусова с результатом $+7-3=3$. Это поражение Шумова отчасти объясняется

тем, что все без исключения партии начинались шотландской партией, отлично разработанной Урусовым и имевшей успех даже против Петрова. Приводим одну партию матча.

	Белые.	Черные.		Белые.	Черные.
	С. С. Урусов.	И. С. Шумов.			
1.	e2—e4	e7—e5	25.	Cf3—d5	Ce6 : d5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6	26.	Лd1 : d5	b7—b6
3.	d2—d4	Kc6 : d4	27.	Лd5 : f5+	Kpf7—g6
4.	Kf3 : d4	e5 : d4	28.	Лf5—d5	Kpg6—f6
5.	Фd1 : d4	d7—d6	29.	g2—g4	g7—g6
6.	Cf1—c4	Kg8—f6	30.	h3—h4	Лa7—a8
7.	Cc1—g5	Cf8—e7	31.	h4—h5	Лa8—d8
8.	Kb1—c3	c7—c6	32.	g4—g5+	Kpf6—f7
9.	0—0	0—0	33.	h5 : g6+	h7 : g6
10.	Лa1—d1	Cc8—e6	34.	Лe1—d1	Kpf7—e6
11.	Cc4—d3	c6—c5	35.	Kpg1—g2	Лd7 : d6
12.	Фd4—a4	a7—a6	36.	Лd5 : d6+	Лd8 : d6
13.	e4—e5	Kf6—g4	37.	Лd1 : d6+	Kpe6 : d6
14.	Cg5 : e7	Фd8 : e7	38.	Kpg2—f3	Kpd6—e7
15.	e5 : d6	Фe7—d7	39.	Kpf3—e4	Kpe7—e6
16.	h2—h3	Kg4—f6	40.	a2—a4	a6—a5
17.	Фa4 : d7	Ce6 : d7	41.	f4—f5+	g6 : f5+
18.	Kc3—e4	Kf6 : e4	42.	Kpe4—f4	Kpe6—f7
19.	Cd3 : e4	Лa8—a7	43.	Kpf4 : f5	Kpf7—g7
20.	c2—c4	Cd7—e6	44.	g5—g6	Kpg7—h8
21.	b2—b3	Лf8—d8	45.	Kpf5—f6	Kph8—g8
22.	f2—f4	f7—f5	46.	g6—g7	Kpg8—h7
23.	Ce4—f3	Лd8—d7	47.	Kpf6—f7	Сдался.
24.	Лf1—e1	Kpg8—f7			

По возвращении Урусова из Варшавы в конце 1859 г., куда он поехал для матча с Петровым, в Петербурге был устроен опять небольшой матч между ним и Шумовым, снова выигранный Урусовым с результатом $+6-2=1$. Превосходство Урусова в дебюте было неоспоримо, тем более, что он всегда начинал шотландской партией. Вот партия последнего матча, единственно сохранившаяся и дошедшая до нас, выигранная Шумовым.

Белые. С. С. Урусов.	Черные. И. С. Шумов.		Белые. С. С. Урусов.	Черные. И. С. Шумов.
1. e2—e4	e7—e5		22. Лa1—d1	Ce6—f5
2. Kg1—f3	Kb8—c6		23. Фg1—g2	Фh3 : g2+
3. d2—d4	Kc6 : d4		24. Kph1 : g2	Cf5—e4+
4. Kf3 : d4	e5 : d4		25. Kpg2—g3	Kpg8—f8
5. Фd1 : d4	d7—d6		26. Ce2—f3	f6—f5
6. Kb1—c3	Cc8—e6		27. Лd1—e1	d6—d5
7. f2—f4	Фd8—h4+		28. c4 : d5	Ce4 : f3
8. g2—g3	Фh4—g4		29. Kpg3 : f3	Лd8 : d5
9. Cf1—e2	Фg4—h3		30. Ce8 : g7+	Kpf8—f7
10. Kc3—b5	Лa8—c8		31. Cg7—e5	Лd5—d3+
11. Kb5 : a7	Лc8—a8		32. Kpf3—e2	Лc8—d8
12. Ka7—b5	Лa8—c8		33. Ce5—c3	c5—c4
13. Cc1—e3	Cf8—e7		34. Лe1—g1	Ce7—f6
14. c2—c4	Kg8—f6		35. Cc3—a5	Лd8—d5
15. Kpe1—f2	0—0		36. a2—a4	Cf6 : b2
16. Фd4—d1?	Kf6 : e4+		37. Лg1—g3	Лd3 : g3
17. Kpf2—g1	Ke4 : g3		38. h2 : g3	Лd5—d3
18. Ce3—d4	Kg3 : h1		39. Ca5—e1	Kpf7—e6
19. Kpg1 : h1	c7—c5		40. Kb5—c7+	Kpe6—d6
20. Cd4—c3	Лf8—d8		41. Kc7—b5+	Kpd6—d5
21. Фd1—g1	f7—f6		42. Kb5—c7+	Kpd5—e4
			Сдался.	

Выше мы говорили об успехах Шумова в турнирах шахматного клуба. Среди петербургских любителей, участвовавших в турнирах, Шумов, без сомнения, был сильнейшим игроком. В Петербурге никто и не пытался оспаривать у Шумова пальмы первенства, и до конца 70-х годов Шумов признавался единственным чемпионом Петербурга.

Уже в начале 70-х годов Шумову пришлось считаться с молодыми игроками, нередко побеждавшими его. В первую очередь, следует отметить А. А. Ашарина, Э. С. Шифферса и М. И. Чигорина. Из небольших турниров-матчей между этими игроками Шумов не всегда выходил на первое место.

К концу 70-х годов Шумов окончательно был вынужден признать превосходство над собой гениального Чигорина,

хотя долгое время не мог с этим примириться и не упускал случая в редактируемом им шахматном отделе „Всемирной Иллюстрации“ чем-нибудь кольнуть Чигорина и его „Шахматный Листок“. За последние годы Шумов отошел от шахматной игры и нигде уже не выступал в турнирах, организуемых при участии новых молодых сил.

В заключение отметим, что Шумов известен не только как практический игрок, но и как композитор остроумных задач, но большей частью юмористического характера. Часть этих задач были им собраны и изданы в 1867 году под заглавием „Собрание скохографических и других шахматных задач, в том числе маты политические, юмористические и фантастические“. Единственная работа Шумова, посвященная вопросу теории дебютов, это его статья о шотландском гамбите, напечатанная в журнале „Schachzeitung“ 1851 г. Кроме того, он вел с 1869 г. шахматный отдел в „Всемирной Иллюстрации“.

* * *

При изложении истории развития шахматной игры в середине XIX века нельзя обойти молчанием московского игрока, неоднократно упоминавшегося нами, С. С. Урусова.

Как нам уже известно, Урусов был в практической игре сильным шахматистом, имевшим хорошие результаты против сильнейших русских шахматистов. Сам Петров признавался, что никогда ему не приходилось столько проигрывать партий одному лицу, как в матче с Урусовым. Последний, нисколько не скрывая, считал себя одним из лучших игроков не только русских, но и иностранных. Вообще, Урусов считал, что русские шахматисты опередили иностранцев в шахматной игре. Эта самоуверенность привела к тому, что им был послан вызов Морфи. О последующих результатах переговоров нам ничего неизвестно, но матча между Урусовым и Морфи не было. Точно так же Урусов записался на Лондонский международный турнир в 1862 г., в котором участвовали Андерсен, Паульсен, Стейниц и др., но и в нем почему-то не играл.

Значение Урусова в истории развития шахматного искусства заключается в том, что он не только признавал необходимость изучения дебютов и концов игр, но и сам

усердно посвящал этому много времени. Если не считать Яниша, то Урусова, пожалуй, действительно, можно признать лучшим знатоком теории, в особенности, облюбованной им шотландской партии, которой он почти всегда начинал партию.

Урусову принадлежит составление „Руководства к изучению шахматной игры“, печатавшегося в „Шахматном Листке“ за 1859—61 гг. [1]. Большой ценности, однако, это „Руководство“ не имело и, конечно, сейчас в целом совершенно устарело [2].

Кроме „Руководства“, перу Урусова принадлежит статья, напечатанная в немецком шахматном журнале „Schachzeitung“ (1857 г.), и статья „О решении проблемы коня“ [3], материал для которой заимствован из работ Яниша.

* * *

В середине XIX в. Москва представлялась очень немногими игроками и притом такой силы, что Урусов всем им мог давать пешку или еще более крупную фигуру. Шахматная жизнь в Москве начинает пробуждаться лишь в конце 70-х годов, когда появляются такие игроки как Е. А. Шмидт, А. В. Соловцов и др. Точно так же можно сказать и о провинции середины XIX в. Правда, в различных городах России были отдельные лица, которые недурно для своего времени играли в шахматы, однако, постоянных шахматных клубов там еще не было. Лишь в 1861 году появляются в провинции шахматные клубы. Организуется постоянное шахматное собрание в Саратове, благодаря энергии Стеллиха, известного в то время своими решениями наиболее трудных задач. Нижний-Новгород, имея шестнадцать любителей, также открывает шахматный клуб, где сильнейшим игроком считался доктор Кербер. Наконец, некоторое оживление замечается в Николаеве, где лучшими игроками были Шпейер и Кнорре.

Но в общем шахматная жизнь в провинции оставляла желать много лучшего, и лишь с конца 70-х годов в различных городах России начинают открываться шахматные

[1] №№ 2—4, 6—10, 14—17, 27—31.

[2] См. критические отзывы в „Шахматном Листке“ за 1859—60 гг. в №№ 5, 7 и 27.

[3] „Математический Сборник“, 1867 г., т. II, вып. 3.

клубы, в первую очередь в Киеве, Харькове, Казани, Житомире и т. д.

* *
*

Мы видели, что в начале XIX века на русском языке появляются лишь отдельные работы, посвященные шахматной игре. Распространение шахматной игры вызывает потребность в шахматной литературе. Поэтому с 30-х годов мы наблюдаем издание нескольких книг как оригинальных, так и переводных. Мы не будем здесь повторять упомянутые нами многочисленные труды Яниша. В 1839 году выходит перевод с французской книги Лабурдонне „Новейшие начертания шахматной игры". Здесь принята алгебраическая нотация, но латинский алфавит заменен русским. В 1853 г. в Москве выходит второе издание этой книги. При своем появлении перевод Лабурдонне встретил многочисленные отзывы, напечатанные в русских и иностранных журналах [1].

Если не считать этой книги и перевода работы немецкого руководства Г. Р. Неймана „Шахматная игра", вышедшего в 1869 г. [2], то в значительной части все вышедшие книги, посвященные шахматной игре, выпущенные в чисто спекулянтских целях, отличались полной безграмотностью. Это относится, главным образом, к так называемым „оригинальным" руководствам. Таковы, в первую очередь, „Правила шахматной игры в 3-х частях", составленные неизвестным лицом, скрывшимся под инициалами В. Д. Эти „Правила" представляли собой не что иное, как сокращенная переработка 2-го издания польского учебника Крупского „Strategika szachowa czyli praktyczny sposob doskonalenia sie wgrze szachów" [3].

Но рекорд безграмотности побил „Полный самоучитель шахматной игры и игры в русские и польские шашки", выпущенный в Москве в 1872 году издателем А. М. Земскаго. Не говоря уже о том, что эта книжка буквально составлена по никуда негодной работе Бреда́, перевод ее поражает своей безграмотностью.

---

[1] „Schachzeitung", 1840 г., „Отечеств. Зап." 1839 г., № 11, „Сын Отечества", 1839 г., т. XII, „Литер. Газ.", 1840 г., № 21 и т. д.

[2] См. благоприятный отзыв в „Библиографе", 1869 г., № 3.

[3] См. рецензию в „Отечеств. Зап.", 1843 г., № 3.

Отметим еще перевод весьма посредственного немецкого учебника А. Гебелера, в котором особенно неудовлетворительна часть, посвященная изложению отдела дебютов. К книге приложена статья известного русского библиографа шахматной игры М. Г. Гоняева (ему же принадлежит и перевод), составленная на основании английского руководства Форбса, „История шахмат“. Здесь помещено несколько кратких сведений об истории шахматной игры в России. Несмотря на неудовлетворительность учебника, он на русском языке выдержал 2 издания.

Наконец, упомянем „Некоторые данные к анализу шахматной игры“, принадлежащее перу некоего „русского любителя“. Упоминаем об этой брошюре лишь потому, что она издана в 1875 году в Симбирске. Работа „русского любителя“ в конце концов свелась к тому, что некоторые азбучные и притом часто условные правила игры были переведены на язык высшей математики. Получилось в результате весьма неудачное подражание трудам Яниша.

Когда мы говорили о литературной деятельности Петрова, мы упоминали о его трудах беллетристического содержания. Здесь считаем нужным дополнить обзор еще некоторыми художественными произведениями, посвященными шахматам. Наиболее интересной и живо написанной является повесть „Игрок“ Н. Д. Ахшарумова, русского любителя, брата привлеченного по делу Буташевича-Петрашевского, Д. Д. Ахшарумова. Первоначально повесть была напечатана в „Отечественных Записках“ (1858 г.), а затем издана в 1859 г. отдельной книжкой. Ахшарумов в фантастических образах изобразил похождения шахматиста в Германии.

Подобный характер носят статьи А. И. Кронеберга, под заглавием „Шахматы“, напечатанные в „Современнике“ [1]. В двух статьях в очень живой форме рассказывается о похождениях Греко, Паоло Бон, Филидора и др. и несколько шахматных новелл. В третьей статье напечатано несколько партий Лабурдонне против Макдоннеля и Лондонского клуба против Эдинбургского [2].

---

[1] 1850 г., № 7, 8 и 9.

[2] В „Schachzeitung'e“ за 1861—1862 гг. помещен перевод, по всей вероятности с рукописи, работы А. И. Кронеберга о гамбите королевского слона.

За небольшим исключением перечисленными работами исчерпывается список шахматной литературы в описываемый нами период.

В заключение необходимо сказать несколько слов о периодических шахматных изданиях середины XIX в.

Первый шахматный отдел появился в журнале „Иллюстрация“, издаваемом Бауманом с 1858 по 1863 год. Здесь помещались, главным образом, задачи, изредка партии и заграничная хроника, а также рассказы, в том числе Петрова. С 1863 года открылся шахматный отдел в „Иллюстрированной Газете“, издаваемой Зотовым, в котором помещались только одни задачи. Наиболее умело велся шахматный отдел с 1869 г. в „Всемирной Иллюстрации“ под редакцией И. С. Шумова, который ценен тем, что там помещалось много партий, игранных русскими шахматистами.

Но наиболее отрадным явлением в середине XIX века было издание постоянного периодического журнала. Мы говорим о „Шахматном Листке“, выходившем сначала в виде приложения к „Русскому Слову“ (с 1859 г. по май 1862 г. ежемесячно), а по прекращениии „Русского Слова“ в течение 1862—1863 г. и самостоятельным изданием. Журнал выходил под редакцией В. М. Михайлова и издавался известным уже нам шахматным меценатом гр. Кушелевым-Безбородко. „Шахматный Листок“ заключает в себе множество партий иностранных и русских шахматистов, задачи, главным образом на обратные маты, богатую заграничную и русскую хронику.

* * *

Мы обозрели в этой главе историю русского шахматного искусства с 30-х по 60-ые годы XIX в., когда Россия постепенно приближалась к Западной Европе. Народились любители шахматной игры, среди них игроки международного масштаба. Зарождается шахматная литература и периодические издания. Но, в конце концов, шахматная жизнь не была еще вполне организованной. Шахматные клубы не только переживали кризисы, в виду малого посещения игроков, но иногда совсем закрывались. Русские любители не только встречали препятствия со стороны правительства при открытии клубов (только в 1869 г. министром внутрен-

них дел был утвержден устав общества любителей шахматной игры), но и русской прессы. В этом отношении очень характерны выпады сатирического журнала того времени „Искра“. „Каким образом, — пишет „Искра“, [1] такой журнал („Шахматный Листок“) может публично объявлять себя органом распространения тупоумия в народе и, действительно, печатать на своих страницах такую позорную галиматью“...

Сейчас мы, конечно, с улыбкой прочтем площадную ругань „Искры“, но в то время „Искра“ находила сочувствие у многих читателей. Даже Чигорин в 1876 г. счел нужным предпослать как бы оправдательную вводную статью для издававшегося им „Шахматного Листка“.

Шахматная игра, повторяем, не выходила из рамок небольшого круга любителей. Среди широких масс населения большей популярностью пользуются только шашки, ставшие национальной русской игрой. Насколько широкие круги имели слабое представление о шахматной игре, видно из очень характерной заметки, приведенной в одном литературном сборнике:

Идеал шахматных игроков.

„Знаменитый парижский игрок в шахматы, г. Лабурдонне, весьма недавно представил блистательное доказательство своего умения, выиграв у одного известного члена Лондонского шахматного клуба вдруг две партии: а что всего удивительнее, — выиграл их, оборотясь лицом к с т е н е, между тем как проигравший англичанин с м о т р е л в о б а на обе партии. Если это не пуфф журналистов, то г-н Лабурдонне не игрок, а чудо“.

---

[1] 3 ноября 1861 г. № 42.

Глава V.

М. И. Чигорин и его время.

Прежде чем обратиться к изложению шахматного творчества Чигорина, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на его современниках, сыгравших немаловажную роль в истории развития русского шахматного искусства.

Начнем наш обзор с Симона Винавера (1838—1919), первого из русских шахматистов, участвовавшего в международном турнире. С. Винавер родился 6 марта 1838 года. Материальная обеспеченность (Винавер был варшавским коммерсантом) давала ему возможность уделять много времени шахматной игре. Уже в 1867 году он участвует в международном турнире в Париже, где берет 2-й приз (1-й Колиш). Совершенно неизвестный русский игрок оставляет позади себя шахматистов, пользующихся славой первоклассных мастеров. Конечно, это блестящее выступление Винавера произвело сенсацию. Участие в дальнейших международных турнирах также сопровождается значительными успехами Винавера. В 1878 году в Париже он получает 2-й приз (1-й Цукерторт), в 1881 г. в Берлине делит 3—4 призы с Чигориным (1-й Блэкберн, 2-й Цукерторт). С 1883 по 1892 год Винавер перестает участвовать в турнирах и сильно отстает как теоретически, так и практически от игры. Поэтому в Дрезденском турнире 1892 года он делит с Барделебеном только 6-й—7-й призы, а в сильнейшем по составу турнире в Нюрнберге (1896 г.) из 18 партий выигрывает только $6^1/_2$ (+5—10=3). В Будапеште (1896 г.) Винавер участвует последний раз в международном турнире, где делит с Вальбродтом 6-й приз. Винавер совершенно отходит от шахматной игры, изредка играя с варшавскими любителями и отдельными маэстро, которые наезжали в Варшаву.

Камнем преткновения в успехах Винавера, особенно за последние годы, являлся злейший враг многих шахматистов— недостаток времени, благодаря чему он нередко проигрывал партии даже в выигрышном положении.

Ниже мы приводим партию, игранную в Нюрнберге (1896 г.), когда Винаверу было уже под 60 лет.

	Белые.	Черные.			
	Винавер.	**Стейниц.**			
1.	e2—e4	e7—e5	11.	Kg1—f3	d7—d6
2.	d2—d4	e5 : d4	12.	Kf3—g5	Cc8—e6
3.	Фd1 : d4	Kb8—c6	13.	Cc4—d3	h7—h6
4.	Фd4—e3	Kg8—f6	14.	h2—h4	Kf6—d5?
5.	Kb1—c3	Cf8—b4	15.	Cd3—h7+	Kpg8—h8
6.	Cc1—d2	0—0	16.	Лd1 : d5!	Ce6 : d5
7.	0—0—0	Лf8—e8	17.	Ch7—e4!	f7—f6
8.	Cf1—c4	Cb4 : c3	18.	Ce4 : d5	f6 : g5
9.	Cd2 : c3	Kf6 : e4	19.	h4 : g5	Kc6—e5
10.	Фe3—f4	Ke4—f6	20.	g5—g6!	Сдался.

Сверстник Винавера, Самуил Розенталь (1837—1902), далеко уступает ему как в отношении успехов на международных турнирах, так и в знании теории дебютов. Мы затрудняемся причислять Розенталя к числу русских шахматистов, так как с Россией он был связан только местом рождения (в Сувалках). Во время польского восстания Розенталь бежал из Польши во Францию и поселился в Париже, где подвизается, как журналист и преподаватель иностранных языков. В 1873—83 гг. Розенталь безусловно считался одним из лучших шахматистов в Париже. Однако, ему не удалась ни разу завоевать первых призов в международных турнирах. Лучшего результата он достиг в Венском турнире, где получил 4-й приз. Эти неуспехи Розенталя объясняются исключительно отсутствием у него выдержки.

Розенталь облюбовал себе в Париже шахматный клуб, так называемый „Grande Cercle“. Здесь он был настоящим „царьком“, авторитету которого безропотно подчинялись все шахматисты, играющие в этом клубе. В этом клубе Розенталь выступал также в роли преподавателя шахматной игры, при чем современники указывают на отрицательный характер

методов его преподавания. Страдая болезненным самолюбием, Розенталь не мог допустить, чтобы кто-либо конкурировал с ним и потому не давал возможности развиваться таланту тех шахматистов, которые подавали большие надежды. Противники Розенталя даже были склонны думать, что именно благодаря тлетворному влиянию Розенталя, Франция в это время не могла выставить ни одного шахматиста с крупным именем и в шахматном отношении была низведена на роль какой-нибудь Патагонии.

Еще более был известен в парижских шахматных кругах другой русский игрок Михаил Степанович Бескровный (1840—1897), родившийся в Крыму. Получив первоначальное образование в гимназии при Ришельевском лицее в Одессе, в 1857 году Бескровный переезжает в Петербург и поступает на естественный факультет. Болезненный организм не выносит петербургского климата, и Бескровный переезжает в Париж и поступает в Горный Институт (Ecole de mines). По окончании Института он остается в Париже. К этому времени (конец 60-х и начало 70-х гг.) относится его известность, как лучшего шахматиста в парижских клубах. После непродолжительного отсутствия (Бескровный был приглашен швейцарским правительством в Берн на службу), он в 1878 г. возвращается в Париж и безвыездно живет здесь до 1882 г. Этот период может быть отмечен, как наиболее блестящий в его шахматной деятельности. Он участвует во многих турнирах, устраиваемых знаменитым „Café de la Régence" и неоднократно получает первый приз. Вот партия одного из турниров.

Белые. Черные.

М. С. Бескровный **М. Шазре.**

(Играна в турнире 1879 г. Шахм. о-ва в Париже).

1.	e2—e4	e7—e5	9.	Kb1—c3!	Cc8—g4?
2.	Kg1—f3	Kb8—c6	10.	Cc4—b5!	Cg4—d7?
3.	Cf1—c4	Cf8—c5	11.	e4—e5!	d6 : e5
4.	b2—b4	Ce5 : b4	12.	d4—d5	Kc6—e7
5.	c2—c3	Cb4—c5	13.	Cb5 : d7+	Фd8 : d7
6.	0—0	d7—d6	14.	Kf3 : e5	Фd7—d6
7.	d2—d4	e5 : d4	15.	Фd1—a4+	c7—c6
8.	c3 : d4	Cc5—b6	16.	Ke5—c4	Фd6—d8

17.	d5—d6	Ke7—g6	22.	d6—d7+	Kg8—e7
18.	Лf1—e1+	Kpe8—f8	23.	Фa4 : a7!	Лa8—d8
19.	Cc1—a3	Cb6 : f2+	24.	Лa1—c1	Фe3—d3
20.	Kpg1 : f2	Фd8—f6+	25.	Лc1—d1!	Фd3 : c4
21.	Kpf2—g1	Фf6 : c3	26.	Фa7—a8!	Сдался.

В 1882 г. Бескровный переезжает на постоянное жительство в Петербург и первое время довольно часто посещает шахматный клуб, где играет с Чигориным, Шифферсом и др. Однако, порок сердца лишает его возможности принимать участие в турнирах, и он даже вынужден совершенно оставить шахматную игру, уделяя ей лишь немного времени в кругу своей семьи и друзей.

Постоянным партнером Чигорина в начале его деятельности был Андрей Александрович Ашарин (1843—1896), родившийся в г. Пернове. Он воспитывался в Дерптской гимназии вместе с Клеменцем, впоследствии сильным шахматистом (1-я категория). В Юрьеве, где он учился на юридическом факультете, Ашарин встречается с крупнейшей шахматной величиной Балтийского края, Фр. Амелунгом, редактором „Baltische Schachblätter", которого можно считать первым учителем Ашарина. После переезда в середине 70-х годов в Петербург, Ашарин сразу выдвигается в число лучших шахматистов и играет на равных с Чигориным, Шифферсом, Шумовым и др.

Белые. Черные.

М. И. Чигорин. **А. А. Ашарин.**

1876 г.

1.	e2—e4	e7—e5	11.	b2—b4	Cc5—b6
2.	Kb1—c3	Cf8—c5	12.	Cc4—b5	d6—d5
3.	f2—f4	d7—d6	13.	Cb5 : c6	b7 : c6
4.	Kg1—f3	Kb8—c6	14.	f4 : e5	Фe7 : e5
5.	Cf1—c4	Kg8—f6	15.	Cc1—f4	d5 : e4
6.	d2—d3	Cc8—g4	16.	Фf3—g3	Фe5—e6
7.	h2—h3	Cg4 : f3	17.	d3—d4	Kf6—h5
8.	Фd1 : f3	Фd8—e7	18.	Фg3—e3	Kh5 : f4
9.	Kc3—e2	0—0—0	19.	Ke2 : f4	Фe6—c4
10.	c2—c3	Лh8—e8	20.	Лa1—d1	f7—f5

21.	Kf4—e2	Фc4 : a2	34.	Kc5—a6+	Крb8—a8
22.	0—0	Лe8—f8	35.	c3—c4	Лe8—f8
23.	Лf1—f2	Фa2—e6	36.	c4—c5	f3 : g2
24.	Ke2—g3	g7—g6	37.	Лf2 : f6	Лf8 : f6
25.	Kg3—f1	Лd8—e8	38.	c5 : b6	c7 : b6
26.	Фe3—e2	f5—f4	39.	Крg1 : g2	Фc8—f5!
27.	Фe2—a6+	Крc8—b8	40.	Лd1—a1	Фf5—f3 +
28.	Kf1—d2	Лf8—f7	41.	Крg2—h2	Фf3—e2+
29.	Kd2—c4	Фe6—c8	42.	Крh2—h1	Лf6—f1 +
30.	Фa6—a4	Лf7—f6	43.	Лa1 : f1	Фe2 : f1 +
31.	Kc4—a5	Фc8—d7	44.	Крh1—h2	Крa8—b7
32.	Ka5—b3	f4—f3	45.	Фa4—a2	e4—e3!
33.	Kb3—c5	Фd7—c8		Сдался.	

Если, как практический игрок, Ашарин и уступал Чигорину и Шифферсу, то он не имел себе равных в так называемых партиях à tempo и с дачей вперед. Кстати заметим, что его легкие партии обыкновенно сопровождались остроумными прибаутками и шутками, и в этом отношении его можно считать „создателем“ той шутливой атмосферы, которая окружает партии à tempo и по настоящее время. Многочисленные юмористические рассказы, афоризмы и статейки, печатавшиеся им в разное время, были им собраны в отдельной книжке, изданной в 1894 году под названием „Schachhumoresken“. В этой книжке мы находим много интересных воспоминаний о шахматистах, с которыми приходилось играть Ашарину.

В 1879 году Ашарин переселяется на постоянное жительство в Ригу. Благодаря его стараниям в Риге был организован шахматный клуб, развивший большую деятельность. В скором времени Рига стала одним из крупнейших центров шахматной жизни России.

Едва ли в России в 70-х — 90-х гг. среди шахматистов было более популярное имя чем Эмануила Степановича Шифферса (1850 — 1905), сделавшего не мало в пользу распространения шахматной игры в России. Правда, Шифферс не считался шахматистом первой величины среди международных мастеров. Его значение заключалось больше в преподавательской деятельности. Одним из его учеников был и М. И. Чигорин.

Уже в конце 60-х годов с открытием кафе „Доминик“ Шифферс сразу занял доминирующее положение среди русских шахматистов, а в 70-х годах он уже может считаться лучшим шахматистом России, побеждая всесильного Шумова. В 70-х—80-х гг. Шифферс был единственным сильнейшим противником Чигорина и в 1877 г. он еще выигрывает у Чигорина матч. Против других русских шахматистов Шифферс даже в 90-х годах, когда он уже значительно ослабел, играл вполне успешно. Так он выигрывает матч у двух сильных русских любителей Янковича и Хардина. С почетным результатом сыграл Шифферс и в 1896 г. в Ростове-на-Дону против Стейница, выиграв 4 партии, проиграв 6 и 1 окончив в ничью.

На международных турнирах Шифферс не имел большого успеха. Лучшего результата он достиг в Гэстингсе, получив 6-й приз после Пильсбери, Чигорина, Ласкера, Стейница и Тарраша, опередив остальных сильнейших маэстро. Кроме Гэстингса, Шифферс участвовал еще в 7 международных турнирах: Франкфурт-на-Майне (1887 г.), Бреславль (1889 г.), Лейпциг (1894), Нюрнберг (1896 г.), Берлин (1897 г.), Вена (1898 г.) и Кельн (1898 г.).

Шифферс принимал деятельное участие в шахматной жизни в России. Он участвует не только во всех всероссийских турнирах, но и в многочисленных турнирах-гандикапах, устраиваемых петербургскими шахматными клубами, играет по переписке, разъезжает по России, дает сеансы одновременной игры и т. д.

В первом турнире, устроенном в Петербурге в 1878—79 г. Шифферс разделяет с Соловцевым III—IV призы. В I Всероссийском турнире он добивается второго приза вслед за Чигориным, с таким же результатом он сыграл и во II Всероссийском турнире и лишь в III—Шифферс сыграл неудачно, оставшись вовсе без приза.

Большую услугу оказал Шифферс в области распространения шахматного просвещения в России. Он первый начал читать в клубе лекции, посвященные теории шахматной игры. Кроме того, он редактировал шахматный отдел в „Ниве“, который он поставил на должную высоту. Это был один из лучших отделов, где помещались не только партии, задачи и хроника, но и статьи теоретического характера. Кроме отдела в „Ниве“, Шифферс в разное время

вел шахматные отделы в „St. Petersburger Herold“ и „Петербургской Газете“.

Наконец, огромную услугу оказал Шифферс русским шахматистам изданием, ставшим весьма популярным, „Самоучителя шахматной игры“, выдержавшим несколько изданий. Помимо того, в его переводе вышло также популярное руководство Дюфрена.

Ниже мы приводим одну партию, игранную Шифферсом в международном турнире (Франкфурт-на-Майне). Эта партия даже была отмечена особым призом за красоту — выдающийся успех для шахматиста, впервые выступающего в международном турнире.

	Белые.	Черные.
	Э. С. Шифферс.	**Гармонист.**
1.	e2 – e4	e7—e5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6
3.	Cf1—c4	Cf8—c5
4.	c2—c3	Kg8—f6
5.	d2—d4	e5 : d4
6.	c3 : d4	Cc5—b4+
7.	Cc1—d2	Cb4 : d2+
8.	Kb1 : d2	d7—d5
9.	e4 : d5	Kf6 : d5
10.	Фd1—b3	Kc6—e7
11.	0—0	0—0
12.	Лf1—e1	c7—c6
13.	a2—a4	Фd8 – c7
14.	Лa1—c1	Kd5—f4
15.	Kf3—g5	Ke7—g6
16.	Лe1—e8!	Лf8 : e8
17.	Cc4 : f7+	Kpg8—h8
18.	Cf7 : e8	Kf4—e2+
19.	Kpg1 – h1	Ke2 : c1
20.	Kg5—f7+	Kph8—g8
21.	Kf7—h6+	Kg8 – f8
22.	Фb3—g8+	Kpf8—e7
23.	Ce8 : g6	h7 : g6
24.	Фg8 : g7+	Kpe7—d8
25.	Фg7—f8 +	Kpd8—d7
26.	Kd2—e4!	Фc7 – d8
27.	Фf8—d6+	Kpd7—e8
28.	Ke4—f6 +	Сдался.

Младший современник Чигорина, Семен Зиновьевич Алапин (1856 — 1923) известен не только как практический игрок, но и как тонкий аналитик и изобретатель многочисленных дебютных новинок.

Алапин родился 7 ноября 1856 года в Вильне. Шахматной игре он научился в гимназии, где скоро выдвинулся и стал впереди своих товарищей. Еще учеником в гимназии Алапин играл с Чигориным, Шифферсом и Ашариным, которые сначала давали ему коня вперед, а затем посте-

пенно пешку и два хода, пешку и ход и, наконец, он стал играть с ними на равных. Алапин часто посещал кафе Доминика и Прадера, где в то время большей частью собирались петербургские шахматисты. У Доминика Алапин встретился с приехавшим из Варшавы С. Винавером и сыграл с ним в ничью. Это уже следовало признать крупнейшим успехом для юного гимназиста, а выигрыш трех партий подряд у Шумова показал, что Алапин безусловно может считаться после Чигорина лучшим игроком. Уже в 1878 — 1879 году на первом организованном шахматном турнире в Петербурге, с участием московских шахматистов, Алапин вместе с Чигориным выходят на первые места, но в решительной партии на первый приз он проигрывает Чигорину и занимает 2-е место.

С 80-х годов шахматная деятельность Алапина временно прекращается вследствие болезни отца. Алапин вынужден был покинуть Институт Инженеров Путей Сообщения и поступить на службу; помимо этого он занялся коммерческими делами, так что у него совершенно не осталось времени для практической игры. Зато свободное от занятий время Алапин посвящает аналитической разработке теории шахматной игры и опубликовывает свои работы в различных журналах. По коммерческим делам Алапин часто уезжал за границу, где изредка принимал участие в международных турнирах. Правда, он никогда не имел больших успехов, однако в 1887 году в турнире во Франкфурте-на-Майне он получает звание маэстро. До этого, в 1882 году Алапин играет 2 серьезные партии с Цукертортом, при чем одну проигрывает, а вторую сводит в ничью. В том же году он выигрывает в Вене матч у Берна и в Мариенбаде у Шварца. Главнейшие его успехи в 1897 г. в Берлине 6-й — 7-й призы с Марко и Шлехтером и в 1900 г. в Монте-Карло 5-й приз. В турнирах берлинского шахматного общества в 1893 и 1897 гг. Алапин дважды берет первый приз.

С 1880-х годов до 1905 года Алапин большей частью находился за границей и лишь в конце 1905 года, по приглашению Петербургского Шахматного Общества, он приезжает в Петербург для участия в IV Всероссийском турнире, где берет 5-й приз. В последующих международных и русских турнирах Алапин играет без особого успеха.

Выше мы уже упоминали о том, что Алапин является тонким аналитиком и знатоком в области дебютов. Действительно, нет ни одного руководства или монографического исследования шахматной игры, где не упоминалось бы имя Алапина. В течение слишком 30 лет Алапин помещал в шахматных журналах чуть ли не всего мира свои статьи по различным вопросам теории дебютов. Подробное изложение его шахматно-аналической деятельности заняло бы много места, и мы поэтому в немногих словах укажем лишь на главные его дебютные новинки и анализ нескольких дебютов.

Прежде всего отметим, что Алапину принадлежит обоснование одного дебюта, носящего его имя, правда, весьма редко встречающегося в турнирной практике, но отличающегося остроумием (1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—e2). Впрочем, и сам Алапин редко употреблял в серьезных партиях это начало.

Больше всего Алапин посвятил труда анализу гамбита Эванса, а именно защите для черных. Это объясняется не только тем, что в 80-х — 90-х гг. этот гамбит предпочитался другим дебютам и гамбитам, но главным образом тем, что в руках Чигорина гамбит Эванса был всесокрушающим оружием в турнирах и матчах. Необходимо было поэтому найти противоядие. Он предлагал после 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Cf8—c5 4. b2—b4 Cc5 : b4 5. c2—c3 Cb4—a5 6. d2—d4 отвечать 6..... d7—d6, что в случае 7. 0—0 приводило к перестановке другого варианта 6. 0—0 d7—d6 7. d2—d4. В данном положении Алапин советует 7.... Cc8—d7, что приводит к равному положению.

Во французской партии Алапин указал новую защиту: 1. e2—e4 e7—e6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—c3 Kb8—c6. Особенно он много потрудился над разработкой защиты Мак-Кетчона.

Когда в турнирной практике становятся модными испанская партия и дебют ферзевых пешек, Алапин придумывает новые варианты для черных в этих дебютах. В испанской партии он предлагает 3.... Cf8—b4 (или после 3.... a6 4. Cb5—a4 Cf8—b4). Подробно эту защиту он обосновывает в особой брошюре. Наконец, одной из последних аналитических работ Алапина является защита для черных в ферзевом гамбите, а именно: 1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6

3. Kb1—c3 c7—c6 4. Kg1—f3 Kb8—d7; на 5. Cc1—f4 следует d5 : c4 и защита гамбитной пешки; на 5. e2—e3 следует f7—f5 6. Cf1—d3 Фd8—f6 и т. д., что приводит к положению, известному под названием Stonewall.

Помимо указанных анализов Алапину принадлежит ряд новых вариантов в королевском гамбите, гамбитах Альгайера, Гампе-Альгайера и т. д.

Укажем еще на Георгия Соломоновича Сальве (1862—1920, род. в Варшаве), основоположника, так называемой, лодзинской школы шахматистов. Сальве научился играть сравнительно поздно, в 20 лет, и хотя скоро стал одним из сильнейших игроков Варшавы, однако, долгое время не принимал участия в серьезных состязаниях. Лишь в 1903 году, когда в Лодзи, куда он переехал в 1894 г., открылось Общество любителей шахматной игры, он играет в турнире-гандикапе Общества и берет первый приз; затем в матч-турнире он делит с Рубинштейном 1-й и 2-й призы и играет матч с последним в ничью. В III Всероссийском турнире Сальве получает 4-й приз, а в IV—1-й приз. В разное время он с успехом играет против иностранных шахматистов — Яновским, Мизесом, и др. В международных турнирах Сальве не достигал больших успехов, однако, иногда добивался призов, при чем в Дюссельдорфе (1908 г.) получил 2-й приз, ниже Маршалля, но выше Шпильмана, Иона, Мизеса и др.

* * *

Мы отметили тех русских шахматистов, которые были свидетелями начала шахматной карьеры Чигорина, а затем и расцвета его деятельности. Как бы высоко ни оценивать их деятельность, однако фигура Чигорина совершенно заслоняет перечисленных нами шахматистов. Поэтому за весьма немногими исключениями творчеству этих шахматистов совершенно не отводится места в кратких очерках, посвященных истории шахматного искусства в России за последнее 50-летие. К сожалению, приходится констатировать, что русская шахматная история позабыла и того, перед талантом которого преклонялись не только русские шахматисты, но и иностранные. Действительно, почти 20 лет прошло со дня смерти Чигорина, а можем ли мы указать хотя бы на самый

краткий очерк его жизни и творчества. Что можно предложить тому, кто заинтересуется Чигориным? Придется представить только формулярный список его участия в международных турнирах и направить к некрологам в несколько десятков строк, посвященных смерти гениального русского шахматиста. Правда, в конце 1926 года вышел сборник избранных партий (175) с комментариями к ним Е. Д. Боголюбова, но тысячу раз прав А. А. Смирнов, когда, рецензируя этот сборник, восклицает: „Но где же его биография, где всесторонняя, исчерпывающая характеристика его творчества. Полторы странички предисловия Боголюбова на заполняют этой лакуны. Какой-то рок повис над памятью нашего великого мастера. В то время как на Западе имеются монографии о Морфи, Стейнице, Пильсбери и др. (добавим от себя, что даже русские шахматисты более склонны писать об иностранных шахматистах, как, напр., монография Зноско-Боровского о Капабланке. *М. К.*), лишь мы одни не в силах создать такую книгу о Чигорине“. Почти двадцать лет на страницах шахматных журналов выражаются пожелания об издании на русском языке монографии о Чигорине. Но следует указать, что даже материалы, могущие послужить для биографии и оценки шахматного творчества Чигорина, не собраны воедино.

Творчество Чигорина нам представляется в трех сторонах его шахматной деятельности, а именно: 1) Чигорин, как практический игрок, 2) его шахматно-аналитическая работа и 3) деятельность в области пропаганды шахматного искусства в России, т.-е. общественная деятельность.

Михаил Иванович Чигорин родился 31 октября 1850 года в Гатчине, где и получил первоначальное воспитание в гатчинском сиротском институте. Вероятно, Чигорин в самом раннем детстве лишился родителей, почему и принят был в сиротский институт. Здесь Чигорин познакомился впервые с шахматной игрой. Руководителем его в шахматной игре был воспитатель института Шуман. Чигорин оказал громадные успехи и скоро мог давать своему воспитателю вперед ладью. За время своего пребывания в институте Чигорин играл очень много со своими товарищами, среди которых шахматы были весьма популярны. По окончании института, Чигорин на некоторое время забрасывает шахматы

так как у него не было подходящих партнеров, и только с переездом в Петербург он у Доминика встречается с Шифферсом, от которого он получает вперед сначала коня, а затем пешку и два хода.

Впервые Чигорин выступил в турнире в 1874 году, организованном в Немецком Собрании, получая от Шифферса и Шумова пешку и ход. В этом турнире он получает 3-й приз, что сразу выдвигает его в число сильнейших игроков Петербурга.

Дальнейшее усовершенствование в шахматной игре шло очень быстро, и в следующем году он играл с Шумовым и Шифферсом уже на равных.

Бескорыстная любовь к шахматам предрешила жизненную карьеру Чигорина. Он покидает государственную службу, чтобы целиком посвятить себя шахматной игре. В ней он видит не развлечение и даже не своего рода гимнастику ума, — его конкретное мышление, ярко выраженное в его манере игры, мало способствовало абстрактности идей. Шахматы для Чигорина — искусство, шахматист — художник. И вот, Чигорин вступает на путь, совершенно необычный для того времени, встречая за тридцатилетнее шествие многочисленные препятствия. И не раз Чигорина, особенно, в последние годы, охватывало отчаяние, не раз он раскаивался и сожалел, что пошел по пути шахматиста, столь неблагодарного для того времени. Но в молодости судьба улыбалась ему и быстро вознесла в число игроков, о котором скоро стали говорить за границей.

Уже в 1877 году между ним и Шифферсом был организован матч, который без труда выигрывается Чигориным (+7 — 3). По партиям этого матча мы только отчасти можем судить о прогрессе Чигорина, так как матч игрался при неблагоприятных обстоятельствах, начинаясь поздно вечером и оканчиваясь далеко за полночь. Этим и объясняется ряд грубых зевков с обеих сторон.

В том же году Чигорин играл с Шифферсом второй матч до 7 выигранных партий. Так как в первой половине матча Чигорин имел значительное преимущество, то можно было рассчитывать, что матч будет выигран им, однако, в последних 4-х партиях серия грубых промахов Чигорина дает победу его противнику, и матч кончается с результатом +6 — 7 = 1.

В скором времени состоялся третий матч, выигранный Чигориным (+7 — 4 = 2). Здесь же отметим и дальнейшие результаты матча Чигорина с Шифферсом: 1880 г. +7 — 1 = 3 и в 1895 г. +7 — 3 = 3.

В конце 1878 года в Петербурге состоялся шахматный турнир, первый в России, предтеча будущих всероссийских турниров. В нем приняли участие семь сильнейших игроков Петербурга и два москвича (Соловцов и Шмидт). Проиграв только Соловцову и сделав ничью с Шифферсом, Чигорин вместе с Алапиным вышли на первое место. Решительная партия между ними была выиграна Чигориным, который, следовательно, получил первый приз.

До 1881 года Чигорин продолжает играть в турнирах-гандикапах, как игрок 1-й категории, занимая неизменно первые места. К этому же времени относится изучение им теории дебютов, результатом чего явился „Курс дебютов", печатавшийся в издаваемом Чигориным „Шахматном Листке". Несомненно, что Чигорин, обладая теоретическими познаниями и вместе с тем комбинационным талантом, мог уже принять участие в международных турнирах и рассчитывать даже на приз.

Главная заслуга в вовлечении Чигорина в число игроков международного масштаба принадлежит С. Винаверу. По его совету он принял участие в международном шахматном турнире в Берлине, устроенном II Конгрессом Германского Шахматного Союза. Участие Цукерторта, Блэкберна, Мэзена, Винавера и других явилось серьезным испытанием для молодого Чигорина. Испытание было выдержано для шахматиста, впервые выступающего в серьезном международном состязании, блестяще. Чигорин делит с Винавером 3 — 4 призы позади Блэкберна, Цукерторта, но впереди Мэзена, Виттека, Минквица, Шварца, Паульсена и др.

Мы склонны считать 1881-ый год, когда впервые выступил Чигорин, началом новой эры, наступившей для русского шахматного искусства. Правда, еще в 1867 г. Винавер выступал в Парижском турнире, однако его участие в этом турнире и в позднейших было случайным и не сыграло никакой роли в развитии шахматной игры в России. Наоборот, участие Чигорина в Берлине знаменует тот факт, что Чигорин проложил дорогу на международные турниры

русским шахматистам. Иностранные шахматисты должны были признать новую нарастающую величину, игрока замечательного, главным образом, по своему комбинационному таланту.

Значительный неуспех в 1882 году на международном турнире в Вене не удручил Чигорина. По своему составу этот турнир, организованный по случаю 25-летия существования венского шахматного клуба, был не сильнее прошлогоднего. В нем участвовали почти те же игроки, за исключением Стейница, Мэкензи, Энглиша и др. Чигорин занял 13-е место. Впереди него были: Винавер, Стейниц, Мэзен, Мэкензи, Цукерторт, Блэкберн, Энглиш, Л. Паульсен, Виттек, Вейс, Грубе и Шварц, т.-е. большинство игроков, выше которых был Чигорин в Берлинском турнире.

В 1883 г. Чигорин принял участие в Лондонском турнире, который выделяется не только составом участников и суммой призов (первый приз — 300 фунтов стерлингов), но главным образом качеством сыгранных партий. Чигорин в этом турнире получил 4-й приз, позади Цукерторта, Стейница, Блэкберна, но впереди Энглиша, Мэкензи, Мэзена, Розенталя, Винавера, Бэрда и др. В сборнике партий Лондонского турнира Чигорину было уделено большое внимание. Между прочим, о нем писали: „Чигорин может рассчитывать на великую шахматную будущность. У него еще нет опытности Цукерторта и Стейница, но в нем живет энергия, без которой немыслим хороший игрок; и в продолжение всего турнира он упорно стремился к выигрышу, пренебрегая ничьими, и к счастью достиг заслуженной награды“.

Редактор Сборника совершенно правильно отмечает черту, усвоенную Чигориным уже в молодости и не покидавшую его до конца его шахматной жизни — это пренебрежение ничьими. Этим и объясняется сравнительно большой процент проигранных партий в турнирах даже слабым игрокам, ибо Чигорин стремился к выигрышу во что бы то ни стало.

Главным злом для Чигорина в турнирах являлось ограничение времени на обдумывание ходов. Даже беглый просмотр партий, игранных Чигориным, может нам подтвердить, что значительная часть промахов делается Чигориным, когда наступает контрольное время. Поэтому сила Чигорина, его аналитические способности проявляются, когда

он не ограничен временем. В 1886—1887 гг., по предложению Петербургского общества любителей шахматной игры, был устроен матч по телеграфу между Петербургом и Лондоном. Со стороны петербургского комитета игрой руководил, конечно, Чигорин. Обе партии были доведены им до выигрышного положения, однако, Лондон не сдавал матча, но и не отвечал на последний ход Петербурга. Согласно условиям матча, этого уже одного достаточно было, чтобы считать матч выигранным, однако, Петербург обратился к судье матча Колишу, указывая на несоблюдение условий Лондоном, и поэтому Петербург считает матч выигранным. Колиш снесся с Лондоном и уведомил Петербург, что Лондон одну партию сдает, а другую считает ничьей. Чигорин не согласился на ничью и предложил доиграть партию, предлагая вперед ничью. Однако, Лондон не принял предложения, тем самым молчаливо сдавая и вторую партию. Впоследствии Чигорин во французском журнале „Strategie“ [1] блестяще доказал, что выиграть должен Петербург. Положение после последнего хода белых (Петербург) было таково: Белые — Крf4, Лb5, п. а4, f3 и g4. Черные — Кре7, Ла6, п. а5, f6 и g6.

В 1889 году состоялся матч между Стейницем и Чигориным. Когда Стейницу гаваннский клуб предложил сыграть матч с противником, по его выбору, которого он считает сильнейшим, чемпион мира указал на Чигорина, с игрою которого он познакомился на международных турнирах в Вене и Лондоне. По мнению Стейница, Чигорин один из самых блестящих в мире игроков, но шахматист старой школы, ведущий атаку главным образом на королевском фланге. Атаки проводятся Чигориным с редким блеском и комбинационным талантом. В силу этого, Стейницу и хотелось проверить на практике те „современные идеи“, создателем которых он являлся и упорно защищал уже в течение более 20 лет. Матч начался 20 января и кончился 24 февраля; всего было сыграно 17 партий, при чем 10 выиграл Стейниц, 6 Чигорин и одна партия кончилась в ничью.

Для Чигорина, насчитывающего только 8 лет серьезной шахматной практики, этот результат можно считать почетным.

---

[1] Июнь, 1888 г.

За последние годы никто не мог выиграть в матче против Стейница такого количества партий. К тому же в турнирах, где встречались Чигорин и Стейниц, преимущество было на стороне первого. Так в Вене (1881 г.), где сам Чигорин сыграл неудачно, одну партию выиграл Стейниц, разделивший I—II призы с Винавером, вторую — Чигорин. Но в Лондонском турнире (1883 г.) обе партии выиграл Чигорин.

Стейниц в матче избегал открытых партий и обыкновенно начинал с хода Kg1 — f3 (дебют Цукерторта), при чем всегда получал преимущество уже в дебюте. Чигорину удалось выиграть этим дебютом только одну партию, а проиграл он семь. Зато в открытых партиях преимущество было на стороне Чигорина. Своим любимым гамбитом Эванса он выиграл четыре партии, проиграл одну, а одна кончилась в ничью. Единственная, игранная в матче, испанская партия кончилась победой Чигорина, при чем она по справедливости может считаться одной из самых глубоких и правильных из всех игранных Чигориным партией за всю жизнь.

Шахматная пресса и весь шахматный мир с глубоким интересом следили за борьбой двух гигантов. Мы не ошибемся, если скажем, что Чигорин своей комбинационной и изящной игрой вызывал больше симпатий. Недаром о нем писали в „Deutsche Schachzeitung[1]“, что Чигорин „стилем своей игры, своими живыми, блестящими и опасными комбинациями из всех современных шахматных игроков имеет наибольшее сходство с великим Морфи, и нередко, просматривая какую-нибудь партию русского маэстро, выносишь впечатление, как будто этот последний прямо взял себе за образец гениального американца“.

А Т. Тильтон в очерке, посвященном знаменитому „Café de la Régence“, писал: „Как долго, однако, надеется он (Стейниц) держать скипетр в своих руках? Не более нескольких лет, так как он уже пережил свои молодые годы. Рано или поздно его имя появится в списке сошедших со сцены жизни, и, в виду этой возможности, в кафе уверяют, что тогда первенство перейдет к Чигорину в Петербурге, который, как и вся русская нация, неудержимо стремится к первенству“.

---

[1] Май, 1889 г.

Тильтон оказался пророком только в том, что Стейницу через несколько лет пришлось уступить пальму первенства, которую он крепко держал многие годы. Однако, первенство Стейница было передано не Чигорину, как предсказывали в „Café de la Régence“, а молодому Ласкеру.

Но как бы то ни было Стейниц впервые после матча с Андерсеном (1866 г.) встретил такого сильного противника, который без сомнения выиграл бы матч, если бы матч игрался открытыми дебютами. Нельзя не отметить, что на исход матча повлияли и климатические условия Гаванны, на что жаловался Чигорин, а впоследствии и Гунсберг. „Magdeburger Zeitung“ даже писала по поводу неравных условий, в которые поставлены оба игрока: „Итак, Стейниц выиграл, но надо было бы для уравнения шансов, чтобы Стейниц, столь же мало привыкший к холодному петербургскому климату, как Чигорин — к жаркому тропическому, в ближайшую же зиму приехал в Петербург и там, не отдыхая нисколько после путешествия, немедленно же дал Чигорину реванш“.

Приводя эту цитату, мы не желаем во что бы то ни стало оправдать Чигорина в его поражении. Однако, и климат и усталость с дороги несколько объясняют, почему Чигорин не оправдал надежд, которые возлагали на него в России и за границей.

По окончании матча Чигорин поехал в Нью-Иорк для участия в международном турнире, в котором он разделил вместе с Вейсом I — II призы. Позади него были Гунсберг, Блэкберн, Берн, Липшютц, Мэзен и др. Успех здесь Чигорина следует признать весьма значительным, если принять во внимание и сильный состав участников и усталость после матча со Стейницем.

Несмотря на проигрыш Чигориным матча Стейницу, гаваннский шахматный клуб попрежнему остался горячим поклонником игры Чигорина и в конце 1889 года предложил ему вызвать на матч какого-нибудь первоклассного игрока. Чигорин, естественно, указал на Стейница, реванша которого требовала шахматная пресса, указывая на неблагоприятные условия, в которые был поставлен Чигорин. Однако, гаваннский клуб, в виду некоторых соображений, указал ему на Гунсберга. Весьма вероятно, что на этот выбор имела

влияние статья, появившаяся в английском шахматном журнале „Chess Monthly“, в которой высказывалось мнение, что Гунсберг является более достойным противником Стейницу, чем Чигорин. Как бы в ответ на эту статью гаваннский клуб предложил Англии держать пари за Гунсберга, принимая на себя ответ за Чигорина. Буквально вся европейская и американская печать следили за матчем, и многие газеты послали в Гаванну своих корреспондентов.

Всего было сыграно 23 партии, при чем каждый имел по девять выигранных партий, пять кончились в ничью. Гаваннский клуб предложил считать матч кончившимся в ничью.

От Чигорина ожидали большего. Если не считать английской шахматной прессы, патриотически настроенной в пользу своего соотечественника, остальные европейские и американские шахматные журналы предсказывали победу русскому маэстро, хотя и предупреждали его, что ему придется иметь дело с очень осторожным и сильным игроком, показавшим свою силу во многих международных турнирах. Вот этой-то осторожности и нехватало Чигорину. Совершенно правильно указывала „Deutsche Schachzeitung“, что „по нашему мнению, Гунсберг достиг столь благоприятного результата благодаря обладанию более счастливым темпераментом, чем его противник, и большей выдержке, в то время как Чигорин владеет большей шахматной силой. Если бы русский маэстро во многих партиях не увлекался бы горячностью своего характера и не играл бы на выигрыш там, где всякий другой удовольствовался бы ничьей, то исход матча был бы иной“. И действительно, проигранные Чигориным 5, 10 и последняя партии матча во всяком случае должны были бы окончиться в ничью, если бы Чигорин не играл во что бы то ни стало на выигрыш.

На результат матча несомненное влияние оказало и то немаловажное обстоятельство, что большинство партий игралось закрытыми дебютами. Чигорин в большинстве случаев не играл своих любимых гамбита Эванса и защиты двумя конями, так как гаваннский клуб выразил пожелание, чтобы матч игрался разнообразными дебютами. Это пожелание гаваннского клуба объясняется, по всей вероятности, однообразием дебютов в матче Чигорин — Стейниц.

Чигорин выиграл 1, 2, 6, 11, 13, 16, 18, 20 и 22 партии матча, Гунсберг — 3, 5, 8, 9, 10, 12, 14, 21 и 23. В ничью окончились — 4, 7, 15, 17 и 19 партии.

* * *

В редактировавшемся Стейницем журнале „The International Chess Magazine“, а также в первой части выпущенного им учебника „Modern Chess Instructor“ с настойчивостью доказывалось, что черным в гамбите Эванса после 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Cf8—c5 4. b2—b4 Cc5:b4 5. c2—c3 Cb4—a5 6. 0—0 следует играть 6... Фd8—f6 7. d2—d4 *Kg8—h6*. Между прочим, в 1889 году в матче с Чигориным он играл 7... Ke7. Теперь же он считал сильнейшим ходом 7... Kh6 в связи с предыдущим Фf6.

Эта новая защита Стейница в гамбите Эванса, а также новый ход, изобретенный Стейницем в защите двумя конями (1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Kg8—f6 4. Kf3—g5 d7—d5 5. e4:d5 Kc6—a5 6. Ce4—b5 + c7—c6 7. d5:c6 b7:c6 8. Cb5—e2 h7—h6 9. *Kg5—h3*) послужили причиной знаменитого матча по телеграфу между Чигориным и Стейницем. Чигорин указал на неудовлетворительность защиты Стейница и предложил сыграть по телеграфу две партии, при чем одна партия должна начинаться гамбитом Эванса, а другая защитой двумя конями.

Как известно, Чигорин блестяще опроверг защиту Стейница, выиграв обе партии. Еще до матча, помимо Чигорина, на неудовлетворительность новой защиты Стейница в гамбите Эванса указывал также Гунсберг, назвав в „Evening News and Post“[1] этот ход „отчаянной бессмыслицей“, на что Стейниц отвечал в „New York Tribun“[2]: „Определение «отчаянная бессмыслица» — жестоко, но несмотря на это, каков бы ни был результат моего матча по телеграфу, я буду употреблять этот ход в нашем будущем матче против Гунсберга так часто, сколько он ни пожелает“. В 12-й партии матча Стейниц применил против Гунсберга свою новую защиту и сдал партию на 24-м ходе.

---

[1] Октябрь, 1890 г.

[2] Ноябрь, 1890 г.

Упорство, с которым Стейниц защищал свои новинки, было совершенно поразительно. Уже в начале матча, когда стало очевидным, что инициатива в руках Чигорина и подготовляющаяся им атака на королевском фланге скоро должна дать свои результаты, Стейниц писал в „International Chess Magazine“: „Нужно иметь в виду, что в обеих партиях у меня лишняя пешка, и, стало-быть, теоретически я должен выиграть обе. Конечно, г. Чигорин имеет на этот счет свое собственное мнение и, нужно полагать, рассчитывает на какую-нибудь скрытую атаку на королевском фланге; такая атака, согласно принципам игры, которым я следовал в теории и на практике в течение 20 лет, не может, однако, привести ни к чему; во всяком случае я глубоко убежден, что должен, по крайней мере, выиграть одну партию и сделать другую ничьей, т.-е. выиграть матч“.

Блестящая победа Чигорина была настоящим триумфом для русского маэстро. Не говоря уже о многочисленных поздравлениях и чествованиях в России, им было получено до 50 поздравительных телеграмм, в том числе от самого Стейница, Винавера, фон-дер-Лаза, гаваннского шахматного клуба и др. Но знаменательнее всего то, что в победе Чигорина видели полнейшее торжество старой школы. Отметим вполне заслуживающее внимания замечание Стейница, что по двум партиям нельзя говорить о победе старой школы и полной неосновательности новых принципов, так как могла быть избрана неверная защита или вообще допущены какие-либо ошибки, не говорящие еще о непригодности новых идей. Но характерно то обстоятельство, что такой популярный шахматный журнал, как „Stratégie“ писал: „Это грандиозное сражение окончено, старая школа одержала победу над новою. Мы радуемся этому результату, потому что мы предпочитаем блестящие комбинации, хотя бы они и не представляли строгой теоретической игры, той искусной и правильной игры, главное основание которой — ничего не терять“.

Неутомимый гаваннский шахматный клуб, неизменно благосклонный к Чигорину, решил устроить вторую встречу его со Стейницем. Условия матча таковы: ставка по 2 000 долларов с каждой стороны, при чем гаваннский клуб выдает каждому по 600 долларов за время пребывания их в Гаванне и берет на себя расходы по проезду из Нью-Иорка в Гаванну.

Победителем признается — первый выигравший 10 партий, при чем, если у обоих будет по 9 выигранных, играется второй решительный матч из трех партий. Относительно других условий Чигориным была предоставлена Стейницу полная свобода, как последний сообщал в „International Chess Magazine“.

Никогда Чигорин не был так близок к шахматной короне, как во втором матче с Стейницем. Не только в России, но и за границей, считали, что только Чигорин может выиграть у Стейница. Эта уверенность в шахматных кругах базировалась не на успехах Чигорина в турнирах, не всегда блестящих по результату, а на безусловном признании его комбинационного искусства, равного которому не было. Недаром шахматный журнал „British Chess Magazine“ [1] писал по поводу матча: „Если Стейницу суждено пасть от его (Чигорина) руки, то он не может пасть от руки более достойного противника“.

Однако, комбинационный гений Чигорин, его стремление к красоте и изяществу, смелые и вместе с тем рискованные атаки, желание играть всегда на выигрыш и на этот раз разбились о гранитную стену, когда, казалось уже, что Чигорин выйдет победителем. Справедливость требует отметить, что матч был проигран Чигориным случайно. Грубые зевки в нескольких партиях дали возможность вновь восторжествовать Стейницу. Посмотрим, однако, что сам Стейниц писал по поводу матча: „«Друзья, Пиррова победа», как выразился Тарраш о результате моего матча с Гунсбергом. В продолжение всего матча это был непрерывный бег взапуски, и победа колебалась почти до самого конца... Замечательно также, что после смерти Мэкензи, почти один только Чигорин не заявил себя открыто сторонником современной школы. Как бы то ни было, остается фактом, что я не могу бороться с русским маэстро так же успешно, как боролся с другими великими маэстро, включая и Цукерторта, который ясно усвоил себе теорию современной школы“.

Матч окончился с результатом в пользу Стейница $+10-8=5$, при чем из восьми партий, игранных гамбитом Эванса, в пользу Чигорина было $+4-1=3$, а дебют

---

[1] Январь, 1892 г.

двух коней также дал победу с результатом Чигорину + 3 — 1. И опять поражение нанесли ему закрытые дебюты, которые по своим основным принципам глубоко противоречили стилю его игры шахматиста-художника.

Поразительнее всего тот факт, что и это вторичное поражение Чигорина нисколько не убедило его в неправильности его системы нападения и защиты. А результат матча никого не мог убедить, что Чигорин слабее Стейница. Большинство утверждало, что только благодаря неосторожной игре матч был проигран. Слишком велико было обаяние таланта Чигорина и его подкупающая игра, чтобы усомниться в правильности „старых идей", столь упорно и горячо защищаемых Чигориным. Удар „старым идеям" был нанесен позже и окончательно теми шахматистами, которые идеи Стейница сумели облечь в стройную систему позиционной игры. А пока комбинации Чигорина попрежнему восхищали шахматистов всего мира, и его попрежнему считали главнейшим претендентом на звание чемпиона мира.

„Чигорин побежден, — писало «Stratégie» [1] по поводу матча — но, несмотря на это, он еще более возвысился в глазах истинных знатоков: его смелый стиль, постоянная атака привлекают к нему симпатии всех. Глубокие его комбинации понятны только после подробного анализа положения, неожиданные и красивые натиски придают столько прелести его партиям, что они с наслаждением всегда читаются и переигрываются. Партии этого матча несут на себе печать глубокой силы со стороны Чигорина, и нужна была такая гранитная стена, как Стейниц, чтобы ему потерпеть поражение. Слабая сторона игры Чигорина заключается в закрытых дебютах, которые мало согласуются со смелостью его стиля, так что его дальновидный противник сумел воспользоваться этим в конце матча, чтобы отнять у Чигорина победу".

* * *

Одной из крупнейших фигур в 90-х годах прошлого столетия является З. Тарраш, достаточно зарекомендовавший себя как выдающийся шахматный мыслитель и как талантливый практический игрок, достигший уже к тому времени в международных турнирах блестящих результатов.

[1] Март, 1892 г.

Первые призы в Бреславле (1889 г.), Манчестере (1890 г.) и Дрездене (1892 г.) достаточно говорят о новом выдающемся шахматисте.

Тарраш являлся представителем „новой школы“, но он пошел в развитии системы Стейница дальше его основателя. Главная его заслуга заключается в том, что он освободил стратегию Стейница от ее недостатков и согласовал его принципы с требованиями точного расчета. Вместе с тем его партии более аггрессивны, чем партии Стейница, в них нет догматизма, в который нередко впадал чемпион мира. Одним словом, Тарраш являл собой родоначальника той системы игры, которая известна под названием „позиционной“, т.-е. создание прочного положения, благодаря глубокому познанию дебютной стадии игры, а затем использование хотя бы и самых ничтожных слабостей в позиции противника. Стейниц уж давно предсказывал великое будущее Таррашу и писал о нем в „International Chess Magazine“: „Нет сомнений, что Тарраш — восходящее светило, которое вскоре, вероятно, достигнет первой величины“.

И, вот, Чигорин вновь скрещивает оружие с одним из сильнейших представителей „новой школы“, вооруженного, пожалуй, еще сильнее, чем Стейниц.

Гаваннский клуб хотел устроить у себя встречу наиболее ярких представителей диаметрально противоположных течений и обратился к Чигорину, чтобы он частным образом осведомился у Тарраша, не согласится ли тот сыграть с ним матч зимой 1893 г. Однако, различные обстоятельства помешали организации матча именно в Гаванне. Тогда СПБ Шахматное Общество решило организовать состязание в Петербурге и послало предложение от своего имени Таррашу. Последний согласился, и 23 сентября 1893 г. начался матч, который в течение 5 недель привлекал внимание всего шахматного мира. Матч окончился в ничью. Каждый выиграл по 9 партий, а четыре окончились в ничью.

В этом матче Чигорин, как и в других состязаниях, проявил в полной силе свой комбинационный талант, обнаруживая необыкновенную силу в нападениях, особенно на королевском фланге, однако нередко делал такие грубые промахи, которые вели к немедленному проигрышу. Чигорин остался верен себе. На-ряду с глубокими комбинациями,

затрачивая умственную энергию на проведение их, Чигорин тут же делал совершенно непростительные зевки.

Такими зевками им были проиграны первая, пятая и четырнадцатая партии матча, в одиннадцатой партии в выигрышном положении Чигорин зевнул ферзя; затем он два раза упустил случай сделать ничью в девятой партии.

Конечно, Тарраш был более осторожен и не только в игре, но и в выборе дебютов. За исключением шестнадцатой партии, игранной гамбитом королевского коня и двадцать первой, начатой дебютом ферзевых пешек, все партии игрались двумя дебютами, при чем белыми Тарраш играл испанскую, а черными отвечал французской, ожидая в последнем дебюте хода Фd1—e2, с упорством отстаивающимся Чигориным, несмотря на недостатки, указанные многочисленными аналитическими работами.

Конечно, Тарраш сознательно играл только оба этих дебюта, которые он основательно изучил, при чем он высказал мнение, как передает Шифферс в „Ниве“ [1], что в других дебютах Чигорин может с ним делать все, что захочет.

Характер игранных партий показывает, что Чигорин мало заботился о спортивной стороне. И в этом матче он остается творцом-художником. Чигорин довольно часто придумывал новые ходы в дебютах, мало заботясь о том, что рекомендует в данном положении учебник. Большей частью эти нововведения оказывались мало состоятельными, но все-таки некоторые ходы явились вкладом в теорию дебютов. Тарраш же, наоборот, безукоризненно разыгрывал дебюты, при чем избирал наиболее им изученные.

Результат матча следует признать благоприятным для Чигорина, так как после семнадцатой партии Тарраш имел восемь выигранных против пяти и настолько был уверен в выигрыше матча, что решил возможным сообщить об этом в печать [1]. И заграничная печать высказывалась, что вероятным победителем будет Тарраш. Так Барделебен в „Deutsche Schachzeitung“ по поводу матча писал следующее: „Результат матча, одинаково благоприятный для обеих сторон, удивил многих шахматистов, так как все предполагали, что

---

[1] № 41, 1893 г.

[1] „Петербургский Листок“, № 292, 1893 г.

д-р Тарраш, победитель в Бреславле, Манчестере и Дрездене, останется победителем и в этом матче, потому что, сопоставляя результаты игры в предшествующее время, иначе и думать нельзя было. Чигорин только раз взял 1-й приз на международных турнирах, разделив 1-й и 2-й призы с Вейсом, в Нью-Иорке в 1889 году, тогда как Тарраш 3 раза взял 1-й приз на больших турнирах".

Общий результат матча таков:

1, 4, 5, 6, 9, 11, 14, 17 и 21 партии выиграны Таррашом, 2, 3, 7, 8, 15, 18, 19, 20 и 22 партии выиграны Чигориным, 10, 12, 13 и 16 партии окончены в ничью.

* * *

В 1895 году был устроен в Гэстинге большой международный турнир, один из самых значительных по организации и по составу участников. Участвовали все лучшие старые и молодые шахматисты. Приглашен был, конечно, и Чигорин. Второй приз (первый неожиданно для всех получил Пильсбери), впереди Ласкера, Стейница, Тарраша и других, знаменует большой успех Чигорина. В общем, в этом турнире он играл значительно ровнее и, пожалуй, только 3 раза выпустил выигрыш. По общему признанию, своей игрой Чигорин заслужил первого приза. Нельзя было не признать, что Чигорин попрежнему остается все тем же претендентом на звание чемпиона мира. Пожалуй, только сейчас открыто признавали, что Чигорин больше других имеет право на это звание, хотя только в прошлом году 26-летний Ласкер победил в матче Стейница, до сего времени не имевшего поражения. Шахматный трон оставался как бы вакантным, и только матч-турнир между сильнейшими шахматистами должен был, наконец, выявить шахматного короля. Эти сильнейшие шахматисты определились в Гэстингском турнире. Пильсбери, Чигорин, Ласкер, Стейниц и Тарраш должны были между собой сыграть матч, который решил бы, кому по праву называться чемпионом мира. Этот матч-турнир был организован по инициативе СПБ Шахматного Общества, главным образом благодаря энергии почетного президента его П. А. Сабурова.

Правда, это состязание, знаменательное, конечно, по своим результатам, не могло сказать решительного слова,

но оно для всех игроков имело принципиальное значение. Пильсбери должен был оправдать первый приз, полученный им в Гэстингсе, Ласкер недавно выиграл матч у Стейница, формально завоевав звание чемпиона мира, экс-чемпион Стейниц мог надеяться хотя бы морально восстановить свое звание, а Чигорин должен был оправдать все надежды, которые возлагались на него в России. Победы Чигорина жаждала Россия, которая твердо верила в талант своего национального героя. И именно в России был нанесен удар Чигорину и всем его многочисленным поклонникам. Если в Петербурге не думали, что Чигорин обязательно выйдет первым из этого состязания, то никто не мог предполагать, что он будет последним.

Уже в первой половине турнира для всех было очевидно, что Чигорин не может рассчитывать на первое место. Из девяти партий только одну он выиграл у Стейница, и сделал одну ничью с Ласкером, остальные семь были им проиграны. Несмотря на хороший результат, достигнутый во второй половине турнира ($5^1/_2$ из 9), он все-таки остается последним и из восемнадцати партий выигрывает пять, проигрывает девять, а четыре оканчивает в ничью. Единственным, хотя уже поздним утешением — это выигрыш Чигориным матча у Стейница ($+3-2=1$).

Рассматривая окончательный результат матча-турнира, мы наталкиваемся на одну неожиданность. Ласкер проигрывает, между прочим, матч Пильсбери, Пильсбери — Стейницу, Стейниц — Чигорину, а Чигорин — Ласкеру. Однако, в общем Ласкер выиграл два матча у Стейница и Чигорина, Стейниц выигрывает у Пильсбери, Пильсбери у Ласкера и Чигорина (см. таблицу на стр. 133).

Это крупное поражение Чигорина имело большое значение. Не только стало очевидным, что на шахматной арене появились новые лица, с которыми Чигорин уже не мог успешно бороться, но что новые лица побеждали его не талантом, а школой, „новыми идеями", впервые провозглашенными Стейницем и завершенными Таррашем и Ласкером. „Старая школа" умирала. Побеждать только комбинационным гением оказалось не под силу. Приходилось считаться даже с довольно посредственными игроками, которые, однако, были вооружены знанием „новых идей". В ме-

Результат матч-турнира.

Фамилии	1. Ласкер	2. Стейниц	3. Пильсбери	4. Чигорин	Итого
1. Ласкер	×	1 1 ½ 0 1 ½	0 0 ½ 1 ½ ½	1 ½ 1 1 ½ 1	11½
2. Стейниц . . .	0 0 ½ 1 0 ½	×	1 ½ ½ 1 1 1	0 1 1 0 0 ½	9½
3. Пильсбери . .	1 1 ½ 0 ½ ½	0 ½ ½ 0 0 0	×	1 1 1 0 0 ½	8
4. Чигорин	0 ½ 0 0 ½ 0	1 0 0 1 1 ½	0 0 0 1 1 ½	×	7

ждународных турнирах Чигорин уже не является в глазах шахматистов фаворитом, который может претендовать на первый приз. И, быть-может, права шахматная пресса, объяснявшая неуспех Чигорина в Нюрнберге 1896 г., т.-е. в том же году, когда кончился матч-турнир (9-й приз позади Ласкера, Мароци, Пильсбери, Тарраша, Яновского, Стейница, Шлехтера и Вальбродта) тем, что русский маэстро был подавлен неудачей в Петербурге.

То обстоятельство, что Чигорин уже не претендует на звание чемпиона мира показывает, что он не стремится более к матчу с мировыми шахматистами. Кроме того, и шахматные организации, как гаваннский шахматный клуб, более уже не заинтересованы в организации матча между Чигориным и чемпионом мира или других мировых маэстро. В силу Чигорина более не верят. Но поразительнее всего, что даже Россия, видевшая в Чигорине своего национального представителя, гордая его успехами и болезненно воспринимавшая его неудачи, нашла возможным устроить в Москве в 1896 г. матч-реванш Стейница с Ласкером, однако не пыталась после этого организовать матч Чигорина с Ласкером.

Не играя в матчах, Чигорин с 1896 года принимает участие почти в каждом международном турнире. Развенчанный претендент на шахматную корону все же остается опаснейшим противником на международных турнирах. После неудачи в Нюрнбергском турнире он в Будапеште (1896 г.) вырывается вместе с Харузеком на 1-е место, а после матча с последним (+3 — 1) получает чистый первый приз. Но это был последний крупный успех медленно слабевшего русского чемпиона. Уже в следующем году на международном турнире в Берлине Чигорин остается десятым, позади Харузека, Вальбродта, Блэкберна, Яновского, Берна, Алапина, Марко, Шлехтера и Каро. Этот крупный неуспех произвел в Петербурге сенсацию. И здесь и за границей его считали одним из кандидатов на первый приз, как об этом писала „Berliner Tageblatt“ и другие газеты. В этом турнире Чигорин особенно выказал свою невыдержанность и проиграл несколько партий совершенно грубыми зевками. В выигрышном положении он зевнул ладью Метгеру и в равном — ферзя Блэкберну.

В 1898 году Чигорин участвует в двух турнирах. На юбилейном международном турнире в Вене Чигорин делит VI и VII призы с Берном, позади Тарраша, Пильсбери, Яновского, Стейница и Шлехтера, а в Кельне Чигорин вместе с Харузеком и Коном разделил II — IV призы, позади Берна и впереди Стейница, Шлехтера, Шовальтера, Бергера, Яновского и др.

В 1899 году Чигорин получает VII приз в Лондоне, позади Ласкера, Пильсбери, Яновского, Мароци, Шлехтера и Блэкберна и выше Шовальтера, Мэзена, Стейница и др.

Если в среде европейских шахматистов Чигорин был только в числе лучшего десятка международных маэстро, то в России он все же был первым. В 1899 году (2 — 13 сентября) Московским Шахматным кружком был организован I Всероссийский турнир, в котором приняли участие сильнейшие русские любители, в том числе и Шифферс, получивший к тому времени солидную международную практику. В этом турнире Чигорин легко взял первый приз, проиграв только Лебедеву, подающему большие надежды молодому игроку.

В следующем году на международном турнире в Париже Чигорин получает VI приз; впереди него были: Ласкер,

Пильсбери, Мароци, Маршалль и Берн; за Чигориным следовали: Марко, Мизес, Шлехтер, Яновский, Шовальтер и др.

В 1900—1901 гг. Чигорин берет I приз во II Всероссийском турнире в Москве, еще раз доказав, что в России он все же первый. Из 17 партий он выигрывает 16½, сделав ничью с Яновским.

Дальнейшие результаты игры Чигорина в международных турнирах таковы:

В 1901 г. в Монте-Карло III—IV призы с фон-Шеве, ниже Яновского и Шлехтера и выше: Алапина, Мизеса, Блэкберна, Гунсберга, Марко, Маршалля и др.

В 1902 г. второй турнир в Монте-Карло — VIII приз, ниже Мароци, Пильсбери, Яновского, Тейхмана, Вольфа, Тарраша, Шлехтера и выше Маршалля, Гунсберга, Нэпира и др.

В том же же году в Ганновере Чигорин получает VII приз; впереди него: Яновский, Пильсбери, Аткинс, Мизес, Вольф, Нэпир; позади него: Олланд, Маршалль, Свидерский, Готтшаль, Левин и др.

1903 год оказался весьма успешным для Чигорина. Он берет I приз в гамбитном турнире в Вене, впереди Маршалля, Марко, Пильсбери, Мароци, Мизеса, Тейхмана, Свидерского, Шлехтера и Гунсберга, а также выигрывает небольшой матч у Ласкера (+2—1=3) в Брайтоне, игранных черными на гамбит Райса. Эти успехи объясняются в значительной степени характером состязаний, в которых русский ветеран мог блеснуть „старой школой“. В гамбитной игре Чигорин попрежнему неувядаем. Как и в молодые годы, он с блеском и изяществом проводит атаки на королевском фланге.

В этом же году он получает I приз в III Всероссийском турнире в Киеве впереди молодых русских шахматистов, делавших с каждым годом большие успехи: Бернштейна, Юревича, Сальве, Рубинштейна, Е. Зноско-Боровского и др.

В этом же году Чигорин должен был принять участие в третьем международном турнире в Монте-Карло, однако благодаря бестактности председателя турнирного комитета кн. Дадиян-Мингрельского, Чигорин не был допушен к турниру. Кн. Дадиян-Мингрельский настаивал на недопущении Чигорина на том основании, что „считал себя оскорбленным заметками, помещенными г. Чигориным в русских изданиях“ (т.-е. в шахматном отделе „Нового Времени“). Не говоря

уже о том, что совершенно неуместно было сводить личные счеты таким путем, недопущением Чигорина было оскорблено русское шахматное дело. И действительно, СПБ Шахматное Общество устроило обед в честь Чигорина для выражения негодования по поводу поступка кн. Дадиана-Мингрельского. Помимо того, Чигорин получил от многих шахматистов письма, в которых выражалось возмущение поведением кн. Дадиана-Мингрельского.

В 1904 г. в международном турнире в Кэмбридж-Спрингсе Чигорин разделил с Шлехтером VI приз, ниже Маршалля, Ласкера, Яновского, Марко, Шовальтера и выше Мизеса, Пильсбери, Фокса, Тейхмана и др.

В 1905 г. Чигорина постигла крупная неудача. На первом международном турнире в Остенде Чигорин оказался на предпоследнем месте выше Таубенгауса и ниже Мароци, Тарраша, Яновского, Шлехтера, Марко, Тейхмана, Берна, Леонарда, Маршалля, Вольфа, Алапина и Блэкберна. В том же турнире Германского Шахматного Союза в Бармене Чигорин делит VII и VIII призы с Вольфом, Ионом, Леонардом, ниже Мароци, Яновского, Маршалля, Бернштейна, Шлехтера и Бергера; позади Чигорина были: Барделебен, Зюхтинг, Алапин и др.

В 1906 г. в большом турнире Германского Шахматного Союза в Нюрнберге Чигорин завоевывает V приз. Впереди него: Маршалль, Дурас, Форгач, Шлехтер; позади — Сальве, Вольф, Кон, Зноско-Боровский, Тарраш, Видмар и др.

Последние турниры, в которых участвовал Чигорин, это были третий международный турнир в Остенде, где он получает последний приз (VI), ниже Тарраша, Шлехтера, Маршалля, Яновского и Берна, и первый международный турнир в Карлсбаде, в котором Чигорин вовсе остался без приза позади призеров из русских шахматистов (Рубинштейн, Нимцович, Сальве, Дуз-Хотимирский).

Кроме того, Чигорин участвовал в многочисленных турнирах 1-й категории СПБ Шахматного Собрания и турнирах-гандикапах, в которых Чигорин всегда брал первый приз.

Чигорин умер 12(25) января 1908 года в Люблине после долгой и мучительной болезни. Е. Зноско-Боровский в статье „Трагедия Чигорина“ дает описание последних дней гениального русского шахматиста: „Последние дни он часто впадал

в бред; больные грезы окутывали его ум. Но, накануне смерти, он пришел в себя, сильно тосковал и нервничал. Он стал требовать, чтобы ему принесли его дорожные шахматы, те шахматы, которые сопровождали его на все турниры, с которыми он никогда не расставался, которыми и мне пришлось играть с ним по дороге в Остенде в 1907 г. Когда ему их принесли, он потребовал, чтобы сейчас же, тут же перед ним их уничтожили, сожгли. При этом он страшно волновался, все торопился, словно боялся, что не поспеют сделать это; а оно, почему-то, казалось ему необходимым. Он успокоился только тогда, когда его требование было исполнено, и от шахмат осталась одна небольшая кучка золы. Тогда он снова впал в беспамятство и больше уже не приходил в себя. Почти все время он бредил. Ему чудилось, что какая-то тройка мчит его куда-то, но недостаточно быстро, он погоняет ее, торопит, — он поднимался на постели, произносил невнятные слова и опять падал, а страшная тройка мчала его все дальше, дальше в белое, светлое царство, где легче дышать, где уже ждет его и зовет то яркое и властное...“.

Такова история внешних успехов Чигорина. Уже из беглого просмотра сухих итогов международных турниров невольно бросается в глаза неровность игры русского маэстро. Очень трудно даже приблизительно угадать, какое место займет Чигорин в турнире: быть-может, и первое, но возможно и последнее. Все зависит от настроения. Однако, почти все партии, даже те, в которых Чигорин делал непростительные промахи, поражают только ему присущим своеобразным комбинационным искусством. И нисколько не удивляешься, если заграничные и в особенности русские шахматные журналы ищут оправдания неудачам Чигорина в том или другом турнире.

В практической игре Чигорина прельщал не выигрыш партии, а красота. Вот почему он не любил ничьих и предпочитал рискованные атаки, которые он умел точно и рассчитано проводить. Вот почему Чигорин так восставал против принципов „новой школы“, возглавляемой Стейницем. Его гамбитная игра совершенно не могла мириться с осторожностью игры стейницевской школы. В эпоху расцвета таланта Чигорина в особенности были сильны „новые идеи“

делавшие партии однообразными, скучными. И Чигорин, как художник, не мог не протестовать против абстрактности идей „новой школы“. Более того, он относился к ней с нескрываемой враждебностью, не умеряемой даже тем, что в борьбе с глашатаем этих идей — Стейницем — он дважды потерпел поражение. Враждебность к „новой школе“ приводила Чигорина к отрицанию за ней вообще всяких положительных идей. В силу этого субъективного взгляда и непримиримости Чигорина следует искать объяснения, что он остался совершенно одиноким. Восторжествовали как раз идеи Стейница, правда, рафинированные и одухотворенные дальнейшим развитием их Таррашем и Ласкером. Но и после блестящих побед, одержанных „новой школой“, Чигорин остался верен своим принципам.

Казалось, идеи Чигорина окончательно покорены позиционной школой. Если даже талант Чигорина оказался не в силах бороться с ней, то можно было бы с уверенностью сказать, что шахматы навсегда будут в плену тех идей, которые несут с собою не только однообразие, томительность, но и „ничейную смерть“, о которой с тревогой начал говорить именно Ласкер, что очень знаменательно. Последователь Стейница незаметно для самого себя приходит к выводу, который мы могли бы слышать только от Чигорина. Однако, дойдя до логического завершения, позиционная школа, естественно, вызвала против себя протест. Идеи Чигорина возрождаются. И, что особенно важно отметить, наибольшую симпатию они нашли у русских игроков: Алехина, Боголюбова, Романовского и др. В предисловии к „Избранным партиям Чигорина“ Боголюбов определенно высказывается в том смысле, что он чувствует неразрывную связь своей игры с игрой Чигорина. Точно так же Романовский указывает на органическую связь творчества Чигорина с методами гипермодернистов. Мы не будем подробно останавливаться на преемственности гипермодернизмом чигоринских идей в виду чисто теоретического характера этого вопроса [1], но

---

[1] См. об этом интересные статьи П. А. Романовского „Гипермодернизм в творчестве советских шахматистов“ („Календарь шахматиста“ на 1927 г.) и А. А. Смирнова „Новейшее течение в шахматах“ (Л. Бахман „Шахматная игра в ее историческом развитии“).

отметим все-таки для более ясного представления о творчестве Чигорина основные черты сходства чигоринских идей и гипермодернизма.

Основная черта, свойственная творчеству Чигорина, как мы уже отмечали, это ярко выраженное конкретное мышление, приводящее к индивидуализации положения. Поэтому всякое положение, создавшееся в партии, необходимо оценивать каждый раз конкретно. И действительно, для Чигорина непонятно, когда говорят, что конь на крайней линии стоит плохо или слон сильнее коня, или пешки в Endspiel'е сильнее, если они не двинулись с своего первоначального места. Для Чигорина эти позиционные истины были совершенно неубедительны. По его мнению, все зависит от положения. Эти позиционные истины нельзя объединить в какую-либо стройную абстрактную систему, — все зависит от позиции. Строгая индивидуализация положения является теперь основной чертой гипермодернизма. И в свете новейших идей в шахматах те дебютные новинки, которые встречали полное осуждение со стороны противников Чигорина, теперь, если не получили еще права гражданства, то во всяком случае о них не говорят, как о „капризе“ русского маэстро.

* *
*

Обращаясь к шахматно-аналитической деятельности Чигорина, мы должны отметить, что, к сожалению, он не оставил нам руководства, в котором были бы объединены все дебютные идеи, провозглашавшиеся когда-либо Чигориным. Его „Курс дебютов“, печатавшийся в издаваемом им в 1876 — 1881 гг. „Шахматном Листке“, ничем почти не отличается от десятков подобных руководств на иностранных языках. Его дебютные достижения рассеяны в партиях, игранных им с русскими и иностранными мастерами. А обстоятельные комментарии Чигорина давали обоснование тому или другому новому ходу.

Нужно отметить, что Чигорин с большой настойчивостью защищал все свои новые ходы, обосновывая их многочисленными вариантами. Одной из наиболее оригинальных идей является его второй ход белых во французской партии: Фd1 — e2, главная цель которого помешать d7 — d5. Действительно, после 2... d7 — d5 3. e4: d5 Фd8: d5 4. Кb1 — c3

белые стоят лучше. Этот ход Чигорина вызвал уже в свое время осуждение в аналитических работах, однако, в состязании с Таррашем последнему не удалось доказать превосходства над Чигориным в партиях, игранных этим дебютом. Тарраш знавший, что Чигорин применит ход Фd1 — e2, приготовил варианты, которые, однако, не дали ему преимущества в дебюте, а именно: 2... c7—c5 3. Kg1 — f3 Kb8 — c6 4. g2 — g3 Cf8 — e7 5. Cf1 — g2 d7 — d5 6. d2 — d3 (Чигорин все-таки добивается своего: белые избегают размена на d5 и препятствуют упрощению игры) Kg8 — f6 7. 0 — 0 0 — 0 8. Kb1—c3 Kc6—d7. Партию черных нельзя предпочесть; во всяком случае положение можно считать равным. Второй защитой Тарраша является его ход 2..... Cf8 — e7, после чего Чигорин играл b2 — b3 d7 — d5 4. Cc1 — b2 Kg8 — f6 5. e4 : d5 e6 : d5 6. Cb2 : f6 g7 : f6. Правда, Тарраш предпочитал игру черных в виду ослабления ферзевого фланга белых ходом b2 — b3 и аггрессивным положением обоих черных слонов, но это преимущество вполне компенсируется расстройством пешек черных, так что и в этом варианте положение можно считать равным.

В 900-х годах, когда безраздельно царствовала позиционная школа, чигоринский ход Фd1—e2 был совершенно забракован. Очень характерной иллюстрацией к сказанному является примечание Е. Зноско-Боровского к партии IV Всероссийского турнира Чигорин — Алапин, после хода Фd1—e2. Зноско-Боровский назвал его капризом. Но этот „каприз“, однако, хотя применяется довольно редко в турнирных партиях, начинает постепенно завоевывать все права гражданства в связи с развитием гипермодернизма. Ведь действительно, ход Фd1—e2 связан с чисто фланговым развитием 3. g2—g3 или b2—b3, а это именно и роднит его с идеями гипермодернизма.

Одним из важнейших достижений Чигорина в области разработки теории дебютов является его защита черных в испанской партии. В его время обыкновенно играли 3.... Kg8—f6, и вначале Чигорин ввел систему защиты для черных посредством 3.... a7—a6, что приводило к известному варианту в испанской партии. Эта защита в настоящее время стала господствующей (1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 a7—a6 4. Cb5—a4 Kg8—f6 5. 0—0 Cf8—e7

6. Лf1—e1 b7—b5 7. Ca4—b3 d7—d6 8. c2—c3 Kc6—a5 9. Cb3—c2 c7—c5 10. d2—d4 Фd8—c7 и т. д.) Кроме этой системы Чигориным рекомендовалась и другая защита для черных, которая, однако, требовала от черных очень точной игры, чтобы добиться равного положения (1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—b5 Kg8—f6 4. 0—0 Cf8—e7 5. Лf1—e1 d7—d6 6. c2—c3 0—0 7. d2—d4 Kf6—d7). 7-й ход черных (Kf6—d7) введен Чигориным для удержания центра.

Как известно, Чигорин особенно не любил дебюта ферзевых пешек или ферзевого гамбита, считая, что при этом дебюте партия протекает скучно и без всякой аггрессивности [1]. Естественно, что он искал каких-либо новых ходов в противовес той защите, которая была разработана позиционной школой в стройную систему. Его изобретением являлся ход 2.... Kb8—c6 после 1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4. Любопытно отметить, что Тарраш, наиболее яркий представитель позиционной школы, считает защиту Чигорина вполне приемлемой и заслуживающей внимания.

Гамбит Эванса в руках Чигорина являлся наиболее страшным оружием для его противников. Долгое время искали противоядия против стремительной атаки королевского фланга, создающейся благодаря тщательной разработке Чигориным многочисленных вариантов, дающих, по его мнению, значительное преимущество черным. Напрасно Стейниц пытался найти правильную защиту против гамбита Эванса. Его попытка применить для черных 7....Kh6 в связи с 6....Фf6 кончилась весьма плачевно, как Чигорин блестяще доказал не только приводя опровергающие систему Стейница варианты, но и в практической игре, выиграв у Стейница по телеграфу [2], а также во втором матче в Гаванне, когда Стейниц пытался применить свою новую защиту.

Система развития гамбита Эванса, проводимая Чигориным, долго господствовала в турнирной практике, пока Ласкером не был придуман новый способ защиты, заключающейся в отдаче обратно пешки, а именно: 1. e2—e4 e7—e5

---

[1] Совершенно иную характеристику дебюта ферзевых пешек и ферзевого гамбита мы находим в книге Ф. Маршалля и Г. Мэкбет „Шахматы шаг за шагом“, стр. 106 и 115.

[2] См. выше стр. 125—126.

2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Cf8—c5 4. b2—b4 Cc5 : b4 5. c2—c3 Cb4—a5 6. 0—0 d7—d6 7. d2—d4 Ca5—b6.

Точно так же, как мы видели выше (стр. 125), Чигорин был несогласен с изобретенным новым ходом Стейница в дебюте двух коней, где Стейниц советовал 9. Kg5—h3. При такой защите Чигорин неоднократно выигрывал у Стейница.

Любовь к королевским гамбитам естественно направляла аналитическую работу Чигорина в область разработки именно этого дебюта. Достаточно сказать, что до самого последнего времени нельзя было указать на ходы, которые приводили хотя бы к равенству партий. При атаке на королевском фланге черных в королевском гамбите обыкновенно пользовались пешкой *h*. Чигорин предложил, как наиболее сильное, атаковать пешкой *g*. Таким образом, получалось: 1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 e5: f4 3. Kg1—f3 g7—g5 4. Cf1—c4 Cf8—g7 5. 0—0 d7—d6 6. d2—d4 Kb8—c6 7. c2—c3 h7—h6 8. g2—g3 g5—g4 9. Kf3—h4.

В этом положении белые могут получить хорошую атаку, не прибегая даже к жертвам. Оно же дает белым богатые шансы, хотя в то же время ставит перед ними довольно трудные задачи в способе продолжения атаки.

Вышесказанным, конечно, не ограничивается значение Чигорина, как теоретика шахматной игры. Чтобы оценить в полной мере его значение в аналитическо-шахматной области, следует внимательно и с большой тщательностью не только прочитать, но и изучить его примечания, даваемые к различным партиям, которые отличаются ясностью и определенностью. Ценность этих примечаний увеличивается тем, что он избегает замечаний общего характера, а приводит лишь совершенно точные варианты. Вот почему сила и талант Чигорина проявляются главным образом в тех партиях, которые игрались по переписке или по телеграфу, т.-е. где представлялась возможность развернуться аналитическим способностям Чигорина.

* *
*

Общественное значение Чигорина в истории развития шахматной игры в России для нас будет очевидным только тогда, когда мы, хотя бы в самых общих чертах, рассмотрим

состояние шахматной общественной жизни к моменту деятельности в этой области Чигорина. И только тогда мы убедимся, сколько энергии и сил было затрачено Чигориным для распространения шахматной игры по всей России.

Положение шахматной общественной жизни в середине XIX в. было, казалось, безнадежно. Шахматы не завоевали еще прочного положения в обществе. Прежде всего это выражалось в том, что не было постоянного шахматного клуба. Шахматисты собирались на частных квартирах, куда доступ был ограничен. Состязания носили случайный характер и не были организованы в турниры. Лишь стараниями Кушелева-Безбородко, устроившего у себя на дому на Гагаринской набережной нечто вроде шахматного клуба, устраиваются несколько турниров. Но и в дом Кушелева-Безбородко доступ получали немногие лица.

Как и в Западной Европе, шахматы получают широкое распространение в кофейнях и ресторанах. Таким центром шахматной жизни в начале 70-х годов был известный ресторан в Петербурге „Доминик", сыгравший несомненно крупную роль в распространении шахматной игры в Петербурге. У „Доминика" получили боевое крещение Шифферс, Чигорин, Ашарин и другие шахматисты. „Доминик" стал привлекать многочисленных любителей, и поэтому скоро другие рестораны, как Прадера и Мильбрета, тоже отвели у себя специальную комнату для шахматной игры. У Мильбрета, между прочим, происходил 1-й турнир, устроенный в Петербурге в 1878 — 79 году.

Параллельно с игрой в упомянутых ресторанах, где шахматные комнаты набивались до отказа, шахматисты собирались в Немецком Собрании в Демидовом пер. Здесь также была специальная шахматная комната, которую шахматисты называли СПБ шахматным клубом.

Таким образом, мы видим, что интерес к шахматной игре возрастал, уже обозначалось несколько сильных игроков, вокруг которых группировались многочисленные любители, однако не было постоянного шахматного клуба.

Если так обстояло дело в Петербурге, то еще более безнадежно обстояло с шахматной организацией в Москве и в провинции. И в Москве и в самых отдаленных уголках России насчитывалось несколько сильных любителей, однако

шахматная игра не могла получить распространение вследствие отсутствия объединяющей шахматистов организации.

Чигорин, сам начавший шахматную карьеру у Доминика, понял истинную причину малой распространенности шахматной игры в России. И вот, на страницах издаваемого им с 1876 года „Шахматного Листка“, а с 1885 года „Шахматного Вестника“ он старается пробудить общественный интерес к шахматам. „Заграничный шахматист, — пишет Чигорин, — приученный развитой общественностью, не стесняется, что называется, учиться шахматам публично, пробуя в них свои силы без стеснения, берясь за теорию, за книжки, — и все это конечно, для собственного удовольствия, в минуты досуга, тогда как наш шахматист избегает всякой публичности, играя только в своем закоулке. Отсутствие в нашей шахматной жизни общественного характера не осталось без влияния и на нашу шахматную литературу, в которой мы встречаем почти исключительно какие-то бесшабашно безграмотные изделия Земских, и т.д. Но отсутствие в нашей шахматной игре общественности и недостатки нашей шахматной литературы не доказывают отсутствия у нас шахматных игроков“.

„Организация и деятельность — вот пароль и лозунг за будущее процветание шахмат в нашем отечестве“, — восклицает Чигорин.

Пропаганда шахматного искусства Чигориным, проводимая через „Шахматный Листок“, а затем и личные успехи его в международных турнирах кое-где начали давать результаты. Не говоря уже о Москве, шахматная игра постепенно начинает принимать общественный характер и в провинции.

В Москве вперые шахматный клуб открылся в Артистическом кружке, где шахматистам была отведена комната. Собирались два раза в неделю, при чем устраивались довольно часто различного рода состязания. Клуб насчитывал среди своих членов лучших московских шахматистов. В первую голову следует отметить Соловцова, призера петербургского турнира (1878 — 1879 г.), Шмидта, а также Данненберга, Дурново, Моода и др. Любопытно отметить, что шахматный клуб часто посещало несколько шахматисток.

Но скоро Артистический кружок прогорает, и шахматисты перекочевывают в Дворянское собрание. Однако, сле-

дует констатировать, что шахматный клуб насчитывал небольшое количество членов. Расцвет шахматной жизни в Москве начинается с конца 900-х годов, когда Московским шахматным кружком был организован I Всероссийский турнир.

В 1882 году в Москве, под редакцией А. Гельвига стал выходить „Шахматный Журнал", который, однако, уже на четвертом номере прекратил свое существование. Журнал по содержанию был очень беден, и поэтому естественно было ожидать, что долго он существовать не будет.

Одним из первых городов, который откликнулся на горячие призывы Чигорина к организации шахматных клубов, был Харьков. С 1878 г. по 1881 г. харьковскими игроками были проведены по переписке 4 партии с Петербургом, 2 с Москвой и 2 с безансонским кружком любителей. Кроме того, здесь с 1879 года почти ежегодно устраиваются турниры, которые выявили несколько сильных любителей: Гальперин, Коченовский, Беклемишев, проф. Кузнецов, Шабельский и др. В конце 1881 г. был официально утвержден устав „Общества любителей шахматной игры," которое имело помещение в Медицинском обществе. Общество открылось при 20 членах и собиралось два раза в неделю.

Наиболее примерный шахматный кружок был в Ташкенте, открытый в 80-х годах и имевший официально утвержденный устав. Согласно уставу, в шахматном кружке категорически запрещались всякие другие игры. Чигорин в „Шахматном Вестнике" неоднократно отмечал, что деятельность ташкентского клуба — отраднейшее явление в русской шахматной жизни. И действительно, местным клубом проводится несколько турниров, а также выпускается специальная памятка шахматиста — „Памятная книжка за 1882—1884 гг.".

Постепенно открываются шахматные кружки с официально утвержденными уставами в других городах России: в Казани, Новгороде, Киеве, Воронеже, Ельце и др. городах. Россия начинает покрываться сетью шахматных кружков. Однако, эти шахматные кружки недолговечны. Если даже в Петербурге, центре шахматной жизни России, шахматные клубы периодически закрываются, то что можно сказать о провинции? Главная причина этой недолговечности заключалась в замкнутости шахматных кружков и в отсутствии связи с иногородними шахматными кружками. Нет объеди-

няющей их организации, которая руководила бы и направляла шахматную жизнь провинции.

Многие провинциальные клубы, страдая от отсутствия средств, стремились получить их при помощи открытия в шахматном клубе бильярда, а также нередко допускали карточную игру, но эти меры неизменно приводили к вытеснению шахматной игры из клуба. Чигорин неоднократно предупреждал об этом провинцию. И действительно, пример харьковских и казанских шахматистов, пытавшихся увеличить свои средства за счет разрешения в шахматном клубе азартных игр, служит блестящим подтверждением правоты Чигорина.

Но если не было центральной руководящей организации, то все-таки оживлению, хотя бы и периодическому, провинциальной шахматной жизни способствовала личность самого Чигорина. Его успехи в международных турнирах, а также приезды в провинцию пробуждали шахматную жизнь и оставляли след на некоторое время. Много способствовали оживлению и распространению шахматной игры приезды других шахматистов, как Шифферса, Соловцова, устройство в провинции матчей между известными игроками, как, например матчи: Шифферс—Янкович в Ростове-на-Дону (1894—1895 гг.), Шифферс — Хардин в Самаре (1895 г.), Шифферс — Стейниц в Ростове-на-Дону (1896 г.) и др.

Таким образом, этими наездами знаменитых шахматистов в провинцию уже подсказывалась необходимость время от времени поддерживать связь шахматного центра с провинциальными шахматными организациями.

Чигорин первый высказался в том смысле, что необходимо основать Общероссийский Шахматный Союз, с ежегодными конгрессами и турнирами поочередно в разных городах.

Чигорин очень энергично принялся за проведение в жизнь этой мысли и готовился уже разослать печатный циркуляр, о чем было сообщено в редактировавшемся им „Шахматном Вестнике“. Но дело организации Русского Шахматного Союза не получило движения „по независящим обстоятельствам“, — как указывал Чигорин, — так как до утверждения устава Союза он не мог открыто действовать в пользу осуществления своей идеи. Чигорин наткнулся на противодействие полицейской власти, вероятно, испугавшейся общественной

организации, каким долженствовал быть Шахматный Союз. Это ничем не обоснованное противодействие было не ново для России. Мы, конечно, не говорим здесь о запрещении шахматной игры в XVI — XVII вв., но публичности шахматной игры, о которой писал Чигорин и в отсутствии которой он упрекал русских шахматистов, отчасти противодействала полицейская власть в 80-х и даже 90-х гг. XIX века. Так, например, полиция не хотела разрешить устройства турнира в Друскениках, Гродненской губ., во время купального сезона, и не допускала шахматной игры в московских ресторанах и кофейнях.

С прекращением в 1887 г. „Шахматного Вестника“, естественно, замерла и агитация в пользу организации Шахматного Союза. Но с возникновением „Шахматного Журнала“ его редактор, П. В. Отто, горячо берется за проведение чигоринской идеи. Но и усилия Отто не приводят к положительным результатам, так же как впоследствии энергия редактора „Шахматного Обозрения“ П. П. Боброва.

Отсутствие единой шахматной организации в сильнейшей степени отражалось на развитии шахматной игры в России. Только этим можно объяснить случайность всех наших всероссийских турниров, осуществляющихся благодаря энергии какого-либо шахматного кружка или даже отдельных лиц. Мы наглядно убедимся в этом, если обратимся к изложению истории развития шахматной жизни за время первого выступления Чигорина до его смерти.

Выше мы уже отметили состояние шахматных клубов в Петербурге, Москве и провинции. В Петербурге и Москве до 1878 — 1879 гг. устраивались небольшие турниры, в которых принимало участие всего лишь несколько человек. Первый сравнительно большой турнир происходил в декабре 1878 года, организованный благодаря энергии Чигорина и шахматистов, близких к „Шахматному Листку“. Для устройства турнира был учрежден комитет в составе А. И. Максимова, В. П. Тимофеева, Н. И. Петровского и М. И. Чигорина (секретаря). Впоследствии вместо Петровского и Чигорина, принявших участие в турнире, в комитет вошли А. А. Жемчужников и В. М. Бобрищев-Пушкин. 5 декабря комитетом было разослано приглашение наиболее известным русским шахматистам. Для участия в турнире записалось

11 игроков: Алапин, Ашарин, Лизель, Нерлинг, Петровский, Чигорин и Шифферс (из Петербурга), Соловцов и Шмидт (из Москвы), Винавер (из Варшавы) и Хардин (из Самары). Однако, двое последних не смогли принять участие, и турнир состоялся в составе 9 игроков. Наличие не только петербургских игроков, но и московских, хотя и не может знаменовать всероссийского турнира, однако, выводит его за рамки обыкновенного местного турнира. Он является как бы подготовительным к будущим всероссийским турнирам.

Турнир начался 25 декабря и окончился 3 января 1879 г. в помещении ресторана Мильбрета.

Следующая таблица показывает результат турнира:

Фамилии	1. Чигорин	2. Алапин	3. Соловцов	4. Шифферс	5. Петровский	6. Ашарин	7. Лизель	8. Нерлинг	9. Шмидт	Итого
1. Чигорин . . .	×	1	0	½	1	1	1	1	1	6½
2. Алапин	0	×	1	1	1	½	1	1	1	6½
3. Соловцов . . .	1	0	×	0	1	½	1	1	1	5½
4. Шифферс . . .	½	0	1	×	1	+	0	1	+	5½
5. Петровский . .	0	0	0	0	×	0	1	1	1	3
6. Ашарин	0	½	½	—	1	×	—	½	—	2½
7. Лизель	0	0	0	1	0	—	×	1	—	2
8. Нерлинг . .	0	0	0	0	0	½	0	×	—	½
9. Шмидт	0	0	0	—	0	—	—	—	×	0

Чигорин и Алапин, имея одинаковое количество очков, сыграли между собой решительную партию, которую выиграл Чигорин и получил таким образом 1-ый приз. Соловцов и Шифферс, которому были зачтены недоигранные партии Ашарина и Шмидта, также играли между собою для выяснения 3-го и 4-го призов две партии, которые кончились в ничью.

Вскоре после петербургского турнира состоялся турнир в Москве исключительно из московских игроков, в котором приняли участие Бовыкин, Боткин, Гельвиг, Дурново, Дюбюк, Линденберг, Моод, Соловцов, Уржумцев, Шмидт и Ягелло.

Турнир происходил в помещении Артистического кружка и был организован благодаря энергии Бовыкина. Игралось по две партии. 1-ый и 2-ой призы разделили Соловцов и Шмидт (17½ из 20), при чем в решительном состязании каждый выиграл по одной партии. 3-ий приз достался Гельвигу (15½).

Не считая различных турниров в разных городах России (в Петербурге и Москве — большей частью турниры-гандикапы) до 1899 года не было ни одного турнира, который мог бы считаться Всероссийским. Этому обстоятельству мешало, конечно, не отсутствие сильных игроков. В турнирах-гандикапах, и в Москве и Петербурге, выявилась крепкая 1-ая категория, из которой некоторые впоследствии добились даже звания маэстро. Главнейшая причина того, что не устраивался всероссийский турнир, заключалась в отсутствии руководящего центра. В Петербурге шахматная жизнь постепенно начала замирать. Один клуб закрывается за другим.

Основанное в 1879 г. Общество любителей шахматной игры в 1882 г. закрылось, за отсутствием средств, и вновь возникло только в 1884 г., когда шахматная жизнь в Петербурге, да и во всей России, била ключом в связи с успехами Чигорина в международных турнирах. Общество стало издавать журнал „Шахматный Вестник", под редакцией Чигорина, просуществовавший до 1887 г. Весьма знаменательным и, можно сказать, выдающимся явлением в деятельности общества следует считать публичные лекции Шифферса по теории, привлекавшие большое количество шахматистов. Во главе Общества стоял Чигорин, имя которого привлекало к нему почти всех сильнейших русских любителей. Поэтому другие шахматные клубы, которые для привлечения публики приглашали иногда на сеансы Чигорина, Шифферса и др., влачили жалкое существование.

Однако, и в Обществе любителей шахматной игры начались раздоры, так как некоторые члены потребовали изменения устава. Чигорин в это время находился в Гаванне, где играл матч с Гунсбергом. Он был избран президентом большинством только трех голосов, что равносильно было провалу. Чигорин отказался от президентства, и деятельность Общества свелась к нулю. В конце концов Общество

ликвидировалось, и Петербург временно остался без центрального шахматного клуба.

Новое шахматное общество возникло благодаря энергии и благотворительности П. А. Сабурова, которого избирают президентом, а Чигорина вице-президентом. Был составлен новый устав, утвержденный министерством внутренних дел 28 января 1891 г. В нем были установлены большие строгости как по принятию новых членов, так и по отношению подчинения их правилам устава. Число учредителей и членов ограничивалось не более 125 шахматистами. Как можно предположить, такое ограничение было вызвано требованием министерства внутренних дел.

Естественно, в связи с общим оживлением шахматной жизни в России, вызванным успехами Чигорина и отчасти Шифферса и Алапина, впервые выступивших на международном турнире во Франкфурте-на-Майне, Бреславле и др., появилась потребность в организации шахматного клуба, доступного для широкой массы шахматистов. На Фонтанке, 32 открывается новый клуб при Собрании Экономистов, где собирались почти все шахматисты Петербурга.

Новое общество при Собрании Экономистов не ограничивалось турнирами, матчами и другими видами состязаний. Оно приглашает из-за границы иностранных шахматистов: Яновского, Барделебена, фон-Шеве, Марко, чем еще больше привлекает к себе симпатии шахматистов.

Иностранных шахматистов приглашает также и Шахматное Общество, руководимое Сабуровым и Чигориным. Оно устраивает матч по телеграфу между Стейницем и Чигориным, а также организует матч Тарраш — Чигорин. Главная заслуга Шахматного Общества состоит в организации четверного матч-турнира с участием Ласкера, Стейница, Пильсбери и Чигорина.

Однако, после кипучей деятельности оба шахматных общества начинают хиреть, и центром шахматной жизни в России становится Москва. Некоторое время петербургские шахматисты собирались на дому у Чигорина до его переезда в Гатчино, однако доступ туда был весьма ограничен. В 1896 году в Москве был организован матч-реванш Ласкер—Стейниц. Пребывание чемпиона и экс-чемпиона повысило интерес к шахматам, и московский шахматный кружок

при Обществе Врачей до такой степени развил свою деятельность и способствовал распространению шахматной игры, что Ласкер, вторично посетивший Москву в 1899 г., назвал ее шахматным Эльдорадо, как называли прежде Гавану. Весьма отрадным явлением в шахматной жизни Москвы было устройство почти ежегодно большого чемпионата. Оживлению шахматной жизни способствовал также в 1892—1904 гг. журнал „Шахматное Обозрение", издававшийся под редакцией Боброва. „Шахматное Обозрение" выходило с большими перерывами и раньше. В 1891 г. Бобровым и Д. И. Саргиным выпускалась „Шашечница", которая в 1897 г. была переименована в „Шахматное Обозрение". Кроме того, этим журналом было выпущено три сборника: „Московский Шахматный Альманах", „Шахматные Вечера" и „Черный Король".

Во время своего пребывания в Москве Чигорин в московском шахматном кружке при Собрании Врачей подал мысль об организации I Всероссийского турнира. Московские шахматисты деятельно взялись за организацию его и с успехом осуществили.

Главная тяжесть материальных жертв легла на московский шахматный кружок, но оно охотно пошло на это, надеясь, что „его почин положит твердое начало общерусской организации всероссийских шахматных состязаний".

Как и в иностранных национальных турнирах, кроме чемпионата был устроен и побочный турнир.

В главном турнире приняли участие: Гельбак, Лебедев, Чигорин и Шифферс (Петербург); Боярков, Геника, Левитский, Ненароков, Фальк (Москва); „Алексеев" (псевдоним русского любителя Б. А. Янковича) (Ростов-на-Дону), Куломзин (Кострома), Абаза (Купянск, Харьковской губ.); Калинский (Новохоперск, Воронежской губ.); Перваго (Пятигорск). Двое последних не кончили турнира, и неигранные ими партии были засчитаны, как проигранные.

Как видим из перечисления, турнир действительно можно назвать всероссийским, поскольку в нем приняли участие не только шахматисты Петербурга и Москвы, но и сильнейшие провинциальные любители.

Турнир начался 2 и кончился 19 сентября 1899 года. Результат его следующий:

Фамилии	1. Чигорин	2. Шифферс	3. Левитский	4. Лебедев	5. „Алексеев"	6. Гельбак	7. Ненароков	8. Геника	9. Куломзин	10. Абаза	11. Боярков	12. Фальк	13. Калинский	14. Перваго	Итого
1. Чигорин . . .	×	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	+	+	12
2. Шифферс . .	0	×	½	1	1	1	½	1	½	1	½	½	1	1	9½
3. Левитский . .	0	½	×	½	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	9
4. Лебедев . . .	1	0	½	×	0	½	½	0	1	1	1	1	+	+	8½
5. „Алексеев" . .	0	0	1	1	×	1	0	0	1	0	1	1	+	+	8
6. Гельбак . . .	0	0	0	½	0	×	1	1	1	½	½	1	1	1	7½
7. Ненароков . .	0	½	0	½	1	0	×	½	0	1	1	1	+	+	7½
8. Геника	0	0	0	1	1	0	½	×	½	1	0	1	+	+	7
9. Куломзин . .	0	½	1	0	0	0	1	½	×	0	1	1	+	+	7
10. Абаза	0	0	0	0	1	½	0	0	1	×	1	0	1	+	5½
11. Боярков . . .	0	½	0	0	0	½	0	1	0	0	×	1	1	+	5
12. Фальк	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	0	×	+	+	3½
13. Калинский . .	—	0	0	—	—	0	—	—	—	0	0	—	×	—	0
14. Перваго . . .	—	0	0	—	—	0	—	—	—	—	—	—	—	×	0

Побочный турнир также составился из игроков, съехавшихся из разных концов России.

Результаты его можно видеть в таблице на стр. 153.

Второй Всероссийский турнир было еще труднее организовать, чем первый. Правда, московский шахматный кружок очень энергично взялся за дело, однако он наткнулся на весьма равнодушное отношение со стороны провинции. Трудно даже объяснить причины такого равнодушия со стороны провинциальных шахматистов и отчасти столичной шахматной прессы. „Шахматный Журнал" даже заявлял, что „в виду некоторых обстоятельств" петербургские игроки не примут участия в московском турнире. Однако, 26 декабря 1900 г. турнир все же состоялся и благополучно доведен был до конца 14 января 1901 г.

Фамилии	1. Симсон	2. Абкин	3. Гончаров	4. Воеводский	5. Селезнев, В.	6. „Борисов“	7. Болоханцев	8. Селезнев, Д.	9. Жегалкин	10. „Федоров“	11. Васильев	12. Донецкий	13. Антушев	14. Генчке	Итого
1. Симсон . . .	×	1	½	1	1	1	0	1	½	1	1	1	1	+	11
2. Абкин	0	×	1	0	1	1	1	½	1	1	1	1	1	+	10½
3. Гончаров . . .	½	0	×	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	+	10½
4. Воеводский . .	0	1	1	×	0	0	0	½	1	1	1	1	1	+	8½
5. Селезнев, В. .	0	0	0	1	×	1	1	½	½	1	1	0	1	+	8
6. „Борисов“ . .	0	0	0	1	0	×	1	1	0	1	1	1	1	+	8
7. Болохонцев . .	1	0	0	1	0	0	×	0	½	1	1	1	1	+	7½
8. Селезнев, Д. .	0	½	0	½	½	0	1	×	0	1	1	1	1	1	7½
9. Жегалкин . .	½	0	0	0	½	1	½	1	×	0	1	1	½	+	6
10. „Федоров“ . .	0	0	0	0	0	0	0	0	1	×	1	1	1	1	5
11. Васильев . . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	×	1	1	+	3
12. Донецкий . .	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	×	0	+	2
13. Антушев . . .	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	0	1	×	+	1½
14. Генчке	—	—	—	—	—	—	—	0	—	0	—	—	—	×	0

Материальная сторона турнира была обеспечена опять московским шахматным кружком, который потерпел свыше 500 руб. убытка. В турнире приняли участие несколько молодых игроков, как Розенкранц и Дуз-Хотимирский, при чем первый, хотя и не получил приза, но встал сразу за призерами. Помимо этого следует отметить успех Гончарова, участвовавшего в прошлом году в побочном турнире, а теперь получившего 4-ый приз. Большие успехи оказал и Ненароков.

В турнире приняли участие: Лебедев, Чигорин, Шифферс (Петербург); Боярков, Геника, Гончаров, Б. Григорьев, Ненароков, Френкель, Шаров (Москва); Яновский (Лодзь—Париж); „Алексеев“ (Янкович, Ростов-на-Дону); Дуз-Хотимирский (Киев); Розенкранц (Либава); Антушев (Кашин); Куломзин (Кострома); Табунщиков (Гатчина); Фокин (Харьков). Из турнира выбыл, имея 3 выигранных и 8 проигранных партий, „Алексеев“.

Таблица турнира следующая:

Фамилии	1. Чигорин	2. Шифферс	3. Яновский	4. Гончаров	5. Ненароков	6. Григорьев	7. Френкель	8. Куломзин	9. Лебедев	10. Шаров	11. Розенкранц	12. Фокин	13. Геника	14. Табунщиков	15. Дуз-Хотимирск.	16. Боярков	17. „Алексеев“	18. Антушев	Итого
1. Чигорин . . .	×	1	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	16 1/2
2. Шифферс . .	0	×	0	1/2	1	1	1/2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	14
3. Яновский . .	1/2	1	×	1/2	1/2	0	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	13 1/2
4. Гончаров . . .	0	1/2	1/2	×	1/2	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	12 1/2
5. Ненароков . .	0	0	1/2	1/2	×	1/2	0	1	1	1/2	0	1	1	1	1	1	+	1	11
6. Григорьев . .	0	0	1	1	1/2	×	1/2	1	0	1/2	0	1	1	0	1	1	1	1	10 1/2
7. Френкель . .	0	1/2	0	1	1	1/2	×	0	1/2	+	0	1	0	1/2	1	1/2	+	1	9 1/2
8. Куломзин . .	0	0	0	0	0	0	1	×	1	1	1	0	1	1	1	1	0	1	9
9. Лебедев . . .	0	0	0	0	0	1	1/2	0	×	0	1/2	1	1	1	1	1	+	1	9
10. Шаров . . .	0	0	1	0	1/2	1/2	0	0	1	×	1	1	1	1	0	0	+	1	9
11. Розенкранц . .	0	0	0	0	1	1	1	0	1/2	0	×	1	1	1/2	0	0	1	1	8
12. Фокин	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	×	1	1	1/2	1	1	1	6 1/2
13. Геника	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	×	1/2	1	1	1	1	5 1/2
14. Табунщиков .	0	0	0	0	0	1	1/2	0	0	0	1/2	0	1/2	×	1	1/2	+	0	5
15. Дуз-Хотимирск.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1/2	0	0	×	1	0	1	4 1/2
16. Боярков . . .	0	0	0	0	0	0	1/2	0	0	1	1	0	0	1/2	0	×	0	1	4
17. „Алексеев“ . .	0	0	0	0	—	0	—	1	—	—	0	0	0	—	1	1	×	—	3
18. Антушев . . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	+	×	2

Организация III Всероссийского турнира принадлежит молодому еще Киевскому шахматному обществу. Правда после II Всероссийского турнира за организацию нового всероссийского турнира взялось Петербургское общество любителей шахматной игры, которое намеревалось устроить его в 1901 году. Однако, из иногородних участвовал только Абаза, так что этот турнир никак не может быть назван всероссийским.

Большую помощь Киевскому шахматному обществу оказал журнал „Шахматное Обозрение“, где в каждом номере от редакции помещалось обращение с призывом к читателю о помощи в деле организации III Всероссийского турнира. Этим же журналом впоследствии был выпущен сбор-

ник партий турнира под редакцией Чигорина, первый опыт в России. Агитация „Шахматного Обозрения“ привела к положительным результатам, обеспечив турнир не только участием сильнейших русских любителей, но и с материальной стороны.

В турнире приняли участие следующие лица: Е. Зноско-Боровский, Лебедев, Чигорин и Шифферс (Петербург); Юревич (Москва); Бенькс, Бреев, Дуз-Хотимирский, Избинский, Ловцкий, Николаев (Киев); Бернштейн (Житомир); Куломзин (Кострома); А. И. Рабинович (Вильна); Калинский (Новохоперск); Левитский (Нижне-Туринский завод, Пермской губ.); Рубинштейн и Сальве (Лодзь); фон-Штамм (Рига).

Бреев после 11 проигранных партий вышел из турнира.

Вот таблица показывающая результаты турнира:

Фамилии	1. Чигорин	2. Бернштейн	3. Юревич	4. Сальве	5. Рубинштейн	6 Зноско-Боровск.	7. Ловцкий	8. Левитский	9. Лебедев	10. Избинский	11. Шифферс	12. Рабинович, А.	13. Куломзин	14. Калинский	15. Дуз-Хотимирск.	16. Бенько	17. Николаев	18. Штамм	19. Бреев	Итого
1. Чигорин . . .	×	0	0	1	1	1	1	1	1	½	1	1	1	1	+	1	½	1	1	15
2. Бернштейн . .	1	×	1	½	1	0	½	½	1	½	1	1	1	0	1	1	1	1	+	14
3. Юревич . . .	1	0	×	½	0	1	1	1	1	0	1	0	1	1	1	1	1	1	1	13½
4. Сальве	0	½	½	×	½	1	1	0	1	1	0	1	1	½	1	1	1	1	+	13
5. Рубинштейн .	0	0	1	½	×	½	0	½	1	1	1	0	1	1	0	1	1	1	+	11½
6. Зноско-Боровск. .	0	1	0	0	½	×	½	1	½	0	½	1	1	0	1	1	1	1	+	11
7. Ловцкий . . .	0	½	0	0	1	½	×	½	1	1	½	1	0	1	½	1	½	1	1	11
8. Левитский . .	0	½	0	1	½	0	½	×	0	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	10½
9. Лебедев . . .	0	0	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	½	0	½	1	1	1	1	9½
10. Избинский . .	½	½	1	0	0	1	0	1	0	×	1	1	0	1	0	0	½	1	1	9½
11. Шифферс . .	0	0	0	1	0	½	½	0	0	0	×	1	1	1	1	1	0	½	+	8½
12. Рабинович, А. .	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	×	1	1	½	1	1	1	+	8½
13. Куломзин . .	0	0	0	0	0	0	1	0	½	1	0	0	×	1	1	1	1	½	+	8
14. Калинский . .	0	1	0	½	0	1	0	0	1	0	0	0	0	×	1	0	1	1	1	7½
15. Дуз-Хотимирск. .	—	0	0	0	1	0	½	0	½	1	0	½	0	0	×	½	1	1	1	7
16. Бенько	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	1	½	×	1	1	1	6½
17. Николаев . .	½	0	0	0	0	0	½	0	0	½	1	0	0	0	0	0	×	1	1	4½
18. Штамм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	½	0	0	0	0	×	1	2
19. Бреев	0	—	0	—	—	—	0	0	0	0	—	—	—	0	0	0	0	0	×	0

Мы видели, что первые три всероссийских турнира были устроены в Москве и Киеве. Петербург, когда-то центр шахматной жизни в России, не сумел организовать у себя ни одного турнира во всероссийском масштабе. Этот упадок шахматной жизни в 900-х гг. отчасти объяснялся отходом Чигорина от общественной шахматной жизни. Отъезд Чигорина на постоянное жительство в Гатчину сказался на деятельности шахматных организаций в Петербурге. Клубы все реже стали посещаться шахматистами и за отсутствием средств они стали хиреть, пока окончательно в них не замерла жизнь. Шахматисты стали собираться на частных квартирах. Однако, неудобство, связанное с этим — ограничение доступа для многих шахматистов — давало себя знать.

Необходимость в организации шахматного клуба, который объединял бы всех петербургских любителей, конечно, существовала. Однако, не было лица, который мог бы с такой энергией и энтузиазмом, как Чигорин, отдаться любимому делу. В 1902 г. за организацию шахматного кружка берутся лица, еще при Чигорине принимавшие участие в административной деятельности клубов. Из них особенно много работали в этом направлении Коленко, Сабуров, Люце и бр. Зноско-Боровские. Благодаря энергии этих лиц удалось превратить частный шахматный кружок в официальный. Была избрана комиссия, выработан новый устав и, что особенно важно для жизненности кружка, подыскано помещение (Общественное Собрание Педагогов). Во главе нового Шахматного Собрания стали: Коленко — председатель, Сабуров — вице-председатель, Малютин — секретарь, С. А. Зноско-Боровский — казначей, Чепурнов — заведывающий турнирной частью, Люце — заведывающий библиотекой.

Молодому Шахматному Собранию было обеспечено сочувствие многочисленных молодых игроков, выявивших свою силу к этому времени. Именно с 1904 года, когда начало функционировать Петербургское Шахматное Собрание, появляется ряд русских игроков, которые начинают пробовать свои силы на международных турнирах.

Деятельность нового клуба выразилась в организации многочисленнейших турниров и матчей. Приглашение Чигорина на сеансы одновременной игры и на небольшие матч-

турниры с участием наиболее сильных членов клуба еще более способствовало популярности Шахматного Собрания среди широких масс шахматистов. Скоро уже появляется мысль об организации в Петербурге IV Всероссийского турнира. Впервые возбудил этот вопрос Г. А. Гельбак, доложивший об этом Общему Собранию, которое отнеслось к этому вполне сочувственно.

Несмотря на ряд обстоятельств, во-первых, отсутствие шахматного журнала, при посредстве которого можно было известить провинциальных шахматистов об организации турнира, и, во-вторых, забастовочное движение, охватившее в 1905 г. всю Россию, — все же удалось путем длительных переговоров и энергии организаторов турнира собрать в конце 1905 года в Петербурге 17 сильнейших русских шахматистов. Организационный комитет обращался ко всем редакторам шахматных отделов и к провинциальным шахматным кружкам с просьбой содейcтвовать первому серьезному начинанию Петербургского Шахматного Собрания.

22 декабря 1905 года начался IV Всероссийский турнир, в котором приняли участие следующие лица: Алапин, Гельбак, Евтифеев, Е. А. Зноско-Боровский, Малютин, Омелянский, Розенкранц, А. А. Романовский, Тальвик и Чигорин (Петербург); Рубинштейн и Сальве (Лодзь); Дуз-Хотимирский и Избинский (Киев); Блюменфельд (Ковно); Левитский (Нижне-Туринский завод, Пермской губернии); Табунщиков (Гатчина).

Из турнира выбыли Табунщиков после 6 проигранных партий и Чигорин, который вышел из турнира после того, как турнирный комитет постановил считать проигранной Чигориным партию против Избинского из-за просрочки времени.

Первый приз получил Сальве (13 из 16); второй и третий призы разделили Блюменфельд и Рубинштейн; четвертый — Зноско-Боровский; пятый—Алапин; шестой и седьмой призы разделили Евтифеев и Романовский и восьмой приз поделили: Дуз-Хотимирский, Избинский и Розенкранц (см. таблицу на следующей странице).

Таблица IV Всероссийского турнира.

Фамилии	1. Сальве	2. Блюменфельд	3. Рубинштейн	4. Зноско-Боровск.	5. Алапин	6. Евтифеев	7. Романовский	8. Дуз-Хотимирск.	9. Избинский	10. Розенкранц	11. Левитский	12. Тальвик	13. Малютин	14. Омелянский	15. Гельбак	16. Чигорин	17. Табунщиков	Итого
1. Сальве	×	0	½	1	½	1	½	1	1	1	½	1	1	1	1	1	+	13
2. Блюменфельд . .	1	×	0	½	½	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	+	+	12
3. Рубинштейн . . .	½	1	×	½	½	½	1	1	1	½	½	1	½	½	1	+	+	12
4. Зноско-Боровский	0	½	½	×	0	1	½	1	0	1	1	1	1	1	1	+	1	11½
5. Алапин	½	½	½	1	×	½	1	0	0	1	1	1	1	½	0	1	+	10½
6. Евтифеев	0	0	½	0	½	×	1	1	1	1	0	1	1	0	1	+	1	10
7. Романовский, А. .	½	1	0	½	0	0	×	0	1	1	1	1	1	½	½	+	1	10
8. Дуз-Хотимирский	0	0	0	0	1	0	1	×	1	½	1	1	0	0	½	+	+	8
9. Избинский . . .	0	0	0	1	1	0	0	0	×	½	0	½	1	1	1	1	+	8
10. Розенкранц . . .	0	0	½	0	0	0	0	½	½	×	1	1	1	1	½	+	1	8
11. Левитский . . .	½	1	½	0	0	1	0	0	1	0	×	0	0	1	1	0	+	7
12. Тальвик	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	+	+	6½
13. Малютин	0	0	½	0	0	0	0	1	0	0	1	0	×	1	½	+	1	6
14. Омелянский . . .	0	0	½	0	½	1	½	1	0	0	0	0	0	×	½	+	1	6
15. Гельбак	0	0	0	0	1	0	½	½	0	½	0	0	½	½	×	+	+	5½
16. Чигорин . . .	0	—	—	—	0	—	—	—	0	—	1	—	—	—	—	×	—	1
17. Табунщиков . . .	—	—	—	0	—	0	0	—	—	0	—	—	0	0	—	—	×	0

В IV Всероссийском турнире в подавляющем большинстве участвуют молодые игроки первой категории, из числа которых многие впоследствии будут участвовать в международных турнирах и добьются звания международных маэстро.

Значение IV Всероссийского турнира состоит в том, что он как бы делал смотр всем молодым силам русских шахматистов, которые были призваны заменить на международных турнирах уже теряющего свои силы Чигорина. Новая смена, если и уступала гению и таланту, то показала рост

русского шахматного искусства, которое должны были констатировать и признать иностранные шахматисты.

Петербургским Шахматным Собранием был выпущен сборник партий турнира под редакцией Е. А. Зноско-Боровского. Примечания к партиям были составлены Алапиным, Зноско-Боровским и Левиным, при чем комментаторы для своей работы пользовались примечаниями, появившимися в шахматной прессе, а также составленными самими участниками турнира.

По окончании IV Всероссийского турнира шахматная жизнь в России не пошла на убыль, как это обыкновенно бывает по окончании состязаний. Качественный состав русских шахматистов, многие из которых не уступают уже по силе иностранным шахматистам, увеличивает интерес к шахматам. К этому времени относится игра по переписке, а также по телеграфу, несомненно доказывающая количественный рост русских шахматистов. Устраиваются по переписке не только матчи, но и турниры, иногда с большим количеством участвующих. Благодаря игре по переписке в шахматную общественную жизнь втягивается провинция, организующая у себя различные состязания. Матчи по телеграфу в таких отдаленных от центра шахматной жизни городах, как Томск, Омск, Семипалатинск, красноречиво говорят, что шахматы прочно завоевывают симпатии в России. Провинциальные города устраивают у себя турниры, которые они стараются обеспечить не только местными игроками, но и приглашением сильнейших столичных игроков. В этом отношении проявило инициативу Лодзинское Общество Любителей шахматной игры, руководимое председателем его К. М. Манакиным. Это общество устроило матч между победителем IV Всероссийского турнира и Чигориным, который окончился победой маститого русского чемпиона. Чигорин выиграл 7 партий, проиграл 5 и 3 окончились в ничью. В том же году Лодзинским Обществом был устроен четверной матч-турнир, в котором приняли участие Чигорин, Рубинштейн, Сальве и Флямберг. Последний — молодой игрок из Варшавы.

Таблица показывает его результаты:

Фамилии	1. Рубинштейн	2. Чигорин	3. Флямберг	4. Сальве	Итого
1. Рубинштейн	×	1 0 1	½ 1 1	½ 1 ½	6½
2. Чигорин	0 1 0	×	0 1 ½	1 1 1	5½
3. Флямберг	½ 0 0	1 0 ½	×	0 ½ 1	3½
4. Сальве	½ 0 ½	0 0 0	1 ½ 0	×	2½

Еще бо́льшую услугу оказало русскому шахматному искусству Лодзинское Общество устройством V Всероссийского турнира, к сожалению, привлекшего небольшое количество участников, хотя с материальной стороны турнир был обставлен гораздо лучше прежних всероссийских турниров.

Турнир происходил в декабре 1907 года, и в нем приняли участие следующие лица: Алапин, Зноско-Боровский и Фрейман (Петербург); Гольдфарб, Данюшевский, Кучинский, Розенблат, Ротлеви, Рубинштейн и Сальве (Лодзь); Дуз-Хотимирский и Ноткин (Киев); „Алексеев“ (Янкович, Кавказ). Кизерицкий выбыл из турнира, выиграв одну партию и проиграв три.

Таблица на стр. 161 показывает результаты турнира:

Отметим, наконец, еще небольшой матч-турнир в Москве (1907 г.), окончившийся с результатом: Чигорин — 6, Гончаров — 5½, Дуз-Хотимирский — 4½, Ненароков — 3½ и Острогский — 1½, а также в Варшаве (1908 г.): Сальве — 4½, Алапин — 4, Ланглебен — 2 и Флямберг — 1½.

* * *

Такова в общих чертах история развития шахматной жизни в России с момента появления на шахматной арене Чигорина до конца его жизни. Наш очерк будет неполным, если мы, хотя бы вкратце, не упомянем о шахматной периодической печати и литературе.

Фамилии	1. Рубинштейн	2. Алапин	3. Зноско-Боровск.	4. Сальве	5. Фрейман	6. Ротлеви	7. Гольдфарб	8. Дуз-Хотимирск.	9. Кучинский	10. Данюшевский	11. Розенблат	12. Ноткин	13. „Алексеев“	Итого
1. Рубинштейн .	×	1/2	1	1/2	0	1	1	1	1	1	—	1	1	9
2. Алапин . . .	1/2	×	1	1	1	1	1/2	0	1	0	1	1/2	1	8 1/2
3. Зноско-Боровский.	0	0	×	1	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1	0	1	7 1/2
4. Сальве	1/2	0	0	×	1	0	1/2	1	1/2	1	1	+	1	7 1/2
5. Фрейман . . .	1	0	1/2	0	×	1	1	—	1/2	1	0	1	1	7
6. Ротлеви . . .	0	0	0	1	0	×	1	0	1	1/2	1	1	1	6 1/2
7. Гольдфарб . .	0	1/2	1/2	1/2	0	0	×	0	1	1/2	1/2	1	1	5 1/2
8. Дуз-Хотимирский.	0	1	0	0	—	1	1	×	1/2	1/2	0	0	1	5
9. Кучинский . .	0	0	1/2	1/2	1/2	0	0	1/2	×	1/2	1	1/2	+	5
10. Данюшевский.	0	1	0	0	0	1/2	1/2	1/2	1/2	×	+	1/2	—	4 1/2
11. Розенблат . .	—	0	0	—	1	0	1/2	1	0	—	×	1	1	4 1/2
12. Ноткин . . .	0	1/2	1	—	0	0	0	1	1/2	1/2	0	×	1/2	4
13. „Алексеев . .	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	0	1/2	×	1 1/2

Нами уже упоминалось об издании Чигориным с 1876 г. „Шахматного Листка“, который сыграл большое значение в деле распространения шахматной игры в России. Но положение в то время было таково, что в журнале приходилось печатать, по необходимости, партии все одних и тех же лиц (Чигорин, Шифферс, Шумов, Соловцов и немногих других), так как присылаемые в редакцию партии не было возможности печатать из-за грубых зевков. Один раз, чтобы показать низкий уровень шахматной жизни в России, Чигорин напечатал такого рода партию. В журнале помещались иногда партии из международного турнира. Помимо того, Чигорин в каждом номере печатал курс дебютов. Сведения о шахматах в провинции были очень скудны и вызывали постоянные сетования на это Чигорина.

В 1881 году, на четвертом номере, „Шахматной Листок“ прекратил существование из-за недостатка средств. В следующем году была сделана попытка московским шахматистом

А. Гельвигом, которому удалось выпустить четыре номера „Шахматного Журнала“, не представлявшего, впрочем, никакой ценности, так что жалеть о его закрытии не приходится.

В 1885 году возникшее Общество любителей шахматной игры решило издавать журнал, редакцию которого оно поручило Чигорину. „Шахматный Вестник“ просуществовал до января 1887 года и закрылся по недостатку средств. Журнал главной своей целью ставил пропаганду шахматного искусства по всей России и поэтому уделял большое внимание провинциальной хронике, с радостью констатируя, если в каком-нибудь городе организовывался шахматный клуб.

С 1891 года по 1903 год издается „Шахматный Журнал“, издаваемый петербургским любителем А. К. Макаровым. Редакция была поручена сначала игроку 1-ой категории П. В. Отто, а затем Шифферсу. Издание было прервано в 1898 году и возобновилось в 1900 году. Этот журнал во многом уступал „Шахматному Вестнику“. Партии помещались с очень плохими комментариями или перепечатывались из шахматного отдела „Нового Времени“. Тем не менее нужно поставить в заслугу Макарову издание журнала, так как он долгое время был единственным на всю Россию. Заметим кстати, что на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Н.-Новгороде (1896 г.) Макарову был присужден диплом 2-ой степени „за полезную деятельность и распространение шахматной игры в России и за весьма хорошее издание «Шахматного Журнала»“.

Оживление шахматного искусства в Москве дает возможность издания здесь шахматного журнала. В 1891 году издается П. П. Бобровым и Д. И. Саргиным ежемесячный журнал, посвященный шахматам и шашкам под названием „Шашечница“. В следующем году „Шашечница“ издается под другим названием, более соответствующим задачам и целям журнала, а именно „Шахматное Обозрение“. Этот журнал, за недостатком средств, выходил с большими перерывами до 1910 года. Он выходил в 1892 году, 1901, 1903, 1904, 1909 и 1910 гг. Кроме того, этим журналом были изданы „Московский Шахматный Альманах“, „Шахматные Вечера“ и „Черный Король“, не заслуживающие, однако,

большого внимания, в виду преобладания в них шахматной беллетристики, между тем, как сам журнал имел большое значение в деле распространения шахматной игры в России. Журналом давались обстоятельные примечания к партиям, сообщалось доброкачественная хроника из заграничной и русской жизни и помещалось много статей теоретического характера, принадлежавших перу известных русских шахматистов.

Шахматные альманахи выпускались также непериодически Лодзинским Обществом Любителей шахматной игры.

Из этого краткого обзора шахматной прессы в России мы можем вывести одно довольно печальное заключение. Все без исключения журналы прекращали свою деятельность из-за недостатка средств. Несмотря на то, что журналы не преследовали коммерческой цели и были сравнительно дешевы, все же тираж их не превышал 300 экземпляров, что при довольно значительном объеме приносило большой убыток. Чигорин после неудачного издания двух журналов категорически заявлял, что шахматный журнал в России не сможет долго существовать. Как увидим далее, слова Чигорина оказались пророческими, и издание шахматных журналов в России до 1922 года кончалось неудачей.

Не меньшую роль в деле развития шахматного искусства играли в России шахматные отделы в газетах и журналах. Начало шахматным отделам было положено Шумовым в „Всемирной Иллюстрации“, просуществовавшей до 1898 г. В последние годы существования журнала шахматный отдел редактировался П. Шишкиным.

Несмотря на большей частью неумелое ведение отделов, все же русское шахматное искусство многим им обязано. Наиболее ценным следует признать шахматный отдел в „Новом Времени“, открытый игроком 1-ой категории Н. Е. Митропольским (редактировавшим также журнал „Шахматы“, вышло всего 5 номеров), однако, наибольшего расцвета он достигает, когда редактирование перешло к Чигорину, сумевшему превратить его чут ли не в небольшой шахматный журнал.

Шахматный отдел в „Ниве“ значительно уступал „Новому Времени“, однако, с каждым годом он совершенствовался и делался одним из популярнейших в среде шахмати-

стов. Первоначально он редактировался Шифферсом, а после его смерти Чигориным.

Сносный шахматный отдел был и в газете „Новости“, руководимый Юревичем, сильным русским любителем, нередко достигающим значительного успеха в турнирах (3-ий приз в III Всероссийском турнире). Юревичем же впоследствии редактировался шахматный отдел в „Живописном Обозрении“.

Из других шахматных отделов отметим отделы в „Петербургской Газете“ (Шифферс, а по болезни последнего Тихомиров), в „России“ (Лебедев, сильный игрок 1-ой категории, претендовавший на первенство в России и агитировавший в этом смысле в своем отделе; впоследствии редакция перешла к Шишкину), в „Сыне Отечества“ (Левин — игрок 1-ой категории, один из первых молодых русских игроков, участвовавших в международных турнирах), в „Северном Курьере“ (Бурмейстер, а впоследствии Люце — председатель петербургского шахматного клуба). Под редакцией Зейбота велись шахматные отделы в двух выходивших в Петербурге немецких газетах („St. Petersburger Zeitung“ и „Herold“).

Как и в Петербурге, шахматные отделы находят приют в больших московских газетах и, что особенно важно, в больших провинциальных городах: Одессе, Казани, Харькове, Киеве и др.

Распространение шахматной игры естественно вызывало спрос на шахматную литературу. Но в этом отношении обстояло не вполне благополучно. Едва ли за изложенный нами период истории развития шахматной игры можно было бы рекомендовать, за немногими исключениями, какое-либо руководство. Пожалуй, единственный такой книжкой был перевод популярного немецкого учебника Дюфрена „Руководство к изучению шахматной игры“, выдержавшего в России несколько изданий, при чем к переводу Шифферса (1897 г.) были приложены 10 лекций Эм. Ласкера „Здравый смысл в шахматной игре“. Недурным руководством мог служить для начинающих шахматистов перевод книги Неймана с 3-его немецкого издания „Шахматное руководство для начинающих“ (1884 г.). Что же касается переводов других книг, то все они оставляют желать много лучшего. В 1878 году с французского были переведены книги Ван-Тенак „Изложение правил для изучения шахматной игры“ (1878 г.) и К. С. Портиуса

„Начальное руководство к изучению шахматной игры“ (1897 г.). Последняя книжка представляет отвратительный перевод очень плохого оригинала. „Руководство“ состоит из вопросов и ответов. Чтобы получить представление об этой книжке, приведем пример поразительной безграмотности автора и переводчика: „Какие шахматы вы предпочитаете вычурным фигурам, которые очень ломки и уже более не в моде?“ — задается глубокомысленный вопрос шахматисту на что следует не менее замечательный ответ: „Простые и коренастые“.

Еще хуже обстояло дело с оригинальными русскими работами. Книжка Н. Е. Эльснера „Пособие к изучению шахматной игры“ (1896 г.) еще толково излагает основные правила игры, но теоретическая часть и примерные партии — весьма недоброкачественный материал для шахматиста. Но всякие рекорды в смысле безграмотности побивают книжки Н. А. Рыбалтовского „Руководство к изучении шахматной игры и ее теории“, изданная в Новгороде, а также „Практическое руководство к изучению шахматной игры“ В. Ф. Альбрехта (4 выпуска, последний издан в Вильне). Обе эти книжки безграмотно излагают элементарные правила шахматной игры.

Таким образом, несмотря на наличие в заграничной литературе хороших руководств, в России большей частью издаются совершенно непригодные для шахматистов книжки, что в значительной степени объясняется невежеством издателей, рассчитывающих на легкую наживу в виду увеличивающегося интереса к шахматам.

* * *

Отметим еще развитие задачного искусства в России. Почти единственным представителем его у нас был Петров, специализировавшийся главным образом на многоходовых обратных матах. Следует, однако, указать, что несмотря на признание за Петровым достоинства лучшего составителя задач даже в заграничной литературе, все же нельзя не отметить тяжеловесности и ненужной замысловатости его композиций. Яниш, Шумов, Пеликан и др. продолжали следовать его образцам. Уже в 50-х гг. в Западной Европе произошел переворот в задачном искусстве, произведенном задачами главным

образом Bayer'a, Healy и др. Главное значение получают изящество и экономия средств. Лишь в конце 70-х годов на страницах „Шахматного Листка" появляются задачи, построенные по новому принципу. Там же М. Гоняевым дается краткий курс задачной теории. Русские шахматисты относились довольно равнодушно к задачному искусству. Объявленный „Шахматным Листком" в 1877 году конкурс не состоялся из-за плохого качества задач, присланных на него. Весьма неутешительные результаты дал также конкурс, объявленный „Радугой". Некоторых успехов, но уже в 90-х годах, достигают „Шашечница", а потом „Шахматное Обозрение" и „Шахматный Журнал", которые рискуют уже объявить международные конкурсы. Этот успех следует объяснить появлением ряда молодых талантливых композиторов, усвоивших новые идеи в задачном искусстве.

В первую очередь следует отметить А. В. Галицкого, родившегося в 1863 году. Впервые он познакомился с шахматами 12-ти лет. В 1885 году, студентом Казанского университета, он берет 2-й приз в казанском клубе, однако, как практический игрок он мало известен. Задачным искусством он стал интересоваться в 1886 году, случайно прочитав объявление о конкурсе в московском журнале „Радуга". Первое время Галицкий помещал задачи исключительно в русских журналах, получая призы за двухходовки и трехходовки. В международном конкурсе задач, объявленном „Шахматным Журналом" (судьи Бергер и Чигорин), Галицкий получил 1-й приз. Его произведения, которые впоследствии охотно принимались в русских и иностранных журналах, отличаются необыкновенным остроумием. В его задачах сочетается полная экономия средств с обилием красивых чистых матовых положений и хорошей идеей. Необычайная плодовитость Галицкого нисколько не отражается на качестве его произведений. Ему принадлежит ряд статей: „Об осложнении идей в шахматных задачах", вышедшей отдельной книжкой, „О различном выражении одинаковых идей в шахматных задачах" и др.

В первой статье автор излагает теорию композиции задач. Дается анализ главных идей, главного содержания задачи и приемов, которыми пользуется автор при составлении задачи.

И. О. Кос (СПБ) — один из лучших композиторов прошлого века. Уже в 70-х годах на конкурсах германского шахматного союза и чешских он несколько раз брал призы, — первый из русских проблемистов взявший приз на международном конкурсе. Количество его задач невелико.

Из числа других проблемистов отметим Д. Грингмута (Москва), участвовавшего в международных конкурсах, И. И. Эквиста (Гельсингфорс) и в особенности Бетинга (Рига), нередко бравшего первые призы на иностранных конкурсах.

К более молодому поколению принадлежит А. К. Истомин (Харьков). В редком номере петербургского журнала не появлялись 2—3 задачи этого талантливого и плодовитого композитора. Его ожидала богатая будущность на поприще шахматной композиции, и он уже достиг больших успехов, но безвременная смерть лишила русское задачное искусство безусловно талантливого проблемиста, стремящегося создать особое русское задачное искусство.

Наконец, следует отметить из числа молодых композиторов П. П. Боброва (Москва), редактора „Шахматного Обозрения", А. М. Аносова (Киев) и Н. И. Максимова. Последний обязан своими успехами Чигорину, который беспощадно отказывался печатать его ранние и неудачные произведения, однако помогал ему советами и указаниями на задачную литературу. Результатом многолетней и усидчивой работы было присуждение Максимову почетного отзыва на I международном конкурсе, объявленном „Шахматным Журналом".

С 1892 года Максимов ведет задачный отдел в „Шахматном Журнале", где помещает иногда небольшие статьи, посвященные теоретическим вопросам в задачном искусстве; небольшие заметки Максимова печатались также во французском журнале „Stratégie" под общим названием „Dissertations critiques".

Глава VI.

Шахматы в XX веке.

1908—1914 гг.

На смену угасающему таланту Чигорина явился ряд молодых русских игроков, более или менее талантливых. Появление русских игроков на международных турнирах и притом не в единственном числе, а довольно значительной группой, заставляло не раз удивляться иностранных шахматистов, считавших, что, кроме Чигорина, Россия не может представить ни одного сильного игрока. Успехи русских и их постоянное участие в турнирах заставили думать противоположное. Тост, провозглашенный Таррашем в Нюрнберге в 1906 году, за пробуждение шахматной жизни в России, знаменует новую эру в истории развития шахмат в России. Дело, начатое Чигориным, не погибло. Россия вступила равноправным членом в семью западно-европейской шахматной жизни. Особенно внушительно было выступление русских в международном турнире в Остенде в 1907 г., где все они добились звания международных маэстро. Первым выступившим в международном турнире в Кобурге в 1904 году вместе с Чигориным был Бернштейн, участвовавший также в следующем году в Бармене. В Остенде (1907 г.) приняли участие: Бернштейн, Зноско-Боровский, Рубинштейн, Сальве. Немного позже появляются Дуз-Хотимирский, А. И. Рабинович, Левенфиш, Фрейман и Левитский.

Таким образом, мы можем констатировать качественный и количественный рост русских шахматистов. Вместе с тем мы наблюдаем рост шахматных организаций, хотя и не объединенных единым шахматным союзом, однако представляющих каждая в отдельности довольно сильную организацию. В первую очередь следует сказать о Петербургском

Шахматном Собрании, которое после организации IV Всероссийского турнира постепенно усиливало свою деятельность, организуя многочисленные турниры игроков 1-й категории, а также сильнейших игроков Шахматного Собрания.

Московская шахматная жизнь не только не уступала петербургской но, пожалуй, здесь замечается еще большее оживление. Московские шахматные клубы уже не удовлетворяются местными состязаниями. Возникает мысль об устройстве международного турнира. Впрочем, пока еще эта мысль осуществлялась в весьма скромных размерах: дело ограничилось приглашением отдельных иностранных шахматистов, да и то не высшей квалификации. Еще в 1907 году был приглашен Марко, с участием которого был организован небольшой турнир, окончившийся, как видно из таблицы, с следующим результатом:

Фамилии	1. Дуз-Хотимирский		2. Блюменфельд		3. Марко		4. Куломзин		Итого
1. Дуз-Хотимирский . .	×		1	1	$1/2$	0	1	1	$4^1/_2$
2. Блюменфельд	0	0	×		$1/2$	1	1	1	$3^1/_2$
3. Марко	$1/2$	1	$1/2$	0	×		$1/2$	1	$3^1/_2$
4. Куломзин	0	0	0	0	$1/2$	0	×		$1/2$

Лодзинское общество любителей шахматной игры, необыкновенно выросшее за последние годы в крупнейшую русскую шахматную организацию благодаря успехам своего представителя Рубинштейна, пыталось организовать небольшой международный шахматный турнир с участием двух сильнейших лодзинских маэстро Рубинштейна и Сальве и иностранных шахматистов — Маршалля, Шлехтера и Марко. Однако двое последних отказались от участия, и матч-турнир состоялся в составе 3 лиц. Результаты его были следующие:

Фамилии	1. Рубинштейн.	2. Маршалль	3. Сальве	Итого
1. Рубинштейн	×	$\frac{1/2\ 1\ 1/2\ 1/2}{1\ 0\ 0\ 1}$	$\frac{0\ 1\ 1\ 1/2}{1\ 1/2\ 1/2\ 1/2}$	$9^1/_2$
2. Маршалль	$\frac{1/2\ 0\ 1/2\ 1/2}{0\ 1\ 1\ 0}$	×	$\frac{1/2\ 1/2\ 0\ 1}{1/2\ 1/2\ 1/2\ 1}$	8
3. Сальве	$\frac{1\ 0\ 0\ 1/2}{0\ 1/2\ 1/2\ 1/2}$	$\frac{1/2\ 1/2\ 1\ 0}{1/2\ 1/2\ 1/2\ 0}$	×	$6^1/_2$

После этого турнира в Варшаве был устроен небольшой матч между Рубинштейном и Маршаллем, который окончился в пользу первого с результатом $+4-3=1$.

Таким образом, в различных городах России, в которых особенно сильна шахматная организация, делаются попытки устраивать хотя бы небольшие международные турниры. Но эти турниры ни в какой степени не могли удовлетворять желаниям многих русских шахматистов увидеть у себя турнир такого типа, какие обычно ежегодно устраиваются в Западной Европе. Это желание удалось осуществить благодаря энергии Петербургского Шахматного Собрания, главным образом его председателя — П. П. Сабурова, который уже осенью 1908 года начал деятельно подготовлять почву для организации турнира в Петербурге. Несмотря на все затруднения связанные с организацией большого международного турнира, — число участников предполагалось довести до 20 человек,—все же 2 февраля 1909 года турнир, на который были приглашены виднейшие иностранные шахматисты, был открыт. Сначала, по мысли организационного комитета, предполагалось предоставить половину мест русским шахматистам, однако к турниру были допущены только 7 русских маэстро.

Материальная сторона турнира, как и всех предшествующих русских турниров, была обеспечена главным образом пожертвованиями, давшими значительную сумму (9 754 руб·

Фамилии	1. Ласкер	2. Рубинштейн	3. Дурас	4. Шпильман	5. Бернштейн	6. Тейхман	7. Перлис	8. Кон	9. Сальве	10. Шлехтер	11. Мизес	12. Тартаковер	13. Дуз-Хотимирск.	14. Форгач	15. Берн	16. Видмар	17. Спейер	18. Фрейман	19. Зноско-Боровск.	20. Ненароков	Итого
1. Ласкер . .	×	0	1	½	½	1	1	1	1	½	1	1	0	1	1	1	1	1	1	—	14½
2. Рубинштейн	1	×	1	1	½	½	½	1	1	1	1	½	0	1	½	1	1	1	1	—	14½
3. Дурас . .	0	0	×	0	0	1	½	0	1	½	1	0	1	1	1	1	1	1	1	—	11
4. Шпильман.	½	0	1	×	0	1	1	½	½	1	½	½	1	0	½	1	½	½	1	—	11
5. Бернштейн.	½	½	1	1	×	0	1	0	1	1	1	1	½	0	0	0	½	½	1	—	10½
6. Тейхман . .	0	½	0	0	1	×	0	½	½	½	1	½	1	½	1	½	1	1	½	—	10
7. Перлис . .	0	½	½	0	0	1	×	½	1	½	1	½	1	½	1	½	0	0	1	—	9½
8. Кон . . .	0	0	1	½	1	½	½	×	0	0	½	1	½	0	½	½	½	1	1	—	9
9. Сальве . .	0	0	0	½	0	½	0	1	×	0	1	½	1	1	½	0	1	1	1	—	9
10. Шлехтер .	½	0	½	0	0	½	½	1	1	×	0	0	1	1	½	0	1	½	1	—	9
11. Мизес . .	0	0	0	½	0	0	0	½	0	1	×	1	½	1	1	1	0	1	1	—	8½
12. Тартаковер.	0	½	1	½	0	½	½	0	½	1	0	×	0	0	½	1	1	1	½	—	8½
13. Дуз-Хотимирск.	1	1	0	0	½	0	0	½	0	0	½	1	×	½	½	½	1	0	1	—	8
14. Форгач . .	0	0	0	1	1	½	½	1	0	0	0	1	½	×	½	½	½	0	½	—	7½
15. Берн . . .	0	½	0	½	1	0	0	½	½	½	0	½	½	½	×	1	½	½	0	—	7
16. Видмар . .	0	0	0	0	1	½	½	½	1	1	0	0	½	½	0	×	½	1	0	—	7
17. Спейер . .	0	0	0	½	½	0	1	½	0	0	1	0	0	½	½	½	×	½	½	—	6
18. Фрейман .	0	0	0	½	½	0	1	0	0	½	0	0	1	1	½	0	½	×	0	—	5½
19. Зноско-Боровск.	0	0	0	0	0	½	0	0	0	0	0	½	0	½	1	1	½	1	×	—	5
20. Ненароков.	—	—	0	—	—	—	1	—	—	—	0	—	—	—	½	—	—	—	—	×	—

80 коп.). С этой стороны турнир нисколько не уступал западно-европейским. Состав же участников выдвигает Петербургский турнир в число первоклассных международных турниров. В нем приняли участие следующие иностранные маэстро: Эм. Ласкер, Кон, Мизес, Тейхман, Шпильман (Германия); Видмар, Дурас, Перлис, Тартаковер, Форгач, Шлехтер (Австро-Венгрия); Берн (Англия); Спейер (Голландия). Россия была представлена семью игроками, из числа которых выбыл Ненароков после 4 тура, имея одну выигранную партию у Перлиса, две проигранные — Дурасу и Мизесу и

одну ничью — с Берном. Состав остальных русских шахматистов был следующий: Рубинштейн, Бернштейн, Сальве, Дуз-Хотимирский, Зноско-Боровский, Фрейман, которые за исключением последнего уже участвовали в международных турнирах.

Турнир происходил вполне организованно, если не считать выхода Ненарокова, явления тем более печального, что выбыл именно русский шахматист, к тому же без всяких уважительных причин.

Таблица на стр. 171 показывает его результаты:

В виду того, что в международный турнир не попало много сильнейших русских любителей. так как число иностранных маэстро оказалось выше предположенных десяти, организационным комитетом, как бы в качестве компенсации, на-ряду с международным турниром, был устроен национальный. Турнир любителей вырос в большой всероссийский турнир, в котором приняли участие русские любители из разных концов России. Состав его был следующий: Гельбак, Евтифеев, Лебедев, Малютин, Розенкранц, П. А. Романовский, Терещенко и Чепурнов (Петербург); Алехин и Розанов (Москва); Николаев (Варшава); Избинский (Харьков); Гольдфарб, Данюшевский и Ротлеви (Лодзь); Верлинский (Одесса); Вяхирев (Нижний-Новгород); Грегори (Ревель); Эльяшов (Ковно). Из числа девятнадцати участков двое выбыли (Гольдфарб — после 2 тура и Розанов — после 7). Результат турнира любителей см. в таблице стр. 173.

Устройство международного турнира в Петербурге, посвященного памяти М. И. Чигорина, как по количеству лиц, участвовавших в нем, так и по качественному его составу, несомненно сыграл большую роль в деле распространения шахматного искусства в России. Газеты, в которых никогда не печаталось ни одной строчки, посвященной шахматной игре, помещали подробнейшие отчеты о международном турнире. В Петербург съехалось также немало русских любителей. То, что в Западной Европе считалось обыденным явлением, в России еще было редкостью, и поэтому помещение Петербургского Шахматного Собрания (Невский пр., 55), где происходил турнир, едва могло вместить всех желающих, так что сбор с платы за вход достиг значительной суммы (1 718 руб. 80 коп.). Не меньше значения сыграл и нацио-

Фамилии	1. Алехин	2. Ротлеви	3. Грегори	4. Данюшевский	5. Малютин	6. Эльяшов	7. Лебедев	8. Розенкранц	9. Терещенко	10. Верлинский	11. Романовский	12. Евтифеев	13. Избинский	14. Чепурнов	15. Вяхирев	16. Гельбак	17. Николаев	18. Розанов	19. Гольдфарб	Итого
1. Алехин	×	1	1	0	1	1	1/2	1	1	1	0	1	1	1/2	1	1	1	—	—	13
2. Ротлеви . . .	0	×	1	1/2	1	1/2	0	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	12
3. Грегори . . .	0	0	×	1	1	0	1/2	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1	—	—	11 1/2
4. Данюшевский .	1	1/2	0	×	1/2	1	1/2	1	1/2	1	1	1	1/2	0	0	1/2	1/2	—	—	9 1/2
5. Малютин . . .	0	0	0	1/2	×	0	1	1	1	1	0	1/2	1	1	1	1/2	1	—	—	9 1/2
6. Эльяшов . . .	0	1/2	1	0	1	×	1	1/2	1	1	1/2	1/2	0	0	1/2	1	1	—	—	9 1/2
7. Лебедев . . .	1/2	1	1/2	1/2	0	0	×	1/2	0	1/2	1	1	1/2	1	1	0	1	—	—	9
8. Розенкранц . .	0	0	0	0	0	1/2	1/2	×	1	1	1	1	1	1	0	1	1	—	—	9
9. Терещенко . .	0	1	1	1/2	0	0	1	0	×	1/2	0	1/2	1	1	0	1/2	1/2	—	—	7 1/2
10. Верлинский .	0	0	0	0	0	0	1/2	0	1/2	×	1	0	1	1	1	1	1	—	—	7
11. Романовский, А.	1	0	0	0	1	1/2	0	0	1	0	×	1	0	0	1	1/2	1	—	—	7
12. Евтифеев . .	0	0	0	0	1/2	1/2	0	0	1/2	1	0	×	1	1	1	0	1	—	—	6 1/2
13. Избинский . .	0	0	0	1/2	0	1	1/2	0	0	0	1	0	×	1	0	1	1	—	—	6
14. Чепурнов . .	1/2	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	×	1	1	0	—	—	5 1/2
15. Вяхирев . . .	0	0	0	1	0	1/2	0	1	1	0	0	0	1	0	×	1/2	0	—	—	5
16. Гельбак . . .	0	0	0	1/2	1/2	0	1	0	1/2	0	1/2	1	0	0	1/2	×	1/2	—	—	5
17. Николаев . . .	0	0	0	1/2	0	0	0	0	1/2	0	0	0	0	1	1	1/2	×	—	—	3 1/2
18. Розанов . . .	0	—	0	—	—	0	0	—	—	1/2	1	—	—	—	—	—	0	×	0	1 1/2
19. Гольдфарб . .	0	—	—	—	—	—	—	—	—	0	—	—	—	—	—	—	—	1	×	1

нальный турнир, собравший почти всех сильнейших русских любителей. После этого турнира в различных городах России устраиваются турниры, по составу своему не уступающие прежним всероссийским турнирам. Провинциальные шахматные кружки стараются обставить эти турниры как можно интереснее, привлекая к участию и столичных шахматистов. В этом отношении много сделало Виленское Шахматное Собрание, которое за короткое время существования сумело поднять на должную высоту дела своего Собрания.

Руководимое правлением в составе председателя его М. М. Прозорова и секретаря А. И. Рабиновича, Виленское Шахматное Собрание устраивает турниры местных любителей, конкурсы решений шахматных задач, лекции по теории дебютов и сеансы А. И. Рабиновича, интересный матч между П. М. Листом (Одесса) и Г. Я. Левенфишем (+ 4 — 4 = 1) и матч-турнир в 1909 году. Но особенной заслугой Виленского Собрания является организация в 1912 году всероссийского турнира русских маэстро. Прежние всероссийские турниры без исключения были смешанного характера. В них участвовали помимо маэстро в подавляющем большинстве сильнейшие русские любители. Впрочем, это было вполне естественным и понятным явлением. До 1904 года единственными маэстро в России были Чигорин, Шифферс и Алапин, и лишь только с этого года еще несколько русских шахматистов завоевывают на международных турнирах звание маэстро. Период с 1905 по 1912 гг. был наиболее интенсивным в смысле участия русских шахматистов на международных турнирах в Европе. И уже в 1909 году в международном турнире в Петербурге смогли принять участие 7 русских шахматистов, завоевавших звание маэстро на международных турнирах, исключая Фреймана, который получает это звание выигрышем матча в 1911 году у Зноско-Боровского (+ 5 —3 = 10).

Виленский турнир насчитывает уже 10 русских маэстро. Всего же в России насчитывалось 13 маэстро, так как Дуз-Хотимирский и Зноско-Боровский вовсе не приняли участие в турнире, а А. И. Рабинович вышел из турнира. Заграничная печать, упоминая об этом турнире, констатирует качественное усиление шахматного искусства в России.

И действительно, по своему составу Виленский турнир нисколько не уступает национальным турнирам, устраиваемым иностранными шахматными союзами. Прекрасно был обставлен Виленский турнир и с материальной стороны (первый приз – 1 000 рублей). Параллельно турниру маэстро был организован турнир русских любителей (так называемый Hauptturnier) по образцу западно-европейских национальных турниров, куда были допущены и иностранные любители. Факт участия иностранных шахматистов в турнирах русских любителей, в которых первый призер добивается звания маэстро, —

весьма знаменателен. Это уже говорит о том, что Россия является в шахматном отношении такой же равноправной страной, как и все западно-европейские. И как раз на первом Hauptturnier'е первый приз и звание маэстро получает иностранец — Громадка. Помимо него в турнире принял участие и другой иностранец — Бартон, занявший 6-е место.

Таким образом, Виленский турнир является первым турниром, устроенным по образцу западно-европейского. В этом главнейшая заслуга Виленского Шахматного Собрания, а также Петербургского, которое приняло деятельное участие в организации Виленского турнира.

Следующие две таблицы показывают результат турнира маэстро и турнира любителей:

Виленский турнир маэстро.

Фамилии	1. Рубинштейн	2. Бернштейн	3. Левитский	4. Нимцович	5. Флямберг	6. Алехин	7. Левенфиш	8. Фрейман	9. Алапин	10. Сальве	Итого
1. Рубинштейн .	×	½ ½	1 ½	½ 1	1 1	1 1	1 1	0 0	0 1	½ ½	12
2. Бернштейн . .	½ ½	×	1 ½	0 ½	1 1	0 0	0 ½	1 1	1 1	1 1	11½
3. Левитский . .	0 ½	0 ½	×	½ 1	½ ½	1 1	0 ½	1 ½	½ 1	1 1	11
4. Нимцович . .	½ 0	1 ½	½ 0	×	½ ½	½ 0	1 ½	1 ½	½ 1	1 1	10½
5. Флямберг . .	0 0	0 0	½ ½	½ ½	×	1 ½	1 0	½ 1	1 ½	1 ½	9
6. Алехин . . .	0 0	1 1	0 0	½ 1	0 ½	×	1 1	0 ½	0 1	1 0	8½
7. Левенфиш . .	0 0	1 ½	1 ½	0 ½	0 1	0 0	×	½ 1	½ 1	½ ½	8½
8. Фрейман . . .	1 1	0 0	0 ½	0 ½	½ 0	1 ½	½ 0	×	½ 1	1 0	8
9. Алапин . . .	1 0	0 0	½ 0	½ 0	0 ½	1 0	½ 0	½ 0	×	½ 1	6
10. Сальве	½ ½	0 0	0 0	0 0	0 ½	0 1	½ ½	0 1	½ 0	×	5

В том же году устраивается впервые всероссийский турнир в Саратове. Хотя по составу участников он слабее Виленского турнира любителей, все же устройство турнира в Саратове в составе 18 шахматистов говорит о возрастающем росте русского шахматного искусства не только в Петербурге, Москве, Киеве и других крупных шахматных цен-

Виленский турнир любителей.

Фамилии	1. Громадка	2. Боголюбов	3. Рауш	4. Лист	5. Рабинович, И.	6. Бартон	7. Эстрин	8. Гартман	9. Ланглебен	10. Селезнев, А.	11. Эрн	12. Платц	13. Глобус	14. Гаргуляк	15. Сурнин	16. Фаворский	17. Эльяшов	18. Рабинович, Г.	19. Вайт	20. Унгерн-Штернб.	Итого
1. Громадка .	×	0	1	½	1	1	1	½	1	½	½	1	½	1	1	1	1	½	1	1	15
2. Боголюбов	1	×	0	1	1	1	½	0	1	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1	14½
3. Рауш . . .	0	1	×	0	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	14
4. Лист . . .	½	0	1	×	1	½	1	1	½	½	0	½	½	½	½	1	0	1	1	1	12
5. Рабинов., И.	0	0	0	0	×	1	½	1	0	½	1	1	½	1	1	1	1	½	1	1	12
6. Бартон . .	0	0	0	½	0	×	½	1	½	½	½	1	½	1	1	1	½	1	1	1	11½
7. Эстрин . .	0	½	0	0	½	½	×	0	1	½	0	½	1	1	1	½	1	1	1	1	11
8. Гартман . .	½	1	1	0	0	0	1	×	½	½	0	0	1	0	½	½	1	1	1	1	10½
9. Ланглебен .	0	0	1	½	1	½	0	½	×	½	1	0	1	0	0	1	1	½	1	1	10½
10. Селезнев, А.	½	0	0	½	½	½	½	½	½	×	½	½	1	½	1	½	½	1	1	½	10½
11. Эрн	½	0	0	1	0	½	1	1	0	½	×	1	0	1	½	0	0	1	1	1	10
12. Платц . . .	½	0	0	½	½	½	0	0	0	0	1	×	½	1	1	0	1	1	1	1	9½
13. Глобус . .	0	0	0	½	0	0	½	1	1	½	0	½	×	0	1	½	1	1	½	1	9
14. Гаргуляк .	0	1	0	½	0	0	0	1	1	½	0	0	1	×	0	½	½	1	½	1	8½
15. Сурнин . .	0	1	0	½	0	0	0	½	1	0	½	0	0	1	×	½	1	1	½	1	8½
16. Фаворский .	0	0	0	0	0	0	½	½	0	½	1	1	½	½	½	×	1	1	0	1	8
17. Эльяшов .	0	0	0	1	0	½	0	0	0	½	1	0	0	½	0	0	×	0	1	1	5½
18. Рабинов., Г.	½	0	0	0	½	0	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	×	1	½	4
19. Вайт . . .	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	½	½	½	1	0	0	×	0	3½
20. Унгерн-Штерн.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	½	1	×	2

трах, но и в таких городах, где шахматисты до сего времени насчитывались единицами.

В Саратовском турнире участие приняли следующие любители: Вигдорчик, Розенкранц и Тальвик (Петербург); Абельс, Дьяконов и Салько (Саратов); Розанов (Харьков); Богатырчук (Киев); Констанский, Овсянников (Казань); Добронравов, Коноплев (Владимир); Вяхирев, Лютов (Нижний-Новгород), Мазан (Томск); Селезнев, Д. (Тамбов); Левшин (Николаевск) и Алферов (Хлудово).

Результаты турнира были следующие: Розанов и Розенкранц — 14; Богатырчук и Вигдорчик — 13; Тальвик — $10^1/_2$; Констанский — $9^1/_2$; Вяхирев, Добронравов и Лютов — 9; Дьяконов — $8^1/_2$; Мазан и Овсянников — 7; Салько — $6^1/_2$; Коноплев — $5^1/_2$; Абельс — $5^1/_2$; Селезнев — $4^1/_2$; Левшин — 4; Алферов — $3^1/_2$.

Значение Саратовского турнира заключается в том, что он выявил много русских любителей из различных концов России, до сего времени мало известных. Помимо этого, устройство турнира в Саратове указывает на непрекращающийся интерес к шахматным состязаниям в провинции.

Нельзя не отметить также устроенного в апреле 1911 г. в Либаве V Балтийского турнира, привлекшего главным образом уроженцев Балтийского края. Первый приз достался петербургскому любителю А. И. Куббелю, выигравшему 12 партий из 15. За ним следуют: К. Грюнталь и Г. Эрн (11), Блюменфельд и Вайт ($9^1/_2$), Унгерн-Штернберг ($8^1/_2$) и т. д. В 1913 году VI Балтийский турнир доставил победу Гартману.

Из местных турниров наиболее сильными по составу были киевские чемпионат-турниры, выдвинувшие несколько сильных шахматистов, от которых в будущем можно было ожидать больших успехов. В чемпионате 1911 года выдвинулся Е. Д. Боголюбов, разделивший с С. К. Избинским I—II призы ($11^1/_2$) и затем выигравший у своего сопризера две решительные партии. Третий приз получил А. М. Эвенсон ($10^1/_2$), IV— Н. И. Греков (10), V—VI В. Ф. Мацеевский и Шильман ($7^1/_2$). Организованный в том же году меньший турнир, состоявший почти из призеров чемпионат-турнира (вступил Богатырчук и вместо Шильмана — Ноткин) окончился триумфом молодого еще игрока Ф. П. Богатырчука, не проигравшего ни одной партии (из 6 — $5^1/_2$). За ним Избинский — $4^1/_2$, Боголюбов — $3^1/_2$, Эвенсон — 3 и т. д.

Оживилась деятельность и харьковских шахматистов, организовавших в 1911 году у себя чемпионат из сильнейших любителей города. На первом месте оказались Н. Н. Руднев и В. В. Борисовский (из 7 партий — 6), а после матча чемпионом Харькова был признан Руднев, выигравший у своего противника матч из трех партий. За ним следовали: Янушпольский (5), Зотиков (3) и т. д.

Но больше всего оживление заметно в московских шахматных кружках. Многочисленные турниры-гандикапы, одно время бывшие в загоне, турниры на равных шахматистов различной категории и, наконец, чемпионаты непрерывно следуют один за другим. Наибольший интерес представляет московский чемпионат 1911 года, в котором принял участие маэстро О. С. Бернштейн, взявший блестяще I приз (из 15 партий—14), II приз достался А. С. Селезневу, игроку 1-й категории, постепенно прогрессирующему в шахматной игре ($12^1/_2$). За ними следуют: Выгодчиков ($9^1/_2$), Исаков ($8^1/_2$), Н. Павлов и Эстрин ($7^1/_2$) и т. д.

После некоторого затишья, наступившего по окончании международного турнира 1909 г., Петербургское Шахматное Собрание — центр шахматной жизни Петербурга, которое окончательно завоевало симпатии всех без исключения петербургских шахматистов и объединило их вокруг себя, благодаря своей плодотворной деятельности и энергии его руководителей, организовало осенью 1910 года большой турнир, в котором приняли участие 36 маэстро и любителей. Шахматисты были разбиты на группы, и призеры каждой группы образовали турнир победителей, который окончился с таким результатом:

Фамилии	1. Зноско-Боровский	2. Дуз-Хотимирский	3. Левенфиш	4. Фрейман	5. Малютин	6. Платц	7. Гельбак	8. Чепурнов	Итого
1. Зноско-Боровский . .	×	1	0	1	1	$^1/_2$	1	1	$5^1/_2$
2. Дуз-Хотимирский . .	0	×	1	$^1/_2$	1	1	1	1	$5^1/_2$
3. Левенфиш	1	0	×	$^1/_2$	1	1	$^1/_2$	1	5
4. Фрейман	0	$^1/_2$	$^1/_2$	×	1	1	1	1	5
5. Малютин	0	0	0	0	×	$^1/_2$	1	1	$2^1/_2$
6. Платц	$^1/_2$	0	0	0	$^1/_2$	×	0	1	2
7. Гельбак	0	0	$^1/_2$	0	0	1	×	0	$1^1/_2$
8. Чепурнов	0	0	0	0	0	0	1	×	1

К 1911 году относится появление нового вида шахматного состязания — личная встреча шахматистов двух городов в матче. Такого рода матч состоялся впервые в апреле 1911 года в Петербурге с Москвой. Каждая команда выставила по 10 игроков. Петербург выиграл матч с большим перевесом (+6 — 3). Единичные результаты таковы:

Москва		Петербург	
Алехин, А-др	1/2	Зноско-Боровский	1/2
Блюменфельд	0	Фрейман	1
Селезнев, А.	1/2	Левенфиш	1/2
Павлов, Д.	0	Малютин	1
Острогский	1	Лебедев	0
Выгодчиков	0	Платц	1
Парфенов	0	Коялович	1
Мусатов	1	Чепурнов	0
Алехин, А-й	0	Гельбак	1
	+3		+6

Партия Бернштейн — Левин была отложена и, как не имевшая значения для результата матча, не игралась.

По окончании матча возникла мысль об ежегодном повторении подобных состязаний и, действительно, в следующем году петербургские шахматисты приехали в Москву на матч, который снова окончился победой Петербурга, но на этот раз с более скромными результатами (+5½ — 4½). Единичные результаты следующие:

Петербург		Москва	
Зноско-Боровский	1/2	Алехин, А-др	1/2
Левенфиш	1/2	Блюменфельд	1/2
Куббель, А.	1/2	Гончаров	1/2
Романовский, А.	1/2	Селезнев, А.	1/2
Малютин	0	Павлов, Д.	1
Платц	1/2	Острогский	1/2
Рабинович, И.	0	Фаворский	1
Бааш	1	Эстрин	0
Романовский, П.	1	Павлов, Н.	0
Люце	1	Алехин, А-й	0
	5½		4½

После этого матча Москва и Петербург встретились после долго перерыва только в 1922 году.

В Петербурге в 1911 и 1912 гг. были организованы также два матча между двумя сильнейшими клубами — Собранием и Немецким клубом, оба раза окончившихся победой Собрания (+ 6½ — 3½ и + 6 — 3).

Еще большее оживление в Петербурге царило осенью 1912 года, когда Петербургское Шахматное Собрание решило созвать в октябре съезд, посвященный памяти своего председателя С. А. Зноско-Боровского. В программу съезда входило устройство двух турниров — главного и побочного, — в которых приняло участие 40 любителей, представлявших 18 различных пунктов.

В главном турнире первый приз и звание маэстро завоевал Левитский, игравший с большим подъемом и выдержкой, несмотря на долголетнее отсутствие турнирной практики и оторванности от шахматной жизни.

Результаты турнира видны из таблицы (см. стр. 181).

Побочный турнир также привлек большое количество участников и окончился победой двух молодых игроков 1-й категории И. Л. Рабиновича и Платца (+ 12½). За ними следовали Смородский (11½), Утретский (10½), Чепурнов и Шварцман (9), Потемкин (8½), Вяхирев и Рауш фон-Траубенберг (8), Лернер, Люце и Родионов (7), Гизе (6), Добронравов (5½), Исаков (5), Трубленков (4), Лизель выбыл из турнира после 5-го тура.

Таким образом, мы видим, какое оживление царило не только в Петербурге и Москве, но и в других городах России. Оживлению шахматной жизни в провинции много способствовали также гастрольные поездки столичных шахматистов, главным образом Дуз-Хотимирского и Зноско-Боровского.

Любопытно отметить, что Зноско-Боровский был приглашен на гастроли Германским Шахматным Союзом, что указывает, несомненно, на то, что русские шахматисты не являются уже простыми любителями, а маэстро международного масштаба. Зноско-Боровским в различных городах Австрии, Германии и Голландии было дано 16 сеансов с результатом + 283 — 62 = 46, т.-е. свыше 70% выигранных партий.

Фамилии	1. Левитский	2. Флямберг	3. Избинский	4. Ланглебен	5. Розенталь	6. Верлинский	7. Лурье	8. Шапиро	9. Боголюбов	10. Куббель, А.	11. Романовский, А.	12. Лебедев	13. Малютин	14. Розенкранц	15. Лист	16. Острогский	17. Косолапов	18. Френкель	19. Сурнин	20. Эльяшов	21. Евтифеев	22. Констанский	Итого
1. Левитский	×	1	1	½	0	½	0	1	1	0	1	1	1	1	1	½	1	1	1	1	1	1	16½
2. Флямберг	0	×	½	0	½	1	1	0	0	1	1	1	½	1	0	1	1	1	1	1	1	1	14½
3. Избинский	0	½	×	0	½	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1	1	0	1	1	0	1	½	13½
4. Ланглебен	½	1	1	×	1	1	0	0	1	½	1	1	½	0	1	0	½	½	1	0	1	½	13
5. Розенталь	1	½	½	0	×	0	½	½	0	½	½	½	½	1	1	½	1	1	1	½	1	1	13
6. Верлинский	½	0	0	0	1	×	0	1	0	1	0	½	1	1	0	½	1	1	1	1	1	1	12½
7. Лурье	1	0	0	1	½	1	×	½	0	½	0	1	0	1	0	½	1	1	½	1	1	1	12½
8. Шапиро	0	1	0	1	½	0	½	×	1	1	1	1	0	0	0	½	1	0	1	1	1	1	12½
9. Боголюбов	0	1	0	0	1	1	1	0	×	0	0	1	1	1	0	1	1	1	0	1	½	½	12
10. Куббель, А.	1	0	0	½	½	0	½	0	1	×	½	½	½	½	1	½	½	½	1	1	1	1	12
11. Романовский, А.	0	0	0	0	½	1	1	0	1	½	×	½	½	1	1	1	1	0	0	1	1	0	11
12. Лебедев	0	0	1	0	½	½	0	0	0	½	½	×	½	½	½	½	1	1	1	1	0	1	10
13. Малютин	0	½	1	½	½	0	1	1	0	½	½	½	×	1	1	0	½	0	0	0	1	½	10
14. Розенкранц	0	0	0	1	0	0	0	1	0	½	0	½	0	×	½	1	0	1	1	1	1	1	9½
15. Лист	0	1	0	0	0	1	1	1	1	0	0	½	0	½	×	1	0	1	0	0	1	0	9
16. Острогский	½	0	0	1	½	½	½	½	0	½	0	½	1	0	0	×	0	½	1	0	1	1	9
17. Косолапов	0	0	1	½	0	0	0	0	0	½	0	0	½	1	1	1	×	½	0	0	1	1	8
18. Френкель	0	0	0	½	0	0	0	1	0	½	1	0	1	0	0	½	½	×	1	+	0	1	8
19. Сурнин	0	0	0	0	0	0	½	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	×	1	0	1	7½
20. Эльяшов	0	0	1	1	½	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	1	—	0	×	0	0	6½
21. Евтифеев	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	0	1	0	0	0	0	0	1	1	1	×	1	5½
22. Констанский	0	0	½	½	0	0	0	0	½	0	1	0	½	0	1	0	0	0	0	1	0	×	5

На-ряду с гастролями русских шахматистов за-границей, следует упомянуть о приглашении иностранцев в Россию. Так, в 1913 году Россию посетил О. Дурас, который в то время выделился как первоклассный маэстро. С его участием в Петербурге был устроен небольшой матч, окончившийся с блестящим результатом для русских шахматистов:

Фамилии	1. Алехин	2. Левенфиш	3. Дурас	4. Зноско-Боровский	Итого
1. Алехин, А-р	×	0	1	1	2
2. Левенфиш	1	×	$1/2$	$1/2$	2
3. Дурас	0	$1/2$	×	$1/2$	1
4. Зноско-Боровский	0	$1/2$	$1/2$	×	1

Такой же небольшой турнир с участием Дураса был организован Московским Шахматным Кружком, который окончился с таким результатом:

Фамилии	1. Дурас	2. Павлов, Д.	3. Алехин А-й	4. Эстрин	5. Зубарев	6. Селезнев	Итого
1. Дурас	×	1	1	$1/2$	1	1	$4 1/2$
2. Павлов, Д.	0	×	1	1	0	1	3
3. Алехин, А-й	0	0	×	$1/2$	1	1	$2 1/2$
4. Эстрин	$1/2$	0	$1/2$	×	1	0	2
5. Зубарев	0	1	0	0	×	$1/2$	$1 1/2$
6. Селезнев, А.	0	0	0	1	$1/2$	×	$1 1/2$

Наиболее энергичное из всех шахматных обществ в России, Петербургское Шахматное Собрание в ознаменование своего десятилетнего юбилея, в январе 1914 года, решило созвать Всероссийский шахматный съезд по делу об организации Шахматного Союза и устройству различных состязаний: Всероссийского турнира любителей, маэстро, высших учебных заведений и, наконец, международного турнира.

Программа юбилейного комитета была полностью выполнена, и в феврале 1914 г. начат был всероссийский турнир любителей, который должен был выяснить кандидатов в турнир маэстро. Первый приз и звание маэстро получил Эвенсон ($6^1/_2$ очков). На турнир маэстро был допущен и второй призер Смородский (5), вместо отказавшегося Дуз-Хотимирского. Далее следовали Верлинский ($4^1/_2$), Ланглебен и Розанов ($3^1/_2$), Розенбаум (3), Розенталь ($1^1/_2$) и Гартман ($^1/_2$).

Конечно, больший интерес представлял Всероссийский турнир маэстро, первый призер которого получал право участия в международном турнире гросмейстеров. I и II призы разделили Алехин и Нимцович, которые после матча, окончившегося в ничью (каждый выиграл по одной партии), оба были допущены к участию на международный турнир. Как видно из таблицы, в турнире маэстро приняли участие, за исключением Дуз-Хотимирского, а также Бернштейна и Рубинштейна, непосредственно приглашенных на международный турнир, все русские маэстро и сильнейшие любители. По составу его следует признать наиболее удачным и сильным. Результаты его видны из таблицы (см. стр. 184).

Интересным по составу оказался и турнир высших учебных заведений. Участники его были разделены на 3 группы, и первые двое призеров составили турнир победителей, который окончился победой П. А. Романовского и Фреймана (4), далее следовали Голубев и Зверев (2), Мартыновский и Пухальский ($1^1/_2$). Первые призеры играли между собой матч, окончившийся победой Романовского. После проигрыша первой партии Фрейман отказался от продолжения матча.

В центре юбилейных торжеств Петербургского Шахматного Собрания стоял международный турнир, который

Фамилии	1. Алехин	2. Нимцович	3. Флямберг	4. Ловцкий	5. Левенфиш	6. Зноско-Боровск.	7. Смородский	8. Боголюбов	9. Эвенсон	10. Алапин	11. Сальве	12. Фрейман	13. Левитский	14. Таунбенгаус	15. Лебедев	16. Евтифеев	17. Грегори	18. Эльяшов	Итого
1. Алехин	×	1	1	0	1	1	½	0	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	13½
2. Нимцович . .	0	×	½	½	1	1	0	1	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	13½
3. Флямберг . .	0	½	×	1	½	0	1	1	1	½	1	1	1	½	1	1	1	1	13
4. Ловцкий . . .	1	½	0	×	½	0	0	1	1	1	½	½	1	1	1	½	1	½	11
5. Левенфиш . .	0	0	½	½	×	1	0	0	1	0	1	1	1	1	1	1	½	1	10½
6. Зноско-Боровский	0	0	1	1	0	×	½	1	0	½	½	1	0	½	1	1	1	1	10
7. Смородский .	½	1	0	1	1	½	×	½	0	½	0	1	1	0	½	1	1	½	10
8. Боголюбов . .	1	0	0	0	1	0	½	×	½	½	1	0	1	1	½	½	1	1	9½
9. Эвенсон . . .	0	0	0	0	0	1	1	½	×	0	½	1	1	1	0	1	1	1	9
10. Алапин	0	0	½	0	1	½	½	½	1	×	0	0	½	½	½	1	1	1	8½
11. Сальве	0	½	0	½	0	½	1	0	½	1	×	0	1	1	½	1	0	1	8½
12. Фрейман . . .	0	0	0	½	0	0	0	1	0	1	1	×	0	½	1	0	1	1	7
13. Левитский . .	0	0	0	0	0	1	0	0	0	½	0	1	×	1	1	1	0	1	6½
14. Таунбенгаус .	0	0	½	0	0	½	1	0	0	½	0	½	0	×	0	1	1	1	6
15. Лебедев . . .	0	0	0	0	0	0	½	½	1	½	½	0	0	1	×	0	1	0	5
16. Евтифеев . . .	0	0	0	½	0	0	0	½	0	0	0	1	0	0	1	×	1	½	4½
17. Грегори . . .	1	0	0	0	½	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	×	0	3½
18. Эльяшов . . .	0	0	0	½	0	0	½	0	0	0	0	0	0	0	1	½	1	×	3½

по программе организаторов отличался от обыкновенных международных турниров. К его участию приглашались только гросмейстеры, поэтому в нем отсутствовало несколько сильных иностранных шахматистов, как Шпильман, Видмар и др., и в то же время были приглашены значительно ослабевшие ветераны — Гунсберг, Блэкберн и Яновский. В виду отказа некоторых иностранных шахматистов от участия (Дураса, Тейхмана и Мароци), организационный комитет решил, чтобы одиннадцать его участников сыграли между собой по одной партии, а первые пять призеров образовали турнир победителей; последние должны были сыграть по две партии, при чем к результату последнего турнира присчитывались очки от первого турнира.

Результат общего турнира.

Фамилии	1. Капабланка	2. Ласкер	3. Тарраш	4. Алехин	5. Маршалль	6. Бернштейн	7. Рубинштейн	8. Нимцович	9. Блэкберн	10. Яновский	11. Гунсберг	Итого
1. Капабланка	×	½	½	1	½	1	½	1	1	1	1	8
2. Ласкер	½	×	½	½	½	0	1	½	1	1	1	6½
3. Тарраш	½	½	×	½	½	1	½	1	1	0	1	6½
4. Алехин	0	½	½	×	1	½	1	½	½	½	1	6
5. Маршалль	½	½	½	0	×	1	½	½	1	1	½	6
6. Бернштейн	0	1	0	½	0	×	½	½	½	1	1	5
7. Рубинштейн	½	0	½	0	½	½	×	½	½	1	1	5
8. Нимцович	0	½	0	½	½	½	½	×	0	½	1	4
9. Блэкберн	0	0	0	½	0	½	½	1	×	0	1	3½
10. Яновский	0	0	1	½	0	0	0	½	1	×	½	3½
11. Гунсберг	0	0	0	0	½	0	0	0	0	½	×	1

Результат группы победителей.

Фамилии	1. Ласкер	2. Капабланка	3. Алехин	4. Тарраш	5. Маршалль	Итого	Общий итог
1. Ласкер	×	½1	11	1½	11	7	13½
2. Капабланка	½0	×	½1	10	11	5	13
3 Алехин	00	½0	×	11	1½	4	10
4. Тарраш	0½	01	00	×	0½	2	8½
5 Маршалль	00	00	0½	1½	×	2	8

Петербургский международный турнир привлек внимание не только русских шахматистов, которые с разных концов России съезжались в Петербург, но и всего мира. Иностранные шахматные общества и газеты делегировали своих корреспондентов, в числе которых был престарелый Берн, участник Петербургского турнира 1909 года, председатель Германского Шахматного Союза, Гебгардт и многие другие.

Участие Ласкера, Капабланки, Рубинштейна естественно делало этот турнир исключительным, несмотря на участие значительно ослабевших 3-х ветеранов. Залы Петербургского Шахматного Собрания были переполнены шахматистами до крайней степени.

Петербургский международный турнир подводил итоги шахматной жизни в России. Актив был очень высок. Это было заметно по количеству русских шахматистов, имеющих звание маэстро, а также по тому оживлению, которое наблюдалось в разных концах России. И нет ничего удивительного в том, что в турнире, устроенном Германским Шахматным Союзом в Маннгейме, приняло участие внушительное число русских шахматистов (24 человека) и не только в турнире маэстро, а — редкое явление для русских шахматистов — в Hauptturnier'ах А и В и Nebenturnier'е. Во всех группах русские к моменту прекращения турнира, вследствие объявления войны, занимали высокие места.

* * *

Всероссийский шахматный съезд, созванный по почину Петроградского Шахматного Собрания, вынес, наконец, решение об организации Всероссийского Шахматного Союза.

Мы знаем из предыдущего, что еще в 1885 году Чигорин на страницах редактируемого им „Шахматного Вестника" впервые заговорил об организации Союза. Но уже тогда Чигорин наткнулся на многочисленные препятствия, которые он не в силах был преодолеть. Его мысль подхватили шахматные журналы „Шахматное Обозрение" и „Шахматный Журнал" и пытались кое-что сделать в этом направлении, но все их попытки оказались тщетными,

Нет сомнений, что шахматная жизнь в начале XX века била ключом. Устройство всероссийских и международных

турниров еще больше увеличивало представление, что русское шахматное искусство стоит на должной высоте. Однако, нельзя обойти молчанием элемента случайности в организации всех турниров. Турниры, какого бы характера они ни были, устраиваются случайно, только благодаря энергии того или иного шахматного общества. Поэтому всероссийские турниры происходят с большими перерывами, а не ежегодно, как в Западной Европе. Точно так же нельзя не отметить, что шахматные общества в разных концах России закрываются одно за другим, чтобы возникнуть через некоторое время благодаря инициативе отдельных шахматистов.

В 1913 году, наконец, образовалось временное центральное бюро Всероссийского Шахматного Союза, которое во главе с Б. Е. Малютиным энергично взялось за создание Союза. Главное затруднение заключалось в регистрации устава Союза, которая зависела от „Петербургского городского по делам об обществах присутствия“. При внесении устава Городское присутствие весьма недвусмысленно дало понять, что в регистрации его будет отказано, если учредители не переработают устав в желательном для Присутствия смысле, хотя устав был написан согласно действующим правилам 1906 года „о союзах и обществах“. Учредителям предлагалось из § 2 исключить упоминание о „поддержке выдающихся игроков“ на том основании, что она является видом взаимопомощи; весьма курьезна была придирка к §§ 37 и 38 о вступлении в Союз по одному общему заявлению, что приравнивалось к действиям „скопом“. Объявлялось также „недопустимым“ созыв общего собрания раз в три года, а не ежегодно. И, конечно, было категорически воспрещено быть членами Союза учащимся. Будучи уверены, что устав все равно не будет утвержден, учредители обратились непосредственно в министерство внутренних дел, что привело к положительным результатам, хотя министерство внесло поправку о переименовании Союза в Общество и другие менее существенные изменения. Но все-таки, благодаря задержке, пришлось отложить учредительное собрание Союза, намеченное на январь 1914 года и приуроченное к юбилею Петербургского Шахматного Собрания. На учредительном собрании, состоявшемся в апреле 1914 г., был заслушан и утвержден устав Общества. К этому времени Общество насчитывало

65 единичных членов и около 800 групповых, образующих 22 местных отделений.

В правление были избраны: П. П. Сабуров — председатель, Б. Е. Малютин — секретарь, Ю. О. Сосницкий — заведывающий издательством, В. Н. Пашковский — казначей, С. О. Вайнштейн и В. А. Чудовский — секретари. В Совет были избраны: О. С. Бернштейн, М. Н. Бостанжогло, Е. П. Демидов Сан Донато, Н. И. Максимов, К. М. Манакин, А. Л. Омелянский, Н. Н. Письменный, С. З. Розенблат, Л. К. Стемповский и Н. С. Терещенко.

Деятельность Всероссийского Шахматного Общества должна была проявляться в следующих направлениях: 1) устройство в разных городах России шахматных турниров, как международных, так и всероссийских; 2) издательская деятельность, и 3) распространение шахмат в провинции; оживлению провинциальной жизни должны были бы способствовать регулярные гастроли русских маэстро по разным городам России.

Всероссийский Шахматный Союз взялся очень энергично за проведение намеченного плана. На 1916 год был назначен съезд в Москве, где предполагалось устройство нескольких турниров. В выпущенных им 25 июня 1914 г. „Известиях Всероссийского Шахматного Общества“ объявлялся конкурс задач для членов общества, а также турнир по переписке. В особенности для дела распространения шахмат в провинции ценны были в „Известиях“ юридические указания, которыми следует руководствоваться при открытии шахматных клубов. Нельзя забывать того важного обстоятельства, что полицейская власть в провинции чинила всякие препятствия шахматистам при их желании организовать шахматные объединения. Наконец, им был поднят вопрос о создании Международного Шахматного Союза, что нашло поддержку у председателя Германского Шахматного Союза, находящегося в то время в Петербурге.

* *
*

Распространение шахмат в России ставило вопрос о необходимых руководствах для изучения шахматной игры. Прежние руководства ни в какой степени не могли удовлетворять потребностям русских шахматистов, за исключением

разве переводной книжки Ж. Дюфрена. К сожалению, несмотря на большой спрос, русские шахматисты так и не дождались удовлетворительного руководства. Обходя молчанием безграмотное во многих отношениях, наполненное многочисленными ошибками, „Руководство к изучению шахматной игры", составленное в 6 выпусках А. Е. Приком, нам следует остановиться на „Самоучителе шахматной игры" Э. С. Шифферса и „Кратком учебнике шахматной игры" А. Ф. Гончарова. Самоучитель Шифферса вполне соответствует своему назначению, так как он представляет собой сборник партий, расположенных по дебютам, так что теоретические познания приобретаются на анализе партий. Однако, выбор партий и примечания к ним, нередко перепечатанных из газетных шахматных отделов, с сохранением полемических выводов, вызывают недоумение. Тем не менее, „Самоучитель" Шифферса выдержал до революции 5 изданий, что указывает на популярность этого учебника. Наоборот, толково составленный учебник Гончарова, одного из виднейших теоретиков начала XX века, не имел такого успеха.

Нельзя не отметить также популяризацию шахматной игры через шахматные отделы газет и журналов, главным образом петербургских и московских. Ведение отделов поручается виднейшим русским шахматистам. Лучшие шахматные отделы были в „Речи", „Современном Слове", под редакцией Малютина, а затем Левенфиша, в „Дне", под редакцией Дуз-Хотимирского, „Ниве", под редакцией Зноско-Боровского, и другие.

Хуже обстояло дело с постоянным шахматным журналом. Единственный на всю Россию журнал „Шахматное Обозрение" прекратил свое существование еще в 1904 г. И до 1909 г. никаких журналов не выходило. В апреле 1908 года Зноско-Боровский вместе с Н. И. Максимовым предполагали издавать ежемесячный шахматный журнал под названием „Вестник шахматной жизни", однако это предприятие не было осуществлено. Зато в 1909 году в связи с международным турниром в Петербурге возобновляет свою деятельность „Шахматное Оборзение", которое вновь прекращается в 1910 году. Издаваемый благодаря энергии редактора-издателя П. Боброва, он за смертью его больше уже не возобновляется. Снова 3 года шахматисты остаются без посто-

янного шахматного органа, пока, благодаря энергии и материальным затратам Алексея Алехина в 1913 году, начинает функционировать „Шахматный Вестник“, продолжавший выходить и в годы войны, когда уже замирала шахматная жизнь. На 20-м номере в 1916 году „Шахматный Вестник“ закрылся.

* *
*

Война 1914 года в корне подорвала шахматную жизнь в России. Часть игроков была интернирована в Германии, наиболее выдающиеся остались в оккупированных немцами областях. В Петрограде и Москве, а также в некоторых городах провинции, шахматные клубы были реквизированы под лазареты. Помимо того, общественная жизнь потекла по тому руслу, которое исключало всякую возможность отдавать энергию и силы шахматному искусству. Политические события 1917 года еще более отвлекли от шахматной игры. И даже в Петрограде и Москве в это время можно наблюдать лишь весьма незначительные и, большей частью, случайные шахматные состязания. Наиболее крупным состязанием в годы войны было устройство в октябре 1915 года в Москве турнира игроков 1-й категории с участием Алехина и Ненарокова, который окончился со следующим результатом: Алехин — $10^1/_2$, Ненароков — $8^1/_2$, Иорданский — 8, Зубарев и Г. И. Рабинович — 7. Григорьев — $5^1/_2$, Герцык и Целиков — $4^1/_2$, Перельцвейг — 3, Александров и Назаровский — $2^1/_2$. Всероссийское Шахматное Общество, с таким трудом организовавшееся, вынуждено было свести до минимума свою деятельность не только в виду создавшейся обстановки, но и вследствие нахождения в плену наиболее энергичных его руководителей: Б. Е. Малютина и С. О. Вайнштейна. Даже возвращение в 1915 году Малютина не способствовало возрождению Общества. Достаточно указать на то, что за неимением средств Общество вынуждено было выпустить № 2 своих „Известий“ на страницах журнала „Шахматный Вестник“, что вполне понятно, так как в 1916 году членские взносы уплатило только 40 человек. Главная деятельность Общества за время войны выразилась в хлопотах по освобождению русских шахматистов из германского плена и оказанию им материальной помощи.

* *
*

Мы проследили в общих чертах историю развития шахматных организаций от смерти Чигорина до революции 1917 года, когда в силу общественных условий замерла шахматная жизнь в России. Из предыдущего мы видели, как непрерывно росла шахматная жизнь в России. И на фоне этой жизни выделяется фигура одного из виднейших шахматистов не только России, но и всего мира — А. К. Рубинштейна. С этим именем связана „эпоха“ в истории развития шахматного искусства в России. Поэтому нам следует несколько подробно осветить жизнь и деятельность этого замечательного шахматиста.

Акиба Кивелевич Рубинштейн родился в Польше (м. Стависки, Ломжинской губ.) в сентябре 1887 г.

С шахматной игрой он познакомился совершенно случайно в Белостоке, куда переехала его семья, довольно поздно, 18 лет от роду. Увлеченный игрой, он, не умея еще читать по-русски, купил маленький учебник на древне-еврейском языке Зосница, в котором были помещены несколько задач и партии I Парижского турнира 1867 года. Рубинштейн выучил этот учебник наизусть, но, конечно, содержание его ни в коей мере не могло его удовлетворить. К тому же у него не было партнеров, которые могли бы помочь ему в изучении теории игры. Как-то в одном книжном магазине он среди кучи хлама нашел груду шахматных книг и журналов на русском и иностранных языках. Основательно проштудировав случайно найденные им книги, Рубинштейн познакомился с основными принципами игры, усвоив хорошо несколько дебютов. Скоро ему представилась возможность определить свою практическую силу. В кондитерской Штейна, где собирались белостокские шахматисты, он встретился с известным русским любителем Г. Г. Бартошкевичем, от которого он получал коня вперед. Первый опыт серьезной игры окончился неудачей для молодого шахматиста, и он неизменно проигрывал партию за партией. Но настойчивость и любовь к изучению шахматной игры, которая проявлялась у Рубинштейна уже в раннем возрасте, увенчались успехом, и он уже на равных стал выигрывать у Бартошкевича.

Однако, главное значение для Рубинштейна имел его переезд в 1903 году в Лодзь, где жил Сальве, тогда уже сильнейший игрок России, с которым он сыграл множество легких партий с переменным успехом. Открывшееся в этом году Лодзинское общество любителей шахматной игры, в виду прогрессирующих успехов Рубинштейна, организовало матч между ним и Сальве, который окончился в ничью. Этот успех окончательно определил жизненную карьеру Рубинштейна, и он с этого года становится шахматистом-профессионалом, участвуя во всех всероссийских и многочисленных международных турнирах. Осенью 1903 года Рубинштейн участвует в III Всероссийском турнире в Киеве, в котором он добивается V приза. Для 21-летнего шахматиста это было, без сомнения, большим шагом вперед. Участвуя в турнирах-гандикапах и матч-турнирах, устраиваемых Лодзинским обществом, Рубинштейн неизменно добивается первых или вторых призов.

На очереди снова встал вопрос о первенстве Рубинштейна и Сальве, который в 1904 году был разрешен матчем из 10 партий, выигранным Рубинштейном с результатом $+6^1/_2 - 3^1/_2$. После этого матча Лодзинское общество командирует его в качестве своего представителя на Hauptturnier в Бармен, где он вполне оправдывает возлагавшиеся на него надежды. Вместе с О. Дурасом он делит I и II призы и, таким образом, получает звание маэстро, которое он блестяще подтверждает дальнейшими успехами. В Лодзи он выигрывает 3 партии у Мизеса, которого пригласило местное Общество.

В 1906 году Рубинштейн участвует в IV Всероссийском турнире и делит с Блюменфельдом II — III призы, не проиграв ни одной партии, а в матч-турнире в том же году в Лодзи он берет первый приз, выше Чигорина, Сальве и других. В этом же году Рубинштейн впервые принимает участие в большом 2-м международном турнире маэстро в Остенде и завоевывает 3-й приз, ниже Шлехтера и Мароци но выше Бернштейна, Берна, Тейхмана, Маршалля, Яновского и других. В Карлсбадском международном турнире 1907 года мы видим Рубинштейна уже первым призером, выше Мароци, Леонгардта, Нимцовича, Шлехтера, Видмара. Дураса, Тейхмана и др., т.-е. почти всех первоклассных иностранных

шахматистов. Относительный неуспех в Венском (1908 г., ниже Дураса, Мароци и Шлехтера, но выше Тейхмана, Шпильмана, Тартаковера, Перлиса и др.) и Пражском (1908 г., ниже Дураса, Шлехтера и Видмара и выше Тейхмана, Мароци, Леонгардта, Маршалля и др.) международных турнирах, в которых Рубинштейн добивается лишь четвертого приза. сменяется блестящим успехом в Петербургском международном турнире (1909 г.), в котором он вместе с Ласкером делит I и II призы. В этом турнире Рубинштейн далеко опередил своих противников, имея 14½ из 18, т.-е. 81% Принимая во внимание состав участников, процент выигранных партий следует признать очень высоким, которого достигали лишь очень немногие шахматисты.

В шахматной прессе все определеннее и настойчивее проводится мысль о новом претенденте на мировое первенство и о желательности матча между ним и Ласкером. К тому же Рубинштейн выиграл у Ласкера турнирную партию в Петербургском турнире, в которой он очень тонко провел конец ее. Недаром Тартаковер признает этот выигрыш исторической победой.

Участие в 1911 году в двух международных турнирах (1-й Сан-Себастьянский и 2-й Карлсбадский) доставили ему только II — III призы. В Сан-Себастьяне он вместе с Видмаром становится ниже Капабланки (у которого он выиграл партию) и выше Маршалля и др. В Карлсбаде вместе с Шлехтером, уступая первый приз Тейхману, он становится выше Ротлеви, Нимцовича, Маршалля, Видмара, Алехина, Дураса и др.

1912-й год приносит Рубинштейну необыкновенный успех. В течение этого года он завоевывает первый приз в 3-х международных турнирах и Виленском турнире маэстро. Успех колоссальный, принимая во внимание столь частое участие в сильных по составу международных турнирах. Во 2-м международном турнире в Сан-Себастьяне Рубинштейн оставляет позади себя Нимцовича, Шпильмана, Тарраша и др.; в Бреславле вместе с Дурасом он становится выше Тейхмана, Шлехтера, Тарраша, Маршалля, Шпильмана и др. Наибольший успех выпал на его долю в 1-м международном турнире в Пестьене, в котором он выигрывает 82% партий, оставляя позади себя Шпильмана, Маршалля, Дураса, Шлехтера, Тейхмана и др.

Точно с таким же успехом играет Рубинштейн в матчах. Еще в 1908 году он выигрывает два матча у Маршалля (+3—2=3; +4—3=1), в том же году у Сальве (+3—1=4), в 1909 году у Мизеса (+5—3=2) и в 1910 году у Флямберга (+4—0=1). Незначительный перевес можно объяснить тем, что все матчи происходили в то время, когда Рубинштейн не достиг еще своей силы.

Успехи Рубинштейна в международных турнирах (6 первых призов с 1907 по 1911 г. г.) поставили на очередь его матч с Ласкером на мировое первенство. Сам Ласкер вполне признавал, что Рубинштейн является его соперником, имеющим фактическое право оспаривать у него мировое первенство. Однако, война 1914 года, а затем новые обстоятельства, в корне изменившие вопрос о праве Рубинштейна на матч с Ласкером, помешали его организации.

Международный турнир гросмейстеров 1914 года в Петербурге приносит совершенно неожиданно для всех и для самого Рубинштейна поражение, которое оказалось для него роковым во многих отношениях. Если кто-либо и мог сомневаться, что Рубинштейн займет первое место, то никто не мог ожидать, что он не попадет в число 5 призеров, которые должны были образовать турнир победителей. Капабланка, например, высказывался в том смысле, что он считает вероятным победителем Рубинштейна, который давно готовился к Петербургскому турниру. Тарраш в своих корреспонденциях писал, что неуспех Рубинштейна является сенсацией турнира. И действительно, никогда Рубинштейн не становился так низко, набрав всего 50% выигранных партий (+2—2=6). В том же приблизительно смысле высказался в беседах с корреспондентами газет и Ласкер.

После войны Рубинштейн выступает уже не как представитель России, а Польши. Отметим, что от удара, нанесенного ему Петербургским турниром, Рубинштейн уже не оправился. Успехи его значительно потускнели, и из маэстро, претендующего на звание чемпиона мира, он низводится в число шахматистов 1-го класса. Правда, ему иногда удается блеснуть стариной. Международный турнир в Вене (1922 г.) дарит ему первый приз, выше Тартаковера, Вольфа, Алехина, Мароци, Тарраша, Грюнфельда и др. С большим успехом сыграл он в Баден-Бадене (1925 г.), получив второй

приз, ниже Алехина и выше Земиша, Боголюбова, Маршалля, Тартаковера и др., а также в том же году в Мариенбаде, где он делит с Нимцовичем I—II призы, выше Маршалля, Торре, Тартаковера и др. Наконец, отметим выигрыш матчей у Шлехтера (1918 г. +2—1=3) и Боголюбова (1920 г. +5—4=3). Но все эти успехи сменяются невиданными для него до сих пор поражениями, как, например, в 3-м международном турнире в Карлсбаде (1923 г.) и в Остраве Моравской (1923 г.), в которых Рубинштейн набирает немногим больше 40% выигранных партий. Эти неуспехи, а также неудача в Московском международном турнире (1925 г.) указывают, что Рубинштейн уже ни в какой степени не может вернуть своей прежней силы. Его вызов на Капабланке, хотя и принят последним, но никто уже не верит в осуществление этого матча. Не был приглашен Рубинштейн и на Нью-Иоркский международный турнир (март 1927 г.), который должен был выявить претендента на матч с чемпионом мира. Можно оспаривать неприглашение или приглашение тех или иных игроков, но то обстоятельство, что Рубинштейна мы не видим даже в числе кандидатов — симптоматично. Рубинштейн потерял фактическое право на оспаривание титула шахматного короля, хотя он и попрежнему остается опасным противником в турнирах, выдвигаясь даже в число первых призеров, как напр., в Берлине (1926 г.— II приз после Боголюбова) и в Лодзи (апрель-май 1927 г.—I приз).

Большинство склонно видеть причину неуспехов Рубинштейна в войне 1914 года, нарушившей нормальный ход шахматной жизни и оторвавшей надолго его от практической игры. Как пишет Тартаковер („Ультра-современная шахматная партия“, ч. II), „предполагают, что на него повлияли угнетающе последствия военного психоза, отчего его игра, правда, приобрела еще большую остроту, однако, шахматное мышление его стало несколько менее ясным“. Тартаковер отчасти видит неуспех Рубинштейна и в том, что он „раскрыл в учебнике Collijn'а многие из своих теоретических секретов и после этого имел мужество применять на практике изложенные там варианты против им же наученных противников“. Не отвергая этих второстепенных причин, можно считать наиболее вероятным, что Рубинштейн пал жертвой новых идей в шахматах. И, может-быть, не так

уже парадоксально звучат слова Тартаковера, что Рубинштейн „играет теперь сильнее, чем когда-либо, только это мало помогает, когда другие... играют еще сильнее“.

Время наибольшего расцвета творчества Рубинштейна совпадает с торжеством идей позиционной школы.

В предыдущий главе мы видели, как постепенно проникают в шахматную игру принципы, впервые провозглашенные Стейницем, т.-е. так называемой новой школой, завершителем которой явился Тарраш. Мы видели, как безуспешно боролся с новой школой Чигорин. Новые идеи проникли также в Россию и именно в тот момент, когда постепенно угасал талант Чигорина. Одним из виднейших представителей новой школы в России являлся Рубинштейн, всецело воспринявший принципы игры Тарраша, того направления, которое более известно под названием позиционной школы. Вооруженный идеями позиционной игры, Рубинштейн одерживает не мало побед. Техника игры доводится им до виртуозности, и поэтому Рубинштейном блестяще используется всякое позиционное преимущество. Им обнаруживается великое умение нащупывать минимальные позиционные слабости у противника, и путем искусного маневрирования он превращает небольшие слабости противника, быть-может, незаметные для заурядного шахматиста, в преимущество, которое достаточно ему для выигрыша. В особенности это замечается у Рубинштейна в эндшпилях, главным образом ладейных. Достаточно для этого припомнить его партии против Ласкера (Петербург, 1909 г.) и Капабланки (Сан-Себастьяно, 1911 г.), которые являются замечательными образцами его шахматного творчества. Тартаковер писал про Рубинштейна, что он „это ладейный конец начатой богами тысячи лет назад шахматной партии“. Этот афоризм Тартаковера, как видим, находит полное обоснование в творчестве Рубинштейна.

Но не только в ладейных концах проявляются позиционные идеи у Рубинштейна. От начала до конца его партии проникнуты одной идеей, исходящей от логического мышления. Совершенно прав Рети, когда говорит, что партии Рубинштейна производят впечатление грандиозной постройки, в которой нельзя передвинуть ни одного камня. И действительно, возьмем партии Рубинштейна, которые он

не методически выигрывает, пользуясь минимальными материальными преимуществами, а проводит комбинацию, рассчитанную на многочисленные жертвы. В этом отношении очень характерна партия его с Ротлеви, игранная на V Всероссийском турнире в Лодзи (1907 г.) [1], где черные (Рубинштейн) блестяще использовали потерю двух темпов на 10-м ходе противника. Небольшая слабость в позиции противника достаточна Рубинштейну, чтобы провести с 18-го хода блестящую комбинацию. Конец партии, в котором у Рубинштейна из 5 фигур 4 находятся под ударом и ни одна не защищена, тесно связан единой органической идеей с началом партии.

* * *

В игре Чигорина и Рубинштейна нет никаких точек соприкосновения, однако оба они невольно ассоциируются в одном представлении. На голове того и другого шахматный мир уже видел сияние шахматной короны, и оба они не оправдали надежд и стремлений, связанных с первоначальными их успехами. Сначала появился Чигорин, защищающий идеи Андерсена и Морфи, но он был побежден дважды Стейницем, олицетворявшим собой новую школу. Рубинштейн был вооружен „до зубов“ принципами новой школы—Стейниц и Тарраш,—и он был побежден „ультра-современной“ школой, т.-е. как раз той, принципы которой коренятся в чигоринских идеях. И Чигорину и Рубинштейну наносит поражение Петербург, где в турнирах оба игрока не оправдали возлагавшихся на них надежд всего шахматного мира.

* * *

В этом обзоре мы коснемся в немногих словах жизни тех русских шахматистов, главная деятельность которых хронологически падает на данный период, т.-е. со смерти

---

[1] Ротлеви (белые)—Рубинштейн (черные): 1. d2—d4 d7—d5 2. Kg1—f3 e7—e6 3. e2—e3 c7—c5 4. c2—c4 Kb8—c6 5. Kb1—c3 Kg8—f6 6. d4 : c5 Cf8 : c5 7. a2—a3 a7—a6 8. b2—b4 Cc5—d6 9. Cc1—b2 0—0 10. Фd1—d2 Фd8—e7 11. Cf1—d3 d5 : c4 12. Cd3 : c4 b7—b5 13. Cc4—d3 Лf8—d8 14. Фd2—e2 Cc8—b7 15. 0—0 Kc6—e5 16. Kf3 : e5 Cd6 : e5 17. f2—f4 Ce5—c7 18. e3—e4 Лa8.—c8 19 e4—e5 Cc7—b6+20. Kpg1—h1 Kf6—g4 21. Cd3—e4 Фe7—h4 22. g2—g3 Лc8 : c3 23. g3 : h4 Лd8—d2 24. Фe2 : d2 Cb7 : e4+ 25. Фd2—g2 Лc3—c2. Сдался.

Чигорина до войны и революции. В первую очередь следует упомянуть о талантливом, часто соперничающем с Рубинштейном, О. С. Бернштейне. Он родился в 1882 году в Житомире, где впервые познакомился с шахматной игрой. Интересы его были сосредоточены не только на практической игре, но и в области задачного искусства, так что изредка он посылал свои произведения в печать. В 1901 году он принимает участие в III Всероссийском турнире в Киеве, где получает II приз после Чигорина. Этот успех определил его дальнейшую шахматную карьеру. Учась за границей, он решился выступить в международном турнире и в 1904 году вместе с Чигориным в Кобурге делит IV — V призы — успех несомненный для молодого шахматиста. В следующем году он участвует в международном турнире в Бармене, устроенном Германским Шахматным Союзом, и вместе с Шлехтером делит IV — V призы, ниже Яновского, Мароци и Маршалля, но выше Бергера, Иона, Леонгардта, Чигорина, Вольфа и др. Дальнейшие его успехи таковы: 2-й международный турнир в Остенде (1906 г.) IV — V призы, ниже Шлехтера, Мароци, Рубинштейна, выше Маршалля, Яновского, Перлиса и др.; в следующем году там же с Рубинштейном он делит I — II призы. На международном турнире в Петербурге (1909 г.) Бернштейн получает V приз (выше его Ласкер, Рубинштейн, Дурас и Шпильман; ниже Тейхман, Перлис, Кон, Шлехтер и др.). В Сан-Себастьяне (1911 г.) он занял 8-е место, в Виленском турнире маэстро (1912 г.) — II приз и, наконец, в Петербургском турнире (1914 г.) Бернштейн делит с Рубинштейном 6-е — 7-е место.

Переехав в Москву, Бернштейн принимает деятельное участие в московской шахматной жизни вплоть до войны, по окончании которой он переезжает на постоянное жительство в Берлин. В настоящее время он не участвует совершенно ни в каких турнирах.

До войны представителем от России выступал А. И. Нимцович. В виду того, что его шахматное творчество особенно рельефно вырисовалось лишь за последние годы, главным образом, как виднейшего теоретика „гипермодернизма“, мы кратко упомянем о его главнейших достижениях до войны: Остенде (1907 г.) III — IV, Сан-Себастьяно (1910 г.) — V, Сан-Себастьяно (1912 г.) II — III, Вильна

(1912 г.) — IV, Всероссийский турнир в Петербурге (1914 г.) I — II.

Однако, недаром считают Нимцовича „отцом гипермодернизма“. Еще в то время, когда безраздельно царствовала позиционная школа, Нимцович выступил как смелый новатор шахматной игры, как представитель „футуристического“ направления в шахматах. Уже тогда им были осознаны те идеи, которые он впоследствии обосновал в книге „Моя система“.

А. И. Рабинович родился в 1878 году. Впервые выступил в III Всероссийском турнире, где сыграл, однако, неудачно (XI—XII место с Шифферсом). Участвовал два раза в международных турнирах: в Праге (1908 г.) и Карлсбаде (1911 г.), где также не имел больших успехов. Лучшего результата добился в Виленском турнире (1909 г.), где разделил с Фрейманом II — III призы после Рубинштейна. Уже после революции на Олимпиаде 1920 г. он делит с Н. Д. Григорьевым и А. И. Куббелем V — VII, призы, а в IV Всесоюзном турнире становится сразу за призерами.

В. М. Блюменфельд известен в шахматном мире давно. Научившись с раннего возраста шахматам (8—9 лет), Блюменфельд уже 17 лет берет приз в Либаве на турнире местных игроков. Переселясь в Берлин, где он учился в университете, он в 1903 — 4 году участвует в местном турнире маэстро и получает V приз. Большого успеха он достиг в IV Всероссийском турнире, разделив с Рубинштейном II—III призы. После этого следует значительный перерыв в его шахматной деятельности, которая возобновляется уже после революции: участие в Олимпиаде (8-е место) и в чемпионате Москвы (1925 г.) — II — III место с Верлинским.

Блюменфельд известен также и как теоретик. Главнейшие его теоретические изыскания относятся к шотландской партии и в особенности к ферзевому гамбиту.

Ф. И. Дуз-Хотимирский является одним из немногих русских шахматистов, наиболее часто принимавшим участие в международных турнирах до войны 1914 года. Родился он в 1881 году. С шахматной игрой познакомился по популярному руководству Дюфрена в 1898 г. и меньше чем через год берет I приз в турнире игроков 1-й категории Киевского Шахматного Общества. В многочисленных

турнирах, устраиваемых этим обществом, Дуз всегда занимал первые места. Однако, во II и III Всероссийских турнирах сыграл неудачно. В IV Всероссийском турнире Дуз-Хотимирский разделил с Избинским и Розенкранцем VIII приз. Участие в международных турнирах сопровождалось для Дуза средним успехом. Так в Карлсбаде (1907 г.), он делит с Маршаллем XI — XII призы, в Праге (1908 г.) становится сразу за призерами, в Петербурге (1909 г.), хотя занял 13-е место, однако произвел сенсацию и получил специальный приз за выигрыш у двух первых призеров (Ласкер и Рубинштейн), в Гамбурге (1910 г.) он делит с Алехиным VII — VIII призы.

После революции деятельность Дуза выражалась в участии главным образом во всесоюзных чемпионатах. Петроград (1923 г.) III — V призы с Богатырчуком и Ненароковым, Москва (1924 г.) X — XI место и Ленинград (1925 г.) — V приз. В Московском международном турнире сыграл неудачно, не набрав и $^1/_3$ выигранных партий.

Е. А. Зноско-Боровский, в настояшее время проживающий за границей, выделился в турнирах Александровского лицея и игроков 1-й категории Петербургского Шахматного Общества. В III Всероссийском турнире разделяет с Ловцким VI — VII призы, а в IV Всероссийском турнире — IV приз. Будучи маэстро Петербургского Шахматного Собрания, командируется им на большой международный турнир в Остенде (1907 г.), где разделяет с Коном и Шпильманом XII — XIV призы и добивается звания маэстро. В 1909 г. без успеха играет в Петербургском международном турнире, но в 1914 г., в турнире русских маэстро, завоевывает VI приз. Большая заслуга Зноско-Боровского заключается в деле организации Петербургского Шахматного Собрания и агитации в пользу создания Всероссийского Шахматного Союза. С 1908 года становится редактором шахматного отдела в „Ниве“, который он поставил на должную высоту. Помимо того, ему принадлежит ряд книг, посвященных теории игры и несколько биографических этюдов.

С. М. Левитский родился в 1876 г. и уже с 11 лет начал усердно играть в шахматы и настолько успешно, что „Шашечница“ помещает его партии. Переезд в Москву сыграл большое значение для его успехов, и на I Всерос-

сийском турнире Левитский добивается III приза, после Чигорина и Шифферса. Менее удачно он сыграл на III Всероссийском турнире, где становится за призерами (8-е место). С таким же результатом он сыграл в IV Всероссийском турнире. В 1911 году на турнире любителей в Петербурге Левитский получает первый приз и добивается звания маэстро, которое он подтверждает на международном турнире в Бреславле (1912 г.). Еще до этого Левитский успешно сыграл в Виленском турнире маэстро, где берет III приз.

В 1914 году Левитский в Всероссийском турнире сыграл без успеха. Со времени войны он совершенно отошел от шахмат и от шахматной жизни, проживая в глуши в Екатеринбургской губ. (Ниж.-Тагильский завод).

В 1923 году он принял приглашение Всероссийского Шахматного Союза принять участие во II Всесоюзном турнире, но по прибытии в Петроград Левитский тяжко заболел и в скором времени умер у себя на Урале.

В. И. Ненароков родился в Москве в 1880 году. Студентом Московского университета он принимает живейшее участие в многочисленных турнирах, устраиваемых московскими шахматными кружками. Уже на I Всероссийском турнире в 1899 г. он делит с Гельбаком VI — VII призы. Еще большего успеха достигает Ненароков во II Всероссийском турнире, где он добивается V приза. С большим успехом выступает Ненароков в московских чемпионатах, причем в 1900 году берет первый приз. Также успешно играет Ненароков в матчах: в 1905 году он выигрывает матч у Дуз-Хотимирского (+5—3=1), а в 1908 г. у Алехина (+3—0). Допущенный в Петербургский международный турнир 1909 г., Ненароков, однако, выходит из него после 4-го тура, выиграв одну партию, проиграв две и одну сведя в ничью. С этих пор Ненароков не участвует более ни в одном серьезном состязании. После революции он выигрывает два раза чемпионат Москвы (1921 и 1924 гг.), после матча с Н. Д. Григорьевым, и принимает участие во II (III—V призы), III (VI—VIII призы) и IV Всесоюзных турнирах (без приза).

А. А. Смородский до выступления в Всероссийском турнире любителей в Петербурге (1914 г.) был малозаметным игроком 1-й категории, однако успех в этом турнире (второй приз после Эвенсона) выделяет его в число силь-

нейших русских любителей. Допущенный в Всероссийский турнир маэстро (1914 г.) он оправдывает возлагавшиеся на него надежды и разделяет с Зноско-Боровским VI—VII призы, при чем достигает против первых призеров прекрасного результата (ничья с Алехиным и выигрыш у Нимцовича). После этого турнира совершенно отходит от шахмат. Выступив после многолетнего перерыва в Москве на III Всесоюзном турнире, он играет весьма неудачно, что объясняется долголетним отсутствием практики.

Наконец, к числу русских шахматистов, главнейшая деятельность которых относится к обозреваемому нами периоду, мы причисляем С. Н. Фреймана, проживающего в настоящее время в Туркестане. Участвуя во многих турнирах Петербургского Шахматного Собрания и высших учебных заведений, Фрейман скоро выделяется, как сильнейший игрок 1-й категории, а выигрышем матча у Зноско-Боровского добивается звания маэстро, которое подтверждает на международном турнире в Кельне (1911 г.). Кроме того, Фрейман участвовал на гамбитном турнире в Аббации, достигнув среднего успеха. Участие в Виленском турнире маэстро (1912 г.) и Петербургском (1914 г.) не принесло успеха Фрейману. После 1914 года он возвращается к серьезной шахматной игре в 1924 г., когда принимает участие в III Всесоюзном турнире, но играет неудачно. Большего успеха он достигает в IV Всесоюзном турнире, однако, обстоятельства вынуждают его выйти из турнира после 12-го тура (+2 — 4 = 6). В настоящее время Фрейман принимает деятельное участие в организации шахматной жизни Туркестана, участвуя иногда в местных турнирах.

Перечисленными лицами не исчерпывается список сильнейших русских шахматистов, связанных с шахматной жизнью в начале нашего столетия. Можно указать еще на ряд шахматистов, умерших или до сих пор принимающих участие в шахматной жизни в СССР, в свое время много сделавших для развития шахматного искусства в России. Из них назовем следующих: А. Д. Флямберг, М. А. Ловцкий, Б. О. Грегори, Г. А. Ротлеви, А. М. Эвенсон, П. А. Евтифеев, С. К. Избинский, Б. Е. Малютин, Г. А. Гельбак, В. А. Омелянский, К. В. Розенкранц, А. А. Романовский, А. Ф. Гончаров, С. Ф. Лебедев, А. М. Левин и др.

Глава VII.

Шахматы в СССР.

Гражданская война и связанная с ней экономическая разруха разрушили все шахматные организации. Кое-где шахматисты собирались на частных квартирах и устраивали небольшие турниры, большей частью не доводившиеся до конца. Всероссийское Шахматное Общество ничем не могло проявить свою деятельность, и вследствие этого связь с провинцией была потеряна. Наступили тяжелые годы для русского шахматного искусства. И, казалось, что в годы „военного коммунизма“ нельзя будет и мечтать о каком бы то ни было турнире, тем более, что пути сообщения находились в таком состоянии, что едва ли представлялась возможность собрать шахматистов из других городов. Но инициатива и энтузиазм побеждают все препятствия. Таким энтузиастом в голодные годы явился А. Ф. Ильин-Женевский, сделавший все возможное чтобы, если не возродить шахматную жизнь, то хотя бы оживить ее. Он нашел горячую поддержку в Московском шахматном кружке, который во главе с Н. Д. Григорьевым подавал еще некоторые признаки жизни. Благоприятным обстоятельством являлось политическое и общественное положение А. Ф. Ильина-Женевского. Он занимал пост главного комиссара Центрального Управления Всевобуча. И чисто-военным порядком были предприняты первые организационные шаги. Во все окружные управления Всевобуча рассылаются приказы с требованием командировать сильнейших шахматистов в Москву для участия в турнире. И в порядке военной дисциплины шахматисты приезжали в Москву. При такой форме „приглашений“ могли быть и такие курьезные телеграммы, как: „маэстро Рабинович находится в Минске, ждет ваших распоря-

жений“. Но, может-быть, только такими, чисто-военными приказами можно было собрать в Москве лучших русских шахматистов. В Петрограде для выяснения кандидатов на Московский турнир были устроены предварительные состязания в шахматном кружке при клубе Карла Маркса (Владимирский пр., 12), организованном усилиями С. О. Вайнштейна и И. Л. Рабиновича в 1920 году, при чем последним читались лекции по теории шахматной игры. Этот кружок насчитывал до 80 человек; в его распоряжении находился остаток инвентаря старого Петроградского Шахматного Собрания.

Состязания происходили вполне организованно и определили кандидатов на Московский турнир. В турнир-чемпионате получили право участия после небольшого турнира, который в то же время был турниром на звание чемпиона Петрограда (И. Рабинович — 10, Голубев — 9, Левенфиш — 7, далее Берендс, Абкин и др.) И. Рабинович, Левенфиш, Романовский и Голубев, а в турнир любителей: Берендс, Вайнштейн, Потемкин, Л. Куббель и Камкин.

Для организации турнира был образован комитет в составе Ильина-Женевского, Григорьева и Зубарева, дополненный во время состязания Вайнштейном и Романовским, который потратил несколько месяцев для преодоления подготовительной организационной работы. Наиболее трудно было преодолеть продовольственные и жилищные затруднения, что ощущалось в особенности иногородними шахматистами и вызывало подчас и нарекания с их стороны.

В октябре 1920 года открылась Первая Всероссийская Шахматная Олимпиада. В программу Олимпиады входили два турнира: Всероссийский чемпионат-турнир на звание чемпиона РСФСР, в котором принимали участие лучшие шахматисты России, а второй — с участием сильнейших любителей.

В главном турнире приняли участие 16 шахматистов: Алехин, Григорьев, Зубарев, Ильин-Женевский, Павлов-Пьянов и Целиков (Москва); Голубев, Левенфиш, И. Л. Рабинович, Романовский (Петроград); А. И. Куббель (Ямбург); Данюшевский (Лодзь); Мунд (Нижний-Новгород); А. И. Рабинович (Вильна); Блюменфельд (Саратов); Павлов (Могилев).

Правда, по различным обстоятельствам не удалось привлечь несколько сильнейших русских шахматистов, как,

например, Дуз-Хотимирского, Богатырчука, Ненарокова, Левитского, Грекова и др., не считая, конечно, тех кто был вне пределов России. Однако, и этот состав был довольно сильным, если в особенности принять во внимание время устройства турнира.

В турнире любителей приняло участие 28 шахматистов. Это были по большей части игроки, не успевшие еще в достаточной степени выявить себя в прежних состязаниях. Следующая таблица показывает результат главного турнира.

Фамилии	1. Алехин, А-др	2. Романовский	3. Левенфиш	4. Рабинович, И.	5. Григорьев	6. Куббель, А.	7. Рабинович, А.	8. Блюменфельд	9. Данюшевский	10. Ильин-Женевский	11. Зубарев	12. Павлов-Пьянов	13. Целиков	14. Мунд	15. Павлов	16. Голубев	Итого
1. Алехин, А-др	×	$1/2$	$1/2$	1	1	1	1	$1/2$	$1/2$	$1/2$	$1/2$	1	1	1	1	1	12
2. Романовский, П. . .	$1/2$	×	1	0	$1/2$	1	1	0	1	1	1	0	1	1	1	1	11
3. Левенфиш	$1/2$	0	×	0	1	1	$1/2$	$1/2$	$1/2$	1	1	1	$1/2$	1	$1/2$	1	10
4. Рабинович, И. . . .	0	1	1	×	0	0	0	$1/2$	1	$1/2$	1	1	1	$1/2$	1	1	$9 1/2$
5. Григорьев	0	$1/2$	0	1	×	1	1	0	0	0	0	1	1	1	1	1	$8 1/2$
6. Куббель, А.	0	0	0	1	0	×	0	$1/2$	$1/2$	1	$1/2$	1	1	1	1	1	$8 1/2$
7. Рабинович, А. . . .	0	0	$1/2$	1	0	1	×	$1/2$	$1/2$	1	0	1	0	1	1	1	$8 1/2$
8. Блюменфельд	$1/2$	1	$1/2$	$1/2$	1	$1/2$	$1/2$	×	$1/2$	0	0	1	0	1	$1/2$	$1/2$	8
9. Данюшевский . . .	$1/2$	0	$1/2$	0	1	$1/2$	$1/2$	$1/2$	×	0	$1/2$	$1/2$	0	1	$1/2$	1	7
10. Ильин-Женевский . .	$1/2$	0	0	$1/2$	1	0	0	1	1	×	0	$1/2$	1	0	$1/2$	1	7
11. Зубарев	$1/2$	0	0	0	1	$1/2$	1	1	$1/2$	1	×	0	0	0	1	0	$6 1/2$
12. Павлов-Пьянов . . .	0	1	0	0	0	0	0	0	$1/2$	$1/2$	1	×	1	$1/2$	1	1	$6 1/2$
13. Целиков	0	0	$1/2$	0	0	0	1	1	1	0	1	0	×	0	0	1	$5 1/2$
14. Мунд	0	0	0	$1/2$	0	0	0	0	0	1	1	$1/2$	1	×	$1/2$	0	$4 1/2$
15. Павлов	0	0	$1/2$	0	0	0	0	$1/2$	$1/2$	$1/2$	0	0	1	$1/2$	×	$1/2$	4
16. Голубев	0	0	0	0	0	0	0	$1/2$	0	0	1	0	0	1	$1/2$	×	3

Турнир любителей был разбит на 3 группы, и три первых призера каждой группы составили турнир победителей, окончившийся со следующим результатом:

Фамилии.	1 Выгодчиков.	2. Кляцкин.	3. Алехин, А-й.	4. Вайнштейн.	5. Павлов А.	6. Цукерман.	7. Карпенко.	8. Акулов.	9. Френкель.	Итого.
1. Выгодчиков	×	0	1	1/2	1/2	1	1	1	1	6
2. Кляцкин	1	×	1/2	0	1/2	1	1	1	1	6
3. Алехин, А-й	0	1/2	×	1/2	1/2	1	1	1	1	5 1/2
4. Вайнштейн	1/2	1	1/2	×	1/2	0	1/2	0	1	4
5. Павлов, А.	1/2	1/2	1/2	1/2	×	1	0	1/2	1/2	4
6. Цукерман	0	0	0	1	0	×	1	1	1	4
7. Карпенко	0	0	0	1/2	1	0	×	1	1	3 1/2
8. Акулов	0	0	0	1	1/2	0	0	×	0	1 1/2
9. Френкель	0	0	0	0	1/2	0	0	1	×	1 1/2

В виду равенства очков Выгодчиков и Кляцкин играли решительный матч, выигранный первым.

Несмотря на сильный интерес русских шахматистов к Олимпиаде и некоторое оживление, вызванное им, мы должны признать, что Московский турнир не мог вызвать глубоких последствий. Главнейшая причина заключалась не только в экономической разрухе, но главным образом в отсутствии общественной организации, способной возродить и объединить русскую шахматную жизнь. Всевобуч в силу своей чисто-военной организации не мог быть объединяющим центром. Имеющиеся при некоторых окружных управлениях Всевобуча шахматные кружки не могли привлечь к широкому участию шахматистов не из военной среды. В силу этого после Олимпиады мы не замечаем большого оживления в шахматной жизни России, так как, естественно, военные приказы не могли заменить шахматной прессы, доступной для широких масс населения.

Петрограду еще раз было суждено сыграть выдающуюся роль в истории русского шахматного искусства. Именно в Петрограде впервые после революции была осуществлена мысль об издании шахматного органа, под названием „Листок шахматного кружка Петрогубкоммуны“.

Наиболее сильные шахматисты были объединены в шахматном кружке при клубе Петрогубкоммуны, открытом в феврале 1921 года и являющемся наиболее энергично и активно действующим шахматным кружком. Здесь один за другим устраиваются турниры на звание чемпиона Петрогубкоммуны, в которых принимают участие сильнейшие шахматисты Петрограда. Помимо турниров инструкторами кружка читались лекции, давались сеансы одновременной игры и т. д. Постепенно начинают открываться и другие шахматные кружки, как, например, кружки Губпожара, Петротопа, Гребного Общества и т. д, так что, в связи с оживлением, появилась необходимость в создании определенного руководящего центра, который объединил бы всех петроградских шахматистов. Инициативная группа, в лице Вайнштейна, Рабиновича, Левенфиша и др., горячо взялась за организацию центрального шахматного клуба, который явился бы естественным преемником Петроградского Шахматного Собрания, закрывшегося в 1918 году. В начале июня 1921 года, после ряда совещаний представителей отдельных шахматных кружков, было, наконец, приступлено к организации Петроградского Шахматного Собрания и избрано временное правление в составе С. О. Вайнштейна, Д. Ю. Гессена, С. Б. Готгильфа, Г. Я. Левенфиша, Л. М. Моносзона, И. Л. Рабиновича и П. А. Романовского. Летний сезон мало способствовал энергичной деятельности правления тем более, что трудно было подыскать подходящее помещение. Лишь с октября Петроградское Шахматное Собрание получило светлое и просторное помещение, в котором возобновляются временно прерванные турниры. Было избрано постоянное правление из следующих лиц: Б. М. Коялович, председатель, Г. Я. Левенфиш — заместитель председателя, Л. М. Моносзон—секретарь, С. О. Вайнштейн и И. Л. Рабинович — завед. турнирной частью и т. д.

Петроградское Шахматное Собрание очень скоро становится популярным в кружках петроградских шахматистов, и число его членов неизменно возрастает. Много способствовало оживлению шахматной жизни в Петрограде издание с августа 1922 г. „Шахматного Листка“ („Листок Петрогубкоммуны“ прекратился на 34-м номере из-за отсутствия материальных средств), который становится органом Шахматного

Собрания. Тот факт, что тираж его был доведен до 1000 экземпляров, в то время как „Листок Петрогубкоммуны" выпускался только в количестве 500 экз., указывает несомненно на пробуждающийся интерес к шахматам, не только в Петрограде и в Москве, но и в провинции.

Став окончательно на ноги, Шахматное Собрание организует не только турниры игроков различных категорий, но и турнир-чемпионат, который начался 10 июля 1922 года и закончился 18 августа. В нем приняли участие сильнейшие шахматисты Петрограда, в том числе несколько игроков, выдвинувшихся лишь за последние годы. Победителем чемпионата оказался Левенфиш (9 из 11). За ним следовали Рабинович ($8^1/_2$), Готгильф и Платц ($7^1/_2$), Куббель, Л. и Романовский ($6^1/_2$), Голубев ($5^1/_2$), Кизерицкий и Хвиливицкий (4), Вайнштейн ($3^1/_2$), Чебышев-Дмитриев (3) и Зверев ($1^1/_2$).

Но еще более крупной победой Шахматного Собрания была организация в конце августа матча между Москвой и Петроградом, впервые после 10-летнего перерыва. Это уже одно указывает на факт немаловажного значения. Наиболее крупными шахматными центрами нащупывается почва, на которой можно будет вновь восстановить Всероссийский Шахматный Союз. И поэтому, нам кажется, не случайно, что именно при встрече обеих столиц в приветственных речах горячо говорилось о необходимости создать мощную единую организацию для идейного руководства шахматной жизнью всей России.

Встреча Москвы и Петрограда окончилась победой первой. Каждая команда выставила 11 игроков, которые сыграли по две партии. Результаты матча см. на стр. 209.

Таким образом, Москва в первый раз в матче победила Петроград, что несомненно указывает на то, что московская шахматная жизнь к этому времени была весьма оживленной. И действительно, в Москве один за другим открываются шахматные кружки, устраивающие у себя беспрерывные турниры. Результатом этого оживления явилось издание журнала „Шахматы", вышедшего в июле 1922 года и притом не в виде листовки, каким выпускался „Шахматный Листок", а в объеме, приближающемся к старому „Шахматному Вестнику".

Фамилии	Петроград		Фамилии	Москва	
	Белые	Черные		Белые	Черные
1. Левенфиш . .	0	0	Дуз-Хотимирский	1	1
2. Рабинович, И. .	$^1/_2$	1	Григорьев	$^1/_2$	0
3. Романовский .	$^1/_2$	0	Ильин-Женевский	$^1/_2$	1
4. Платц	0	0	Зубарев	1	1
5. Голубев . . .	1	0	Павлов-Пьянов	0	1
6. Коялович . . .	1	0	Кляцкин	0	1
7. Готгильф . . .	1	1	Розенкранц	0	0
8. Куббель, Л. .	0	0	Верлинский	1	1
9. Модель . . .	0	0	Греков	1	1
10. Хвиливицкий .	1	0	Сергеев	0	1
11. Вайнштейн . .	1	0	Панченко	0	1
Итого . . .	+ 8		Итого . . .	+ 14	

Уже вскоре после Олимпиады в Москве был устроен небольшой турнир, окончившийся победой И. Цукермана ($8^1/_2$ из 12), за которым следовали: Григорьев (8), Зубарев (7), Кляцкин (6), Греков (5), Целиков ($4^1/_2$), и Ильин-Женевский ($3^1/_2$). В июле 1921 года происходил чемпионат-турнир, привлекший к участию 18 сильнейших шахматистов Москвы, из которых, однако, трое не окончили турнира. Первый приз достался заметно выдвинувшемуся в годы революции Н. Д. Григорьеву, выигравшему $13^1/_2$ партий из 16. Второй приз получил Н. Павлов (13), третий — Ненароков ($11^1/_2$), четвертый — Кляцкин (11), пятый — Розенкранц ($10^1/_2$), шестой Б. П. Григорьев ($9^1/_2$). Без приза остались: Греков и Дуз-Хотимирский (9), Целиков ($8^1/_2$), Зубарев ($7^1/_2$), Карпенко ($6^1/_2$), Лазерсон, Лопатников и Сергеев ($5^1/_2$), Френкель (5), Гельбак (3) и Баранов (2). [1] После чемпионат-турнира между Григорьевым и Ненароковым состоялся матч на первенство Москвы, окончившийся победой Ненарокова (+6—3=2).

[1] Любопытно отметить, что призерам турнира от Всевобуча были выданы следующие вещи: первому призеру—кожаная тужурка, второму—американские ботинки, третьему—верхнее красноармейское обмундирование, четвертому—нижнее красноармейское обмундирование.

Весной следующего года был снова разыгран местный чемпионат, в котором приняли участие лучшие московские шахматисты. Турнир снова окончился победой прошлогоднего чемпиона Ненарокова, выигравшего из 18 партий 14. II и III призы разделили Ильин-Женевский и А. И. Рабинович (11); далее Зубарев ($10^1/_2$), Кляцкин (10), Дуз-Хотимирский (9), Н. Григорьев ($7^1/_2$), Н. Павлов ($6^1/_2$), Целиков ($5^1/_2$) и Греков (5).

В связи с оживлением шахматной игры в Петрограде и Москве начинает пробуждаться шахматная жизнь в провинции. В первую очередь это наблюдается в наиболее крупных городах, где проживали шахматисты, уже раньше считавшиеся сильными любителями и не раз принимавшие участие в местных и даже всероссийских турнирах. Мы должны упомянуть здесь о Харькове, Казани, Киеве, Новгороде и др. городах, в которых устраиваются чемпионаты. Нельзя также не отметить развития шахматного искусства в Томске, который становится центром шахматной жизни в Сибири. Много способствовало распространению шахмат пребывание здесь пленных чешских шахматистов Громадки и Трейбала, которые принимали участие в местных турнирах. В апреле 1921 года в Томске состоялась даже Всесибирская Олимпиада, окончившаяся победой Тронова и Холодкевича.

В 1921—1922 гг. открываются шахматные кружки и в других провинциальных городах. Петроградское Шахматное Собрание получает одно известие за другим из разных концов России о непрерывном росте интереса к шахматной игре.

Таким образом, пожелания об открытии Всероссийского Шахматного Союза, которые высказывались на матче Москва—Петроград, а потом в журнале „Шахматный Листок", имели под собою почву в виде наблюдающегося оживления шахматной жизни в России.

Первые организационные шаги к созданию Всероссийского Шахматного Союза были сделаны Петроградским Шахматным Собранием, что и вполне естественно, так как традиции старого Всероссийского Общества больше всего могли сохраниться в Петрограде. Избранное в сентябре 1922 года временное правление в составе Б. М. Кояловича, С. О. Вайнштейна, Г. Я. Левенфиша, С. Б. Готгильфа и

И. П. Голубева так и понимало свою задачу, что их целью является воссоздать прежнее Всероссийское Шахматное Общество. Предполагалось за основу взять старый устав Общества, изменив только некоторые пункты.

Временное правление энергично приступило к работе и разослало декларации всем шахматным кружкам с предложением войти немедленно в Союз в качестве отделения. Для членов Союза были объявлены турниры по переписке. Но самым главным в деятельности правления следует признать подготовительные мероприятия к устройству съезда и всероссийского турнира. Наибольшие затруднения представляла материальная сторона, т.-е. как раз та, которая более или менее была благополучна в прежних всероссийских турнирах, где большая часть средств собиралась благодаря щедрым пожертвованиям отдельных лиц. Сейчас, конечно, на это рассчитывать не приходилось, поэтому материальная сторона съезда, по мысли правления, должна быть обеспечена членскими взносами. Впрочем, некоторая сумма и ценные вещи в качестве призов были пожертвованы несколькими государственными учреждениями.

В июле 1923 года, наконец, открылся съезд, на котором присутствовали представители от 27 городов. На съезде были высказаны пожелания, чтобы будущий Всероссийский Шахматный Союз опирался на широкие слои населения, без чего Союз будет обречен на бездеятельность. Здесь же на съезде впервые была брошена мысль о внедрении шахмат в государственное строительство.

Всероссийский турнир, который, в сущности, является вторым после революции, собрал, если не всех сильнейших шахматистов, то во всяком случае подавляющее число находящихся в пределах России. Съездом было устроено два турнира: Главный турнир — чемпионат СССР, в составе 13 мастеров и сильнейших шахматистов, и турнир сильнейших любителей в количестве 36 человек. В главном турнире участвовали: Дуз-Хотимирский, Ненароков, Григорьев и Зубарев (Москва); Романовский, Левенфиш, И. Рабинович, Ильин-Женевский (Петроград); Богатырчук (Киев); А. Куббель (Ямбург); Вильнер (Одесса); Выгодчиков (Смоленск); Лебедев (Симбирск). Не смог принять участия по болезни уже приехавший в Петроград Левитский.

Следующая таблица показывает результаты:

Фамилии	1. Романовский	2. Левенфиш	3. Богатырчук	4 Дуз-Хотимирск.	5. Ненароков	6. А. Куббель	7. Ильин-Женевск.	8. И. Рабинович	9. Григорьев	10. Зубарев	11. Вильнер	12. Выгодчиков	13. Лебедев	Итого
1. Романовский .	×	0	1	1	½	1	½	1	1	1	1	1	1	10
2. Левенфиш . .	1	×	½	1	0	1	1	1	1	½	½	½	1	9
3. Богатырчук .	0	½	×	½	1	0	1	0	½	1	1	1	1	7½
4. Дуз-Хотимирский.	0	0	½	×	1	½	1	½	1	0	1	1	1	7½
5. Ненароков . .	½	1	0	0	×	0	½	1	1	1	1	½	1	7½
6. А. Куббель . .	0	0	1	½	1	×	0	1	0	1	0	1	½	6
7. Ильин-Женевский	½	0	0	0	½	1	×	1	½	0	½	½	1	5½
8. И. Рабинович .	0	0	1	½	0	0	0	×	1	1	1	1	0	5½
9. Григорьев . .	0	0	½	0	0	1	½	0	×	1	1	½	½	5
10. Зубарев . . .	0	½	0	1	0	0	1	0	0	×	½	1	0	4
11. Вильнер . . .	0	½	0	0	0	1	½	0	0	½	×	0	1	3½
12. Выгодчиков .	0	½	0	0	½	0	½	0	½	0	1	×	½	3½
13. Лебедев . . .	0	0	0	0	0	½	0	1	½	1	0	½	×	3½

Участники турнира любителей были разделены на 3 группы по 12 человек в каждой, и первые три призера каждой группы составили турнир победителей, окончившийся со следующим результатом: Сергеев (Серпухов) — первый приз (5 из 6), Верлинский (Москва) — второй приз (4½), Созин (Новгород) — третий приз (4), Комаров (Ново-Николаевск) и Сорокин (Киев) разделили четвертый и пятый призы (2½), Травин (Слуцк) — шестой приз (1½) и Шестериков (Саратов) — седьмой приз (1). Вошедшие в группу победителей А-й Алехин уехал, совершенно не участвуя в нем, а Кутузов вышел после проигрыша двух партий.

Значение I Шахматного съезда заключалось в том, что он подводил первые итоги развития русского шахматного искусства за годы революции. И можно констатировать, что итоги были вполне благоприятные, если принять в особен-

ности во внимание большие материальные затруднения, которые приходилось испытывать участникам его.

После съезда правление Всероссийского Шахматного Союза, пополненное иногородними представителями, энергично принимается за проведение в жизнь устава Союза, принятого с некоторыми поправками на съезде 14 и 15 июля 1923 года. Временное правление за основу, как мы уже упоминали, взяло устав старого Всероссийского Шахматного Общества. Однако, съезд внес после длительных прений некоторые существенные поправки, из которых отметим следующие: 1) Признать необходимость внедрения шахмат в толщу рабочих и крестьян; 2) признать право командировки на заграничные турниры достойных кандидатов только за Союзом; 3) изменить состав правления Союза, увеличив его до 9 членов (3 от Петрограда, 3 от Москвы и 3 от провинции).

В самом начале января 1924 года устав был утвержден комиссариатом внутренних дел, и, следовательно, Всероссийский Шахматный Союз, официально признанный государством, мог приступить открыто к своей деятельности.

Как видно из его устава, ВШС имел своей целью развитие шахматной игры в РСФСР и объединение русских шахматистов. Для осуществления этого намечалось: 1) содействовать распространению шахматной игры среди широких масс трудящихся, 2) устраивать всероссийские и международные шахматные турниры, 3) издавать сборники партий этих состязаний и предпринимать другие шахматные издания, 4) содействовать организации отделений Союза и объединить их в областные союзы, 5) устраивать в разных населенных местах РСФСР лекции и доклады, посвященные шахматам, 6) оказывать поддержку выдающимся шахматистам и отдельным организациям и 7) вести переговоры с иностранными организациями по вопросам участия русских шахматистов на состязаниях, происходящих за границей (§ 2 устава).

Практическая деятельность ВШС в первое время своей деятельности могла выразиться только в виде небольших турниров по переписке, устраиваемых для членов Союза, и моральной, а иногда и материальной, помощи тем начинаниям, которые исходили из провинции. Так предположение Новгородского отделения ВШС об устройстве в конце

1923 года небольшого турнира с участием новгородцев и петроградских мастеров и сильнейших любителей нашло горячую поддержку в лице правления ВШС и, хотя турнир не вполне оправдал возложенные на него надежды и привлек к участию только трех петроградских шахматистов, все-таки следует признать, что для истории развития шахматного искусства в провинции Новгородский турнир сыграл большую роль.

Турнир окончился со следующим результатом: I приз — Рабинович ($6^1/_2$ из 7), II — Романовский (6), Созин ($5^1/_2$), Шебаршин (4), Федоров (3), Коялович (2), Гефнер (1) и Калашников (0).

Еще большую услугу оказал ВШС в деле распространения шахматной игры приглашением Эм. Ласкера, который посетил Москву и Ленинград в феврале 1924 года (4—20 февраля).

* * *

Уже в августе 1923 года, спустя только месяц после съезда в Петрограде, на котором был принят устав ВШС, Московское Шахматное Общество признало необходимость новой формы организации, так как при существующих условиях оно не в состоянии успешно продолжать своей деятельности. Общее руководство шахматными кружками Москвы взяло на себя профессиональная организация в лице МГСПС, выделившая в октябре 1923 г. шахматную секцию, которая объединила бы всех московских шахматистов. В связи с этим начинается агитация и в провинции о выходе из ВШС и организации на местах шахматных секций при губотделах профессиональных союзов. Агитация шла успешно, так как почти $^3/_4$ отделений ВШС состояло из государственных и профессиональных организаций. Естественно, что существование двух организаций, преследующих одну и ту же цель, вызывало недоумение со стороны многих провинциальных шахматных кружков. Наиболее интересна в этом отношении резолюция, принятая на I Всеукраинском съезде, которая констатировала, что „взаимоотношения между Москвой и Ленинградом носят ненормальный характер и тормозят развитие шахмат в СССР. Не считая возможным входить в оценку этих взаимоотношений по существу, съезд считает настоятельно необходимым скорейшее выяснение и урегулирование их“.

После некоторой борьбы между двумя шахматными столицами стороны пришли к соглашению. Новая точка зрения ВШС была высказана в декларативной статье, в которой правление признало новые формы всероссийского шахматного объединения. Действительно, ВШС, как частная организация, не мог прийти на помощь многочисленным провинциальным организациям. А тот факт, что резолюции, вынесенные на областных съездах, высказывались за принятие новых форм организации, делал дальнейшую борьбу вредной для развития русского шахматного искусства.

На Всесоюзном съезде в Москве были окончательно утверждены новые формы объединения русского шахматного искусства. Еще до съезда Организационный Комитет обратился ко всем шахматным организациям с циркулярной декларацией с изложением принципов, на основании которых съезду предлагается ставить дело распространения и развития шахматного искусства в СССР. „Организационный Комитет,— говорится в обращении,—видит в шахматах прежде всего могучее орудие интеллектуальной культуры, орудие борьбы за более высокий уровень этой культуры. Шахматы не игра, вернее, они далеко не только игра. Шахматы будят, развивают, а главное тренируют мысль. Нет ни одной игры, в которой чистая логика и метод логических заключений в такой степени приближались бы к абстрактным формам математического мышления, как шахматы. Уже это одно заставляет придавать им громадное воспитательное значение. Этого мало. Шахматы одновременно—борьба, требующая чрезвычайного напряжения воли. Они воспитывают таким образом не только мысль вообще, но и волю. В то же время бесконечное количество комбинаций, которые развертываются в процессе шахматной борьбы во всех ее стадиях, развивают в играющем ориентировочные способности прежде всего, затем необычайную осторожность, к которой поневоле приучается даже мало-мальски опытный шахматист, и, наконец, крайнюю точность учета. Все это вместе вырабатывает и настойчивость, с одной стороны, прозорливость и осторожность—с другой, и, наконец, умение быстро ориентироваться в различных обстоятельствах—с третьей. Все эти качества несут в себе в своей совокупности все элементы типа совершенного в интеллектуальной и психологической сфере человека

вообще“. Одним словом, „шахматы — могучее орудие интеллектуальной культуры“, — таков лозунг, под которым должен проходить будущий съезд. Мы сознательно привели эту длинную выдержку из обращения Организационного Комитета к III Всесоюзному Шахматному Съезду, чтобы показать, как далеко ушли взгляды на шахматную игру от прошлого, когда „Шахматный Листок“ 60-х гг. возбуждал негодование „Искры“ своей пропагандой шахматной игры, что̀ „Искра“ называла „тупоумием“, а сам „Листок“ галиматьей.

Организационный Комитет добавляет, что он „рассматривает шахматное искусство как политическое орудие, которым должно воспользоваться для того, чтобы: а) дать рабочим массам, усталым от повседневной борьбы и труда, этот разумный отдых в виде шахмат, и б) использовать все воспитательное значение шахмат одновременно и как бы, между прочим, для того, чтобы при помощи их дать новый толчок к росту интеллектуальной культуры и тренировке мысли широких рабочих масс“. Поэтому вторым лозунгом должен быть „дорогу шахматам в рабочую среду!“.

На III съезде вопрос об отношении к шахматной игре был высказан еще более определенно. В резолюции по докладу Н. В. Крыленко устанавливается, что „шахматное искусство должно стать пролетарским искусством: шахматы должны стать пролетарской игрой — вот лозунги, под которыми должно развиваться и быть развиваемо шахматное движение рабочих масс повсеместно“. Однако, такая постановка вопроса „отнюдь не может и не должна заключать в себе лозунга создания обязательного «своего» пролетарского шахматного искусства в отличие от шахматного искусства буржуазии и полной изоляции рабочих шахматистов от шахматных достижений буржуазных мастеров вплоть до игнорирования самого существования этих последних“. Наоборот, признается желательным устройство международных турниров с участием буржуазных шахматистов, а также участие русских шахматистов в буржуазных турнирах с санкции центральных шахматных организаций.

В тесной связи с этим стоит вопрос об отношении руководящих шахматных организаций к международному шахматному буржуазному объединению в лице Международной Шахматной Ассоциации в Париже, которое пригласило Испол-

бюро Всесоюзной Шахсекции вступить в число членов объединения, заявив в своем уставе, что оно шахматы ставит вне политики. Однако, Исполбюро ответило отказом вступить, мотивируя тем, что шахматное искусство, как и всякого рода другое, не отделимо от политики. В то же время в результате переговоров между Исполбюро, ВЦСПС и прибывшими из Германии представителями Рабочего Шахматного Интернационала (Шахинтерн) К. Шпигелем и А. Глазером было постановлено войти в число членов Шахинтерна. В апреле 1926 г, в Иене состоялось вхождение Исполбюро в Шахинтерн, как русской секции, при чем в Исполнительный Комитет его вошли двое русских представителей (Грязнов и С. Левман).

* * *

На III съезде после горячих дебатов была принята резолюция, согласно которой окончательно ликвидируется ВШС, взамен которого высшим органам объединения становится Всесоюзная шахматно-шашечная секция ВСФК. „Признавая,— говорится в резолюции,— что ВШС сыграл в свое время положительную роль в деле объединения шахматистов и развития шахматного дела в стране, съезд считает его работу в настоящее время законченной. Съезд полагает, что ВШС должен влиться в секцию, а все его отделения на местах должны войти в состав местных шахсекцей при Советах Физкультуры“.

В Исполнительное Бюро (Исполбюро) были избраны: Крыленко, Вайнштейн, Григорьев, Ильин-Женевский, Иорданский, Левман и Руссо; кандидатами: Гейлер, Панченко и Романовский [1].

* * *

Обратимся теперь к структуре нового шахматного объединения. В основу его кладутся шахматные кружки при рабочих, военных, студенческих клубах, а также при предприятиях, учреждениях, избах-читальнях и т. д. Все эти кружки объединяются в секции при Советах Физкультуры — уездно-городских, губернских и республиканских. Высший

[1] В настоящее время в состав Исполбюро входят: Н. В. Крыленко, В. Е. Еремеев, Н. Д. Григорьев, С. С. Левман (ВЦСПС), Б. С. Левман (МГСПС), Я. Г. Рохлин (ЛГСПС), А. Ф. Ильин-Женевский и В. Н. Руссо.

орган, который руководит и направляет работу всех шахматных организаций СССР, был создан в виде Всесоюзной шахматной секции при Совете Физической Культуры, во главе которого стоит Исполнительное Бюро (Исполбюро).

В помощь шахсекциям СФК при губернских и окружных советах профсоюзов создаются бюро, регулирующие деятельность кружков своего района. Точно так же создаются бюро при политуправлениях военных округов, координующие шахматную деятельность в военных частях. Все мероприятия, связанные с деятельностью рабочих кружков, проводятся через губпрофсоветы, в военных частях через военные бюро и т. д.

Бюро шахсекции (уездной, губернской, окружной и т. д.) имеют при себе комиссии: 1) турнирную для проведения различного рода состязаний, 2) агитационно-учебную и 3) квалификационную для разбивки членов по категориям. По мере надобности бюро могут образовывать и другие комиссии.

В круг ведения Всесоюзной шахматно-шашечной секции входит: 1) руководство работой всех шахматно-шашечных секций СФК и кружков на территории СССР, 2) пропаганда шахмат и шашек среди широких масс населения, 3) созыв всесоюзных шахматно-шашечных съездов и организация всесоюзных соревнований и турниров, 4) издание шахматно-шашечной литературы, 5) участие и организация с надлежащего разрешения международных шахматно-шашечных турниров. Таковы организация и программа шахматного объединения СССР.

Ликвидация ВШС и его отделений прошла безболезненно, так как подавляющее число шахматных кружков тесно было связано с профсоюзными организациями. Еще до съезда, в июле 1924 года, так же безболезненно при Губернском Отделе СФК была организована шахматная секция и в Ленинграде, где, казалось, особенно сильны должны были быть традиции ВШС. Однако, организационный период не везде протекал вполне успешно, и лишь только в начале 1925 года удалось наладить в большинстве городов новую систему организации.

Таким образом, шахматное дело было подчинено государственному руководству—знаменательное явление. От преследований и запрещений шахматной игры в XVI—XVII вв. мы пришли к тому, что государство само берет дело рас-

пространения шахматного искусства в свои руки, тратя на это большие суммы денег. При таком отношении государственных учреждений к русскому шахматному искусству мы в праве ожидать в будущем его большого развития шахматной игры в СССР.

Однако, новая форма организации не вполне разрешала вопрос о создании единого руководящего центра для правильного построения, укрепления и дальнейшего развития шахматного искусства в СССР. Уже через некоторое время обнаружился параллелизм в работе, создавшийся благодаря тому, что шахматным делом ведали одновременно две организации—ВСФК и ВЦСПС. На заседании первого Совета шахсекций союзных республик (28—31 марта 1927 г.) было оставлено открытым окончательное решение вопроса о том, какая форма из ныне существующих двух форм организаций—профессиональная или физкультурная—должна быть принята. Совет шахсекций нашел целесообразным „продолжать развивать обе эти организации в зависимости от местных условий, с тем, однако, непременным условием, что и та и другая, где бы они ни существовали, в своих взаимных отношениях руководятся, в качестве основного принципа и основной идеи, — идеей единства шахматного движения и необходимости единого руководящего центра“. Совет шахсекций предложил заняться и подготовить материал на местах к V Всесоюзному съезду (август 1927 г.), чтобы окончательно разрешить вопрос о создании единого руководящего шахматного органа.

* * *

III съезд не ограничился только, так сказать, официальной частью, устанавливающей новые формы организации шахматного искусства; им были организованы 5 турниров: чемпионат-турнир, турнир городов А, Б и Б-bis, рабочий турнир и чемпионат Красной армии и флота, которые сыграли немаловажное значение в деле оживления шахмат среди самых широких масс населения.

Чемпионат - турнир, в котором впервые участвовали после десятилетнего отсутствия в России Е. Д. Боголюбов и А. С. Селезнев, привлек почти всех без исключения сильнейших русских шахматистов, находящихся в пределах СССР (не участвовали только А. Куббель и Блюменфельд). В нем

участвовали и старые мастера вроде Смородского и Фреймана, давно уже не имевших серьезной турнирной практики, а также молодые шахматисты, которые заставили о себе говорить лишь после революции, как, например, Ильин-Женевский, Вильнер, Созин, Григорьев, Сергеев. Словом это был генеральный смотр всем оставшимся в России сильнейшим шахматистам.

В главном чемпионате приняли участие: Боголюбов и Селезнев (Триберг); Ненароков, Верлинский, А. Рабинович, Дуз-Хотимирский, Григорьев и Сергеев (Москва); Романовский, Левенфиш, И. Рабинович и Ильин-Женевский (Ленинград), Богатырчук (Киев); Вильнер (Одесса); Созин (Новгород); Розенталь (Минск); Фрейман (Кушка) и Смородский (Тифлис). Результаты турнира видны из таблицы:

Фамилии	1. Боголюбов	2. Романовский	3. Богатырчук	4. Левенфиш	5. И. Рабинович	6. Вильнер	7. Ненароков	8. Селезнев	9. Созин	10. Верлинский	11. Дуз-Хотимирский	12. А. Рабинович	13. Ильин-Женевск.	14. Григорьев	15. Розенталь	16. Фрейман	17. Сергеев	18. Смородский	Итого
1. Боголюбов . .	×	1	1	1	1	½	½	½	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	15
2. Романовский. .	0	×	1	½	½	1	1	1	0	0	1	1	½	1	1	1	1	1	12½
3. Богатырчук .	0	0	×	½	1	½	1	1	1	½	0	½	1	1	½	1	1	1	11½
4. Левенфиш . .	0	½	½	×	0	½	½	½	1	1	½	1	1	½	1	1	1	1	11½
5. И. Рабинович .	0	½	0	1	×	½	0	½	½	0	1	0	1	1	1	1	1	1	10
6. Вильнер . . .	½	0	½	½	½	×	0	½	1	1	1	½	½	1	0	1	½	½	9½
7. Ненароков . .	½	0	0	½	1	1	×	½	1	1	½	1	0	0	1	0	½	1	9½
8. Селезнев . . .	½	0	0	½	½	½	½	×	½	1	0	½	1	½	1	1	½	1	9½
9. Созин	½	1	0	0	½	0	0	½	×	1	0	1	½	0	1	1	1	1	9
10. Верлинский .	0	1	½	0	1	0	0	0	0	×	1	1	1	1	½	0	½	1	8½
11. Дуз-Хотимирский.	0	0	1	½	0	0	½	1	1	0	×	0	½	1	1	1	1	0	8½
12. А. Рабинович .	0	0	½	0	1	½	0	½	0	0	1	×	1	1	1	1	0	½	8
13. Ильин-Женевский.	0	½	0	0	0	½	1	0	½	0	½	0	×	½	½	1	1	1	7
14. Григорьев . .	0	0	0	½	0	0	1	½	1	0	0	0	½	×	½	1	1	½	6½
15. Розенталь . .	0	0	½	0	0	1	0	0	0	½	0	0	½	½	×	1	½	½	5
16. Фрейман . . .	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	×	1	1	4
17. Сергеев . . .	0	0	0	0	0	½	½	½	0	½	0	1	0	0	½	0	×	½	4
18. Смородский .	0	0	0	0	0	½	0	0	0	0	1	½	0	½	½	0	½	×	3½

В турнире городов А участвовали сильнейшие любители, имеющие уже достаточный шахматный стаж. Победитель этого турнира получал условно звание мастера, которое завоевал Н. М. Зубарев (из 13 партий 9), с большой выдержкой проведший весь турнир. За ним следовали Травин (Слуцк) — 8½, Слоним (Москва) и Сорокин (Киев) — 7½, Розенкранц (Москва) — 7 и т. д. Турнир городов Б и Б-bis, в котором участвовало 54 любителя, был разделен на 6 групп, первые двое призеров которых вновь образовали две группы победителей. Победителем первой группы был Кутузов (Архангельск), а второй — Касперский (Минск), которые после безрезультатного матча между собой (3 ничьих) получили право участия в следующем чемпионате.

Турнир рабочих кружков привлек 22 шахматиста, окончившийся после предварительных состязаний победой харьковского рабочего Фрейдберга. Второй приз достался Барулину (Москва), а третий — Рузинову (Киев).

Наконец, в чемпионате Красной армии и флота, давшем победу Шмидту (Карачев), участвовали 15 шахматистов.

Значение турниров III съезда мы видим в следующем. С одной стороны, эти турниры должны были показать, насколько русское шахматное искусство прогрессировало вглубь, особенно в сравнении с западно-европейским, представитель которого выступал в лице Боголюбова. С другой стороны — насколько русское шахматное искусство пустило корни вширь, охватив широкие массы населения.

Результаты встречи русских шахматистов с Боголюбовым, правда, и сильнейшим шахматистом международного масштаба, показали, что в техническом отношении русское шахматное искусство мало прогрессировало. Уже в дебюте Боголюбов добивался преимущества с большинством из своих противников, даже наиболее опасных, как Романовский, Левенфиш и Богатырчук. III Всесоюзный турнир показал, что русским шахматистам, обладавшим в той или иной степени долей комбинационного таланта, нехватает знания теории, которая далеко ушла в своем развитии в Западной Европе. Это обстоятельство было учтено русскими шахматистами, что впоследствии было отчасти подтверждено IV Всесоюзным и Московским международными турнирами.

Ни один из прежних всероссийских, а также всесоюзных турниров, не собрал такого количества шахматистов, а также не организовал такого количества турниров, как III Всесоюзный турнир. Не говоря уже о большом количестве любителей (70), впервые устраиваются состязания, в которых принимают участие представители рабочих и красноармейских масс. Результаты проделанной огромной организационной работы в пользу широкого внедрения шахматной игры среде в трудящихся масс—на-лицо.

* *
*

Оживление, вызванное III Всесоюзным съездом не замерло после окончания его, как это обыкновенно бывает после какого-либо крупного шахматного события. С одной стороны, деятельность, связанная с организационным оформлением шахматных организаций, гастроли Боголюбова и Селезнева во многих городах Союза, — с другой, — оживляли шахматную жизнь, привлекая все большее и большее число поклонников шахматной игры. Чемпионаты, разыгрываемые в столицах и провинциальных городах, областные турниры, профсоюзные состязания — следуют один за другим.

Уже в декабре 1924 года крупным событием в истории развития русского шахматного искусства было организация матча между чемпионом СССР Боголюбовым и бывшим чемпионом Романовским; матч закончился победой первого (+5 — 1 = 6). Нельзя также не отметить десятерного турнира в Ленинграде, организованного Ленинградской губернской шахматной секцией вскоре после матча Боголюбов-Романовский. Турнир состоялся с участием трех мастеров (Боголюбов, Романовский и И. Рабинович) и 7 сильнейших ленинградских игроков 1-й категории и окончился со следующим результатом: I и II призы поделили Боголюбов и Романовский — 7 из 9 партий, III приз достался Готгильфу — 6½, который получил условное звание мастера и был допущен на основании этого в чемпионат IV Всесоюзного турнира. IV приз получил И. Рабинович — 6.

Очередные чемпионаты в Москве (февраль) и Ленинграде (июнь) 1925 года собрали лучших шахматистов. В Москве звание чемпиона и мастера получил Сергеев, оказавшийся выше четырех мастеров (13), II и III призы разделили

Блюменфельд и Верлинский (12), IV приз — А. Рабинович (11), V и VI — Дуз-Хотимирский, Селезнев и Холодкевич (10½).

В Ленинграде на первое место вышли четыре победителя: Ильин-Женевский, получивший звание мастера, Левенфиш, И. Рабинович и Романовский (8½). В виду близости IV Всесоюзного турнира было решено не продолжать состязания для выяснения одного чемпиона. V приз достался А. Куббелю. Участвовавшие в турнире сильнейшие игроки 1-й категории успеха не имели.

Отметим, наконец, устройство ряда областных турниров: I Северо-Кавказский (апрель 1925 г.) — победитель Бурмистров (Краснодар), II Поволжский (май 1925 г.) — Косолапов (Казань), II Всебелорусский (июль 1925 г.)—Розенталь (Минск), I Всебашкирский (июль 1925 г.) — Крушинский (Уфа).

В августе 1925 года открылся в Ленинграде IV Всесоюзный турнир. В связи с этим турнирные шахматные организации СССР проявили энергичнейшую деятельность, так как им надлежало послать своего представителя в турнир любителей.

Как и в прошлом году, Всесоюзной шахсекцией были организованы чемпионат-турнир, турнир городов, рабочий урнир, Красной армии и флота. Новостью явилась организация женского турнира, впервые в России.

Обращаясь к чемпионат-турниру, отметим, что он собрал почти всех мастеров (за исключением Богатырчука и Смородского), а также шахматистов, допущенных на основании своих прежних успехов. В чемпионате участвовали следующие лица: Боголюбов (Триберг); Верлинский, Дуз-Хотимирский, А. Рабинович, Сергеев, Зубарев, Селезнев, Григорьев и Ненароков (Москва); Левенфиш, И. Рабинович, Готгильф, Ильин-Женевский, Романовский и А. Куббель (Ленинград); Вильнер (Одесса); Касперский (Минск); Созин (Новгород); Фрейман (Кушка) и Кутузов (Архангельск). Результаты турнира видны из таблицы (см. стр. 224).

Турнир городов собрал еще большее количество участников, чем в прошлом году (60 человек), и отличался от прошлогоднего измененной системой состязания. Сильнейшие шахматисты не были выделены в особый турнир А, а участвовали с прочими любителями в 6 группах, на которые были разбиты все участники. Три первых призера каждой группы со-

Фамилии	1. Боголюбов	2. Левенфиш	3. И. Рабинович	4. Верлинский	5. Дуз-Хотимирский	6. Готгильф	7. Ильин-Женевский	8. Романовский	9. А. Рабинович	10. Сергеев	11. Вильнер	12. Зубарев	13. А. Кубелль	14. Селезнев	15. Григорьев	16. Касперский	17. Созин	18. Ненароков	19. Фрейман	20. Кутузов	Итого
1. Боголюбов. .	×	½	1	0	1	½	½	1	1	½	0	1	½	½	1	1	1	1	1	1	14
2. Левенфиш. .	½	×	0	0	1	½	0	½	0	1	1	½	1	1	1	1	1	1	1	1	13
3. И. Рабинович.	0	1	×	0	0	0	½	1	1	½	½	1	0	1	1	1	1	1	+	1	12½
4. Верлинский .	1	1	1	×	½	½	1	1	½	1	0	½	½	1	0	0	1	0	½	1	12
5. Дуз-Хотимирский	0	0	1	½	×	½	½	1	1	1	½	½	0	½	½	0	1	1	1	1	11½
6. Готгильф . .	½	½	1	½	½	×	0	½	0	½	½	1	1	½	½	½	1	0	+	1	11
7. Ильин-Женевск.	½	1	½	0	½	1	×	0	0	½	½	0	1	½	½	1	1	1	+	½	11
8. Романовский	0	½	0	0	0	½	1	×	1	1	1	0	1	½	1	1	1	½	0	1	11
9. А. Рабинович.	0	1	0	½	0	1	1	0	×	1	0	0	0	½	1	1	½	1	½	1	10
10. Сергеев . . .	½	0	½	0	0	½	½	0	0	×	1	½	½	½	1	½	1	1	+	1	10
11. Вильнер . . .	1	0	½	1	½	½	½	0	1	0	×	½	0	½	1	1	0	1	0	½	9½
12. Зубарев . . .	0	½	0	½	½	0	1	1	1	½	½	×	0	½	0	½	½	1	½	1	9½
13. А. Куббель .	½	0	1	½	1	0	0	0	1	½	1	1	×	½	0	½	½	½	½	½	9½
14. Селезнев . .	½	0	0	0	½	½	½	½	½	½	½	½	½	×	½	1	½	1	½	½	9
15. Григорьев . .	0	0	0	1	½	½	½	0	0	0	0	1	1	½	×	0	1	0	+	1	8
16. Касперский .	0	0	0	1	1	½	0	0	0	½	0	½	½	0	1	×	0	½	+	½	7
17. Созин	0	0	0	0	0	0	0	0	½	0	1	½	½	½	0	1	×	1	½	1	6½
18. Ненароков . .	0	0	0	1	0	1	0	½	0	0	0	0	½	0	1	½	0	×	1	½	6
19. Фрейман . .	0	0	—	½	0	—	—	1	½	—	1	½	½	½	—	—	½	0	×	—	5
20. Кутузов . . .	0	0	0	0	0	0	½	0	0	0	½	0	½	½	0	½	0	½	+	×	4

ставили две группы победителей; в первой на 1-е место вышел Модель, а во второй — Марский. Решительный матч между ними дал победу Моделю (+3 — 1), который тем самым получил условное звание мастера.

Турнир рабочих был составлен только из ленинградских шахматистов в количестве 14 участников и окончился победой Фридлянского. Всесоюзный чемпионат, организованный ВЦСПС и окончившийся победой ленинградца Лесмана, был разыгран в Москве во время всесоюзных спортивных соревнований в сентябре 1925 года.

Турнир Красной армии и флота тоже оказался многолюднее прошлогоднего (20 человек) и дал победу московскому игроку 1-й категории, неоднократно выступающему в турнирах, — Баранову.

Женский турнир, созванный наспех и случайно из ленинградских шахматисток, особого интереса не представлял и окончился легкой победой Тихомировой.

* *
*

Подведем итоги IV Всесоюзному турниру. Прежде всего, следует указать на то, что он протекает без всякой связи с выработкой новых форм организации, в то время как на предшествующих приходилось еще создавать и вырабатывать новые пути, по которому должно будет пойти русское шахматное искусство.

Другое значение его заключалось в том, что IV Всесоюзный чемпионат показал, что русское шахматное искусство сделало большой шаг вперед за последний год, что доказывается результатами, достигнутыми русскими шахматистами против Боголюбова. Уже в середине турнира было ясно, что на этот раз Боголюбову не легко будет отвоевать звание чемпиона. И действительно, 2 поражения и 6 ничьих против прошлогодних 4 ничьих определенно указывают на рост уже в сторону технического усовершенствования русских шахматистов. Упорство, которое оказали русские шахматисты западно-европейскому профессионализму в лице Боголюбова, усугублялось тем, что призеры этого турнира будут допущены на Московский международный турнир, который поставит их лицом к лицу уже не с одним представителем западно-европейского шахматного искусства, а с целым десятком. Впереди предстояло тяжелое испытание, но репетиция прошла более или менее удачно.

Турниру городов, который привлек 60 шахматистов из разных концов СССР, мы придаем особое значение потому, что почти $^2/_3$ его участников — молодежь, выросшая лишь в самые последние годы. Правда, нельзя сказать, что в борьбе с более старыми любителями они имели большой успех, однако, учитывая недолголетний стаж и почти полное отсутствие серьезной турнирной практики, можно быть уверенным в прогрессивном росте молодежи.

Устройством женского турнира было положено лишь начало будущим женским турнирам, более многолюдным и сильным по составу. В этом отношении сделано еще мало, но нельзя отрицать, забегая несколько вперед, что пропаганда шахматного искусства среди женщин даст благоприятные результаты. Нельзя пройти мимо того факта, что открывшаяся в Ленинграде в марте 1927 г. 1-я женская шахматная Олимпиада собрала 71 участницу. Мы хотим также упомянуть о том, что в настоящее время можно насчитать несколько женщин-любительниц, приближающихся по силе к игрокам I—II категории, которые почти постоянно являются участницами главным образом матчей, организуемых между Москвой и Ленинградом.

* * *

Еще на III Всесоюзном съезде было выражено пожелание об устройстве в Москве международного турнира. Цель этого устройства, по мысли руководящих центральных шахматных органов, должна была заключаться в том, что международный турнир явится возбудителем интереса к шахматной игре среди широких масс населения. С другой стороны, турнир с участием лучших мировых шахматистов даст многое русским мастерам, значительная часть которых никогда не участвовала в международных турнирах.

Советское правительство отнеслось благосклонно к организации международного турнира и ассигновало 30 000 р. — сумма, которая давала возможность устроить турнир, исключительный по составу участников. Кроме того, входная плата должна была дать изрядную сумму, так как можно было ожидать колоссального наплыва публики. Действительно, от продажи билетов было выручено тоже около 30 000 рублей.

Избранный на одном из заседаний Исполбюро шахсекции Организационный Комитет деятельно принялся за свое трудное дело. Исполбюро было постановлено, что одна половина участников должна состоять из русских мастеров, а другая — из иностранных.

9 ноября 1925 г. состоялось торжественное открытие, а 10 ноября началась игра. Весь турнир, благодаря энергии Организационного Комитета, прошел гладко и закончился 8 декабря. Результаты его видны по следующей таблице:

Фамилии	1. Боголюбов	2. Ласкер	3. Капабланка	4. Маршалль	5. Торре	6. Тартаковер	7. Рети	8. Романовский	9. Грюнфельд	10. Ильин-Женевский	11. Богатырчук	12. Рубинштейн	13. Шпильман	14. Верлинский	15. Левенфиш	16. Рабинович, И.	17. Етс	18. Готгильф	19. Земиш	20. Дуз-Хотимирский	21 Зубарев	Итого
1. Боголюбов	×	½	0	½	1	1	0	½	1	1	½	½	1	1	1	1	1	1	1	1	1	15½
2. Ласкер	½	×	½	1	0	½	½	1	½	1	1	1	1	1	0	½	1	½	½	1	1	14
3. Капабланка	1	½	×	1	½	1	½	½	½	0	1	½	½	0	½	½	1	1	1	1	1	13½
4. Маршалль	½	0	0	×	0	½	1	1	½	0	1	1	1	1	1	1	½	½	0	1	1	12½
5. Торре	0	1	½	1	×	½	½	0	½	½	0	½	½	1	1	½	0	1	1	1	1	12
6. Тартаковер	0	½	0	½	½	×	1	½	½	½	½	1	1	1	½	1	1	½	½	½	½	12
7. Рети	1	½	½	0	½	0	×	1	0	1	1	½	0	½	½	1	1	1	½	½	½	11½
8. Романовский	½	0	½	0	1	½	0	×	1	0	½	0	0	1	1	1	1	1	½	1	1	11½
9. Грюнфельд	0	½	½	½	½	½	1	0	×	1	½	0	½	½	½	1	1	½	½	½	½	10½
10. Ильин-Женевский . . .	0	0	1	1	½	½	0	1	0	×	½	½	1	0	0	½	1	½	½	1	1	10½
11. Богатырчук	½	0	0	0	1	½	0	½	½	½	×	1	½	½	½	1	½	½	½	½	1	10
12. Рубинштейн	½	0	½	0	½	0	½	1	1	½	0	×	0	0	1	0	0	1	1	1	1	9½
13. Шпильман	0	0	½	0	½	0	1	1	½	0	½	1	×	0	1	½	½	½	1	0	1	9½
14. Верлинский	0	0	1	0	0	0	½	0	½	1	½	1	1	×	1	½	0	½	1	1	0	9½
15. Левенфиш	0	1	½	0	0	½	½	0	½	1	½	0	0	0	×	1	1	½	½	1	½	9
16. Рабинович, И.	0	½	½	0	½	0	0	0	0	½	0	1	½	½	0	×	1	1	½	1	1	8½
17. Етс	0	0	0	½	1	0	0	0	0	0	½	1	½	1	0	0	×	½	1	0	1	7
18. Готгильф	0	½	0	½	0	½	0	0	½	½	½	0	½	½	½	0	½	×	1	0	½	6½
19. Земиш	0	½	0	1	0	½	½	½	½	½	½	0	0	0	½	½	0	0	×	1	0	6½
20. Дуз-Хотимирский . . .	0	0	0	0	0	½	½	0	½	0	½	0	1	0	0	0	1	1	0	×	1	6
21. Зубарев	0	0	0	0	0	½	½	0	½	0	0	0	0	1	½	0	0	½	1	0	×	4½

Мы не будем указывать на значение Московского турнира в истории развития шахматного искусства вообще. Мы ограничиваем свою задачу указанием только на его значение для русского шахматного искусства. Прежде всего, мы должны отметить, что русские шахматисты в борьбе против испытанных западно-европейских профессионалов вполне удовлетворительно выдержали экзамен. Кроме Рети, никто не ушел от поражения, нанесенного русскими шахматистами. Не говоря уже о Боголюбове, выигравшем у 6 иностранных шахматистов, несколько русских шахматистов одержало блестящие победы над Ласкером, Капабланкой, Маршаллем, Торре и др. Это обстоятельство, а также и то, что 4 русских мастера добились приза указывает на несомненный прогресс русских шахматистов. Колоссального значения факт была исключительная победа Боголюбова, опередившего на $1^1/_2$ очка Ласкера — экс-чемпиона и на 2 Капабланку — чемпиона мира.

Другое значение Московского турнира заключалось в его общественном характере. Среди самых широких масс шахматистов был обнаружен глубокий интерес к Московскому турниру. Более того, даже нешахматисты были захвачены „шахматной горячкой". Много этому способствовала столичная и провинциальная пресса, помещавшая телеграммы и подробные отчеты о ходе турнира. Однако, существеннейшее значение для развития русского шахматного искусства следует искать в том толчке, который был дан Московским турниром, еще более оживившим шахматную жизнь в СССР.

Правда, 1926 год не может насчитать крупных шахматных событий в виду проводившегося „режима экономии", зато шахматы широкой волной разлились по всему СССР. Шахматные кружки открываются в самых глухих уголках России. Больше всего шахматы пустили глубокие корни по профсоюзной линии, свидетельством чего служат многочисленные профсоюзные состязания.

Обращаясь к изложению истории развития шахматного искусства в России после Московского турнира, отметим многочисленные сеансы одновременной игры иностранных шахматистов, вызвавших большой интерес у русских шахматистов. В Ленинграде, кроме гастролей, местной шахсек-

цией был организован четверной турнир с участием Торре, Готгильфа и двух условных мастеров — Моделя и Рохлина, неожиданно окончившийся победой Готгильфа. Результаты турнира видны из следующей таблицы:

Фамилии	1. Готгильф	2. Рохлин	3. Торре	4. Модель	Итого
1. Готгильф	×	1 0	1 1	0 1	4
2. Рохлин	0 1	×	½ ½	1 0	3
3. Торре	0 0	½ ½	×	1 1	3
4. Модель	1 0	0 1	0 0	×	2

В 1926 году почти во всех крупных городах СССР были разыграны очередные чемпионаты, из которых наибольший интерес представляют чемпионаты Москвы и Ленинграда. Чемпионом Москвы на 1926 год оказался А. Рабинович, который очень выдержанно провел весь турнир и в самых последних турах вырвал победу у Зубарева, все время шедшего впереди. Второй приз получил Зубарев. Третий и четвертый разделили Слоним и Холодкевич, пятый и шестой — Бернштейн и Григорьев, седьмой — Сергеев. В 1927 году чемпионат Москвы выиграл Зубарев, за ним Павлов-Пьянов, Холодкевич, Григорьев, Полляк, Сергеев и т. д.

В Ленинграде чемпионат был разыгран без Романовского, Левенфиша и А. Куббеля, что в значительной степени уменьшило значение его. Борьба происходила главным образом между Ильиным-Женевским, И. Рабиновичем, а также выдвинувшемся за последний год юным игроком — Ботвинником. Первый приз достался Ильину-Женевскому, второй и третий разделили Ботвинник и И. Рабинович, четвертый — Рохлин, пятый — Голубев и Вайт.

Фамилии	Ленинград		Фамилии	Москва	
	белые	черные		белые	черные
1. Романовский . .	$1/2$	0	А. Рабинович . . .	$1/2$	1
2. Левенфиш	$1/2$	1	Зубарев	$1/2$	0
3. Ильин-Женевский.	1	0	Ненароков	0	1
4. И. Рабинович . .	$1/2$	0	Блюменфельд . . .	$1/2$	1
5. А. Куббель . . .	1	$1/2$	Сергеев	0	$1/2$
6. Рохлин	0	0	Григорьев	0	1
7. Модель	$1/2$	0	Холодкевич	$1/2$	1
8. Голубев	0	0	Слоним	1	1
9. Каган	0	1	Бернштейн	1	0
10. Травин	$1/2$	1	Майзелис	$1/2$	0
11. Шебаршин . . .	$1/2$	$1/2$	Полляк	$1/2$	$1/2$
12. Л. Куббель . . .	$1/2$	1	Розенкранц	$1/2$	0
13. Ботвинник	$1/2$	0	Иорданский	$1/2$	1
14. Перфильев . . .	1	1	Целиков	0	0
15. Смирнов	0	0	Мусатов	1	1
16. Вайнштейн . . .	1	1	Гейлер	0	0
17. В. Юрьев	1	0	Немлихер	0	1
18. Островский . . .	1	0	Юдковский	0	1
19. Сидоров	$1/2$	$1/2$	Панченко	$1/2$	$1/2$
20. Панкратьев . . .	$1/2$	1	Карев	$1/2$	0
21. Тихомирова . . .	0	0	Блукет	1	1
22. Гирвидз	1	1	Крамер	0	0
Итого . .	$+20\,1/2$		Итого . .	$+23\,1/2$	

Большое распространение получили в СССР так называемые областные турниры, из которых наибольшее значение имеют III Поволжский турнир, победителем которого оказался Косолапов (Казань), Всеукраинский, победители—Верлинский и Марский, и Северо-Западный. Последний турнир привлек 24 участника из различных мест области, однако в число призеров попали одни только ленинградцы. Призеры двух

групп, на которые были разделены участники, составили новую группу победителей, куда вошли и два ленинградских мастера — И. Рабинович и Ильин-Женевский. Чемпионат области выиграл И. Рабинович, из десяти выигравший восемь партий, Ильин-Женевский отстал на ½ очка, третий призер—Ботвинник опередил вставшего за ним Моделя на 3 очка, показав этим высокий класс игры.

Традиционный матч в 1926 году между Москвой и Ленинградом окончился вторично в пользу Москвы, тем самым обнаружив большую выдержку московских игроков, несмотря на то, что в матче не приняли участия Верлинский, Дуз-Хотимирский и Селезнев, тогда как со стороны Ленинграда отсутствовал только Готгильф. Матч окончился с результатом 23½ — 20½ (см. стр. 230).

Однако в традиционном матче в следующем году победителем оказался Ленинград — результат огромной работы, проделанной ленинградскими профессиональными организациями по поднятию квалификации среди молодых шахматистов, которые в большом количестве участвовали в матче За годы революции это была первая победа Ленинграда Результат отдельных досок следующий (см. стр. 232).

Несколько с слабейшим составом состоялись профсоюзные матчи между Москвой и Ленинградом. В особенности был интересен матч в декабре 1926 года между сильнейшими командами обоих городов—союза совторгслужащих, окончившийся победой Ленинграда. Из других союзов выступали: металлисты, печатники, текстильщики.

Профсоюзные шахматные состязания в настоящее время являются наиболее распространенной формой, что указывает на огромную организационную работу, проводимую культотделами профсоюзов. Помимо состязаний с помощью профессиональных союзов удалось организовать в Москве, Ленинграде и некоторых других городах Высшие Шахматные Курсы, выпускающие инструкторов. В особенности много в этом отношении сделала ленинградская шахматная секция.

Большое значение в деле распространения шахматной игры по профессиональной линии сыграла командированная ВЦСПС делегация в апреле 1926 года в Иен, которая приняла участие в турнире Германского Рабочего Союза. Русские шахматисты (Тесленко, Ласман, Грязнов, Семенов и

	Фамилии	Ленинград Белые	Ленинград Черные	Фамилии	Москва Белые	Москва Черные
1	Ильин-Женевский .	0	1	Зубарев	1	0
2	И. Рабинович . . .	1	1	Верлинский	0	0
3	Романовский	1/2	1/2	Дуз-Хотимирский . .	1/2	1/2
4	Готгильф	1	0	Блюменфельд . . .	0	1
5	А. Куббель	0	1/2	Сергеев	1	1/2
6	Ботвинник	1	1/2	Григорьев	0	1/2
7	Рохлин	0	0	Холодкевич	1	1
8	Модель	1/2	1	Павлов-Пьянов . . .	1/2	0
9	Голубев	1/2	1/2	Слоним	1/2	1/2
10	Шебаршин	1	0	Бернштейн	0	1
11	Каган	1	1/2	Греков	0	1/2
12	Островский	0	1	Полляк	1	0
13	Федосеев	1/2	1	Розенкранц	1/2	0
14	Травин	0	1/2	Иорданский	1	1/2
15	Алаторцев	1	1/2	Гейлер	0	1/2
16	Перфильев	1/2	0	Рюмин	1/2	1
17	Салмин	0	1/2	Панов	1	1/2
18	Рагозин	0	1	Юдковский	1	0
19	Ривлин	1/2	1	Радугин	1/2	0
20	В. Юрьев	1/2	—	Панченко	1/2	—
21	Жилин	1/2	1	Немлихер	1/2	0
22	Б. Юрьев	1/2	1	Мусатов	1/2	0
23	Равинский	0	1/2	Карпенко	1	1/2
24	Панкратьев	0	0	Длугач	1	1
25	Вайнштейн	0	1	Фогелевич	1	0
26	Горфинкель	1	1	Шадрин	0	0
27	Гирвидз	1	1	Марачевская	0	0
28	Агеева	1/2	0	Рубцова	1/2	1
29	Тихомирова	1	1	Копьева	0	0
	Итого . .	+ 31 1/2		Итого . .	+ 25 1/2	

Фрейдберг) заняли первые места. Так же успешно окончился в пользу русских шахматистов матч со сборной командой рабочих Германии (+3 — 2½).

Еще большее значение сыграл съезд рабочего шахматного интернационала в апреле 1927 года, который организовал в Берлине два турнира и состязания команд. В главном турнире приняло участие несколько западно-европейских мастеров, так что по составу он выделяется из среды других рабочих турниров. Русские шахматисты, как видно из приводимых результатов, завоевали первенство Шахинтерна. В главном турнире победителями вышел Ильин-Женевский, а в побочном — Рагозин (8½ из 9).

Место	Участники	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Итого
1	Ильин-Женевский(СССР) .	×	½	½	½	1	½	1	1	1	1	7
2	Фишер (Австрия)	½	×	1	1	½	0	½	½	1	1	6
3	Чах (Германия)	½	0	×	½	½	1	1	½	1	½	5½
4	Наги (Венгрия)	½	0	½	×	½	1	½	½	½	1	5
5	Зигетти (Австрия)	0	½	½	½	×	½	½	½	½	1	4½
6	Зубарев (СССР)	½	1	0	0	½	×	½	1	0	½	4
7	Рагендорф (Венгрия) . . .	0	½	0	½	½	½	×	½	1	0	3½
8	Фриц-Фрейнд (Чехо-Слов.)	0	½	½	½	½	0	½	×	½	½	3½
9	Мишель (Швейцария) . . .	0	1	0	½	½	1	0	½	×	½	3
10	Шаффарчик (Германия) . .	0	1	½	0	0	½	1	½	½	×	3

Место	Команды (по 10 чел. в каждой)	1	2	3	4	5	Итого
1	СССР	×	5	6½	8	8	27½
2	Австрия	5	×	4½	6	6	21½
3	Венгрия	3½	5½	×	5	7	21
4	Дания	2	4	5	×	5½	16½
5	Германия	2	4	3	4½	×	13½

Необыкновенный рост шахматной игры в профессиональных союзах заставляет центральные шахматные органы

не ограничиваться только местными состязаниями или матчами, но и устраивать всесоюзные профессиональные состязания на первенство отдельного союза и всех союзов. В апреле 1927 года был организован Всесоюзный профессиональный турнир, в котором приняли участие даже несколько мастеров. Победителем этого турнира явился Ильин-Женевский.

Чтобы закончить исторический обзор развития русского шахматного искусства, следует еще отметить две поездки ленинградских шахматистов: в Гельсингфорс (июль 1926 г.) и Стокгольм (ноябрь 1926 г.). В первой поездке участвовали Ильин-Женевский, Левенфиш и Рохлин, которые дали с блестящим результатом сеансы одновременной игры. Больший интерес представляла встреча Ленинграда и Стокгольма. Матч окончился в пользу Ленинграда (+ 12½ — 11½). Отдельные результаты следующие:

Фамилии	Ленинград		Фамилии	Стокгольм	
	белые	черные		белые	черные
1. Ильин-Женевский	1	½	Нигольм	0	½
2. А. Куббель	½	½	Вендель	½	½
3. Рохлин	0	½	Льюнггрэн	1	½
4. Модель	0	½	Якобсон	1	½
5. Ботвинник	½	1	Штольц	½	0
6. Перфильев	0	½	Энглунд	1	½
7. Вайнштейн	½	1	Арфведсон	½	0
8. Л. Куббель	1	0	Даль	0	1
9. Салмин	½	0	Гакансон	½	1
10. Б. Юрьев	1	1	Бьерк	0	0
11. Семенов	0	1	Сьэстем	1	0
12. Мясоедов	1	0	Канов	0	1
Всего	+ 12½		Всего	+ 11½	

* * *

На-ряду с развитием русского шахматного искусства за последние годы, замечается также оживление и в области

задачного и этюдного искусства, чему больше всего способствовало появление шахматных журналов, которое дало возможность появлению новых молодых сил. Из дореволюционных композиторов наибольшей известностью пользуется маститый составитель этюдов А. А. Троицкий, выпустивший в 1914 году свои 500 этюдов, Л. И. Куббель, напечатавший в 1925 году 150 этюдов, А. И. Куббель, композитор задач, А. С. Селезнев, издавший за границей небольшой сборник своих этюдов, бр. В. и М. Платовы, также издавшие 150 избранных этюдов различных композиторов, и Л. Б. Залкинд. Эти имена еще до революции пользовались международной известностью и неоднократно получали призы на международных конкурсах. Из более молодых, отчасти уже известных до революции, выдвинулись в крупную величину Н. К. Малахов, М. Б. Нейман, Ф. Симхович и М. В. Тронов, из которых первый достиг больших успехов даже на международных конкурсах. Наконец, самое молодое поколение, прогрессирующее в композиционном искусстве, явилось в лице Л. А. Исаева, Н. Д. Григорьева, С. М. Каминера, С. С. Левмана и др. Развитие задачного и этюдного искусств привело к мысли об объединении всех композиторских сил СССР, что и осуществилось созданием при Всесоюзной шахматно-шашечной секции „Объединения любителей задач и этюдов“, выпускающего даже свой орган под названием „Задачи и этюды“.

* * *

Необыкновенный интерес к шахматной игре естественно должен был вызвать потребность в шахматной литературе, как популярной, так и рассчитанной на квалифицированного шахматиста. Можно с уверенностью сказать, что никогда еще не было выпущено такого огромного количества шахматной литературы, как за последние несколько лет. Во-первых, выходят три шахматных журнала — два в Москве, один в Ленинграде. Журнал „Шахматы“, ежемесячно выходящий с 1922 года в Москве, под редакцией Н. И. Грекова, и „Шахматный Листок“, выходящий два раза в неделю в Ленинграде с 1923 года, сначала как орган ВШС, а с 1925 года как орган Всесоюзной шахматно-шашечной секции под редакцией А. Ф. Ильина-Женевского, — обслуживают, главным

образом, квалифицированных шахматистов. Более популярный и приближающийся к уровню рядового шахматиста — это журнал „64“ („Шахматы и шашки в рабочем клубе“) под редакцией Н. В. Крыленко. К периодическим изданиям можно отнести нередко очень обширные щахматные отделы во многих столичных и провинциальных газетах. Наибольшую ценность имеют отделы в газетах „Известия ВЦИК“, „Ленинградская Правда“, „Красная Газета“, „Труд“ и др.

Потребность в хорошем руководстве ощущалась уже до революции. Однако, только за самые последние годы она была удовлетворена несколькими переводными и оригинальными сочинениями. Одной из первых книг на русском языке явился перевод книги Капабланки „Основы шахматной игры“, интересной по своему подходу к изучению шахматной игры. Здесь не дается изложение дебютов и оценка их путем указания различных вариантов, как принято обычно в общих руководствах, а указываются отдельные положения, с которыми приходится встречаться шахматисту в серединной стадии игры и в эндшпилях. Большое практическое значение имеет известный „Учебник шахматной игры“ Эм. Ласкера, а также его „Здравый смысл в шахматах“. Несмотря на то, что в последней книжке некоторые положения автора устарели, она все-таки является прекрасным пособием для начинающих. Из других руководств представляют интерес „Ультра-современная шахматная партия“ в 4 частях Тартаковера и „Моя система“ Нимцовича. Первая книга может быть рекомендована лишь для квалифицированного шахматиста.

Из руководств, написанных русскими шахматистами можно отметить „Первую книгу шахматиста“ Левенфиша и „Руководство к изучению шахматной игры“ Грекова и Ненарокова. Тем же авторам принадлежит также издание более популярной „Азбуки шахматной игры“.

Уже в указанных учебниках обращается много внимания на изложение серединной стадии игры, совершенно игнорировавшейся прежними руководствами. Специальному изложению теории середины игры посвящена книга Зноско-Боровского „Теория середины игры“, отдельные отрывки которой автором печатались в шахматном отделе „Нивы“. Разработке отдельных дебютов посвящены несколько книг:

Тартаковер „Индийская защита“, его же „Дебют будущего“, Грюнфельд „Дебют ферзевой пешки и ферзевой гамбит“, Тарраш „Защита ферзевого гамбита“, Мизес „Французская партия“.

Из других книг, представляющих интерес для шахматиста, отметим Боголюбова „Международный шахматный турнир в Москве 1925 г.“, в 2 частях, его же „Избранные партии Чигорина“, Грекова и Ненарокова „Международный шахматный турнир в Нью-Иорке 1924 г.“, Тартаковера „Освобожденные шахматы“, его же, „Нью-Иоркский матч-турнир 1927 г.“ Эм. Ласкера „Мой матч с Капабланкой“. Все эти книги представляют сборники хорошо прокомментированных партий. Менее тщательно прокомментированы партии в сборнике „Международный турнир в Баден-Бадене.

Большой популярностью пользуются статьи Рети, написанные им в разное время и изданные отдельной книжкой под названием „Новые идеи в шахматах“. Такого же характера является работа Зноско-Боровского „Шахматы и их чемпионы“ переработанная и дополненная из его старой книжки „Пути развития шахматной игры“.

Специальный интерес представляют книжки Смирнова „Красота в шахматной партии“, Бахмана „Шахматная игра в ее историческом развитии“ Дьякова, Петровского и Рудика „Психология шахматной игры“ и др.

* * *

Обращаясь к обзору отдельных русских шахматистов, мы не в праве обойти молчанием двух колоссов шахматной мысли — Алехина и Боголюбова, хотя оба они в настоящее время не являются представителями русской шахматной общественности. Тем не менее их прошлое тесно сплетено с русским шахматным искусством. Своим успехам в настоящее время они обязаны только России.

Александр Александрович Алехин родился в 1892 году. Известность он приобретает еще юным семнадцатилетним гимназистом, когда в 1909 году он получает первый приз в турнире сильнейших русских любителей и тем самым приобретает звание маэстро. Успех его был совершенно неожиданный, так как его до тех пор знали только в узком кругу любителей московских шахматистов. Его первые высту-

пления на международных турнирах не были особенно блестящи, хотя для 18-летнего шахматиста и это было большим успехом. В 1910 году он занимает в Гамбурге только 7-е место, а в 1911 году в Карлсбаде даже 8 — 11-ое место. Начало, казалось бы, не сулило блестящей будущности молодому шахматисту. Правда, в 1912 году в Стокгольме и в 1913 году в Шевенингене он получает первые призы, но эти турниры по своему составу были очень слабы и большей частью составлялись из местных игроков. Без успеха сыграл Алехин и в турнире русских маэстро в Вильне (1912 г.), где он вовсе остался без приза, заняв вместе с Левенфишем 6—8-ое место. Поэтому он не имел права участия в турнире гросмейстеров в Петербургском турнире 1914 г. Только Всероссийский турнир маэстро мог выявить кандидата. Вместе с Нимцовичем Алехин получает 1-ый приз и тем самым обеспечивает себе участие в Петербургском турнире. Здесь Алехин достигает первого крупного успеха, сразу выдвинувшего его в число мировых шахматистов. Никто не мог ожидать, что Алехин, оттеснив Рубинштейна, Бернштейна и Яновского, войдет в число пяти призеров, которые должны между собой сыграть еще по две партии. Алехин вошел последним в группу победителей, но в окончательном результате он стал на третье место после Ласкера и Капабланки. Получить звание гросмейстра в 22 года — знаменует огромный успех в жизни каждого шахматиста. А у Алехина к тому помимо молодости были еще и другие данные. Прежде всего его стиль, который мы можем наблюдать по его партиям уже в турнире любителей 1909 года, в котором очень много родственного с игрой Чигорина, т.-е. игра на атаку. Уже тогда Алехин поражает нас неожиданными жертвами фигур, стремительными прорывами и глубиной комбинаций.

После успеха в Петербурге Алехин открыто признается „восходящей звездой“, а присужденный ему первый приз в неокончившемся международном турнире в Маннгейме знаменует дальнейшие развитие Алехина. Война надолго прекращает шахматную жизнь в Европе, в том числе в России, но она не остановила и не подорвала таланта Алехина. В Олимпиаде 1920 года он берет первый приз, не проиграв, ни одной партии, но наиболее блестящих успехов достигает он после.

Победа следует одна за другой—первые призы в Триберге, Будапеште, Гааге, и все в один год. Этим самым Алехин показал, что после войны и он имеет право оспаривать первенство у чемпиона мира. Правда, не всегда ему удавалось получать первые призы, но все же никогда он не становился ниже четвертого. В Пестьене (1922 г.) ему пришлось довольствоваться вторым призом, уступив первое место Боголюбову, в Лондонском турнире он также получает второй приз, после Капабланки, в Гэстингсе (1922 г.) Алехин завоевывает первый приз, выше Рубинштейна, Боголюбова, Томаса, Тарраша и др. В Вене Алехина постигает неудача, где его опередили Рубинштейн, Тартаковер и Вольф, но в следующем Карлсбадском турнире Алехин вместе с Боголюбовым и Мароцци добивается первого приза.

Такие успехи Алехина выдвигают вопрос о новом претенденте на звание чемпиона мира. Шахматный мир открыто признает, что Алехин больше других имеет право играть с Капабланкой, если не говорить о матче-реванше между Капабланкой и Ласкером. И сам Алехин считает, что он созрел для этого матча и посылает вызов Капабланке. Осенью 1923 года он отправляется в Америку для переговоров чтобы подготовить почву для организации матча. Пребывание Алехина в Америке было настоящим триумфом для него. В различных городах он дает сеансы одновременной игры и в особенности сеансы не глядя на доску, при чем устанавливает мировой рекорд (26 партий) [1]. Переговоры длились долго, а пока вместо матча был устроен в Нью-Иорке большой международный турнир (1924 г.). Но результаты этого турнира приносят ему тягчайшее разочарование. Алехин пришел только третьим, отстав от Капабланки на $2^{1}/_{2}$ очка, а от Ласкера даже на 4. Почти в копии повторился Петербургский турнир 1914 г. Казалось, что десять лет непрерывных успехов вычеркнуты совершенно из шахматного формуляра Алехина и привели его к первоначальному моменту его шахматной карьеры, когда он был признан только третьим. После такого результата, естественно, что в шахматной прессе заговорили о матче-реванше между Ласкером

---

[1] В Париже Алехин побивает свой рекорд, сыграв одновременно, не глядя на доску, 28 партий.

и Капабланкой, а Алехин только молчаливо признавался сильнейшим после них.

Перед Алехиным встала задача реабилитировать себя каким-либо крупным успехом в глазах шахматного мира, и он после двух, так сказать, репитиционных турниров, где он берет первые призы, принимает участие в Баден-Баденском турнире (1925 г.), который собрал всех лучших шахматистов мира, кроме Ласкера и Капабланки. Алехин блестяще добивается первого приза, не проиграв ни одной партии. Этот успех снова возвращает ему моральное право оспаривать у Капабланки первенство. Алехин получает, наконец, ответ от Капабланки о согласии играть в первую очередь с ним. Конечно, организация матча между двумя сильнейшими в мире требует продолжительных подготовительных шагов.

В течение этого периода Алехин принимает участие в трех больших международных турнирах. Но уже в Земмеринге его постигает относительная неудача. Первый приз получает Шпильман, Алехин пришел вторым. В глазах шахматного мира это не может считаться неудачей. Действительно, начав с двух поражений и одной ничьей, он выигрывает одну партию за другой и только проигрыш Видмару, а затем ничья с Шпильманом отдаляют его от последняго на $^1/_2$ очка. Так же вторым после Нимцовича он приходит в следующем Дрезденском турнире. Успехи Шпильмана и Нимцовича, а еще раньше Боголюбова выдвигают новых конкурентов в борьбе с Капабланкой. Положение с вопросом о матче с Капабланкой, таким образом, осложняется новыми претендентами, при чем Нимцович даже официально вызвал чемпиона мира на матч, на что получил согласие. Этот Гордиев узел предполагалось разрубить Нью-Иоркским турниром, в котором приняли бы участие все претендующие на звание чемпиона мира, а победитель или, в случае победы Капабланки, второй призер получает право на матч. Однако, Алехин, получив уже раньше согласие, не согласился с этим пунктом программы турнира, на что Капабланка ответил, что право приоритета сохранено за ним. Алехин в Нью-Иоркском турнире пришел вторым после Капабланки, проиграв ему одну партию и три окончив в ничью.

Таков „формулярный“ список успехов Алехина. Впереди еще одно событие огромной важности в его шахматной

карьере — это матч на первенство мира с Капабланкой. Мировое первенство вновь оспаривает русский шахматист и притом один из наиболее близких по идее Чигорину. И так же как и Чигорину его соперником является представитель позиционной школы, к тому же до виртуозности владеющий техникой игры.

Уже в ранних партиях Алехина можно заметить те черты, которые наиболее выпукло и рельефно обрисовались в „зрелом“ Алехине — это комбинационность, в изобретательности которой Алехин не знает соперников. Его комбинационность не вытекает из определенного положения. Для него она возможна при всяком положении. И даже в конце игры, где все основано, казалось бы, на голой технике, он стремится провести комбинацию, которая могла бы эффектно закончить партию. Комбинационный стиль игры обязывает к жертвам не только пешек, но и крупных фигур — Алехин этого не боится. Он допускает самые рискованные жертвы, на что игрок с позиционным стилем никогда не решился бы. Но здесь кроется и слабая сторона его игры Стремления во что бы то ни стало комбинировать, чтобы избегнуть шаблона, приводят нередко к проигрышу даже значительно слабейшим игрокам. Но в целом его шахматное творчество, как неоднократно замечалось в шахматной литературе, не только приближает его к таким корифеям, как Морфи, Андерсен, Чигорин, но и ставит выше их.

Значение Алехина — не только в его практических успехах, но и в теоретической области. Здесь он обогатил теорию дебютов многочисленными новыми ходами, почти всегда с успехом применявшимся в серьезной турнирной практике. Конечно, больше всего им был разработан дебют, носящий его имя, в котором Алехиным была найдена весьма интересная и солидная защита для черных. Лишь в последнее время защита Алехина начинает выходить из моды и почти не применяется самим Алехиным.

* *
*

Ефим Дмитриевич Боголюбов позже Алехина выступил на шахматном поприще, хотя по летам он старше его на 3 года (родился в 1889 году в Киевской губ.). Не так блестяще было его первоначальное выступление. Начало его

деятельности относится к его родному городу Киеву, где он вскоре выдвигается, как сильнейший шахматист, на-ряду с Эвенсоном, Избинским, Богатырчуком и др. Всероссийские турниры, в которых он участвует с 1911 года, не приносят ему больших успехов. Лишь в Лодзинском местном турнире 1912 г. ему удалось стать на первое место выше Сальве, у которого он позже выигрывает матч (+ 5 — 3 = 2). В Вильне в 1912 году в турнире любителей он получает второй приз (ниже Громадки). Всероссийский турнир маэстро 1914 года, который должен был определить кандидата на турнир гросмейстеров в Петербурге, приносит ему условное звание маэстро. Участвуя на основании этого в международном турнире в Маннгейме, Боголюбов к моменту прекращения турнира занимал 8-е место. Интернированный в Триберге, Боголюбов всецело посвящает себя шахматам. Здесь им было сыграно с другими пленными русскими шахматистами шесть турниров, в которых пять раз он брал первые призы и в одном второй. По окончании войны Боголюбов начинает принимать участие в международных турнирах, сначала в Стокгольме, где в одном турнире он добивается первого приза, а в другом— третьего. Первый серьезный турнир был Гётеборгский, в котором Боголюбов незаслуженно, вследствие болезни, получает третий приз после Рети и Рубинштейна. Без успеха сыграл он в Будапеште в 1921 году, где он набрал лишь всего 45% выигранных партий. Впервые заставил о себе заговорить Боголюбов, как о новой крупной величине, после Пестьенского турнира, в котором он опережает даже Алехина. Новый гросмейстер участвует почти в каждом крупном международном турнире, играя с переменным успехом: Лондон (1922 г.) — 5-е место, Гэстингс (1922 г.) — 3—4, Вена (1922 г.)— 9-е место, Маргэт (1922 г.) — 2—4, Карлсбад (1923 г.) — 1—3, Острава (1923 г.) — 7—8 и Нью-Иорк (1924 г.) — 7-ое.

В 1924 году после десятилетного отсутствия Боголюбов возвращается в СССР и принимает участие в III Всесоюзном турнире, в котором легко добивается первого приза без единого поражения и при четырех ничьих. В Баден-Баденском турнире 1925 г., в котором он участвует после отъезда из СССР, он получает только четвертый приз после Алехина, Рубинштейна и Земиша. В этом же году Боголюбов участвует в Бреславльском турнире, где блестяще добивается первого приза,

демонстрировав в партиях исключительную силу и мощь. С таким же успехом сыграл Боголюбов в IV Всесоюзном турнире, почти без труда снова завоевав звание чемпиона СССР. Однако, совершенно исключительная победа досталась ему на Московском международном турнире, где он получает первый приз, опережая Ласкера и Капабланку.

Этот результат, а также первый приз в Берлинском турнире (1926 г.), естественно приводит к мысли о соперничестве Боголюбова и Капабланки. Последний сам, между прочим, выражал удивление, что Боголюбов не вызывал его на матч, однако, как заявляет Боголюбов, вызов не последовал „по причинам иного, чем шахматного порядка“. Но как бы то не было успех Боголюбова, которого не мог добиться даже Алехин, весьма знаменательный и указывает на большое дарование московского победителя.

Выступив сначала как представитель „ультра-современной“ школы, Боголюбов постепенно отходит от нее и приближается больше к позиционному методу игры. Этот переход лично ему принес много успехов, объясняемых изумительным владением техникой, не уступающей, по собственным словам Боголюбова, технике Капабланки. Приблизительно то же пишет о Боголюбове Романовский, считающий, что в отдельных случаях техника Боголюбова принимала характер ясности, методичности и точности, свойственной Капабланке. Вместе с тем в игре Боголюбова скрыты глубокие идеи и замыслы, производящие впечатление очень тонкой работы художника.

Боголюбов, как и Алехин, лучший знаток дебютов, которые он разыгрывает с изумительной легкостью и простотой. Малейшая ошибка противника в дебюте уже достаточна ему для победы. В особенности тщательно разработаны им ново-индийский вариант дебюта ферзевой пешки, названного его именем, кембридж-спрингский вариант того же дебюта и испанская партия. Это знание дебютов Боголюбов демонстрировал еще в 1920 году в матче с Рубинштейном, который он хотя и проиграл (5 + 4 = 3) [1], но переигрывал противника почти во всех партиях, притом такого противника, который считался выдающимся теоретиком нашего времени.

---

[1] В 1919 г. Боголюбов выигрывает матч у Барделебена (+ 3 — 0 = 2) в 1920 г. у Нимцовича (+ 3 — 1) и в 1924 г. у Романовского (+ 5 — 1 = 6)

* * *

Г. Я. Левенфиш (родился в 1889 году), выдвинулся как первоклассный игрок в турнирах Петербургского Шахматного Собрания, в котором он постоянно занимал первыем места. Командированный в 1911 году на Карлсбадский турнир, он добивается звания маэстро, заняв 14—16 место при 26 участниках и набрав 46% выигранных партий. В Виленском турнире маэстро в 1912 г. он вместе с Алехиным занимает 6—7 место, а в Всероссийском турнире 1914 года добивается высокого приза, заняв 5-е место. Война и революция надолго прекращают шахматную деятельность Левенфиша, которая возобновляется только с оживлением ее в Петрограде и Москве. На Олимпиаде Левенфиш получает третий приз, хотя его считали почти вернейшим кандидатом на второе место после Алехина. На всех всесоюзных турнирах Левенфиш неизменно добивается высоких призов: на II Всероссийском — II приз, после Романовского, на III — III — IV вместе с Богатырчуком позади Боголюбова и Романовского, на IV — II приз после Боголюбова. Еще с большим успехом играл Левенфиш в чемпионатах Ленинграда. С 1923 года он постоянно берет первые призы.

Московский международный турнир не увидел в числе призеров Левенфиша, неудачно начавшего турнир, однако он становится почти сейчас же за призерами, а выигрыш у Ласкера и ничья с Капабланкой еще более говорят о большом даровании Левенфиша, ставящем его в число сильнейших шахматистов в СССР. Стиль игры Левенфиша может быть характеризован, как комбинационный, что приносит ему нередко призы за красоту. Однако, далеко рассчитанные комбинации сочетаются у Левенфиша с позиционным методом игры. Знаток теории дебютов, он в 1925 году выпускает учебник „Первая книга шахматиста“, который становится популярным пособием среди русских шахматистов.

И. Л. Рабинович также питомец Петербургского Шахматного Собрания. Уже в побочном турнире в Петербурге памяти С. А. Зноско-Боровского он выдвигается на 1-е место, а в Виленском турнире любителей получает IV приз. Командированный, как сильнейший игрок 1-й категории, на главный турнир, Рабинович к моменту перерыва был на

первом месте, что дает ему право на звание маэстро. Находясь в плену в Германии и участвуя во всех трибергских турнирах, Рабинович сильно прогрессирует в игре и добивается всегда высоких призов, а один раз он становится выше Боголюбова на первое место. Участвуя по возвращении из плена во всех чемпионатах города Ленинграда и всероссийских и всесоюзных турнирах, Рабинович неизменно добивается первых призов. На Олимпиаде он получает IV приз, на II Всероссийском турнире Рабинович сыграл ниже своей силы и остается на 8-м месте, на III Всесоюзном турнире Рабинович, начав неудачно, все же получает V приз, а на IV Всесоюзном даже III, ниже только Боголюбова и Левенфиша и выше всех остальных русских мастеров.

Большого успеха достиг Рабинович в Баден-Баденском турнире, на который он был командирован, как представитель СССР. Играя с большим подъемом и даже рискованностью, не характерной для стиля его игры, Рабинович добивается VII приза — результат более чем почетный, если принять во внимание состав участников турнира. Результаты Московского международного турнира были менее почетны для Рабиновича. Начав очень хорошо турнир, Рабинович к концу его несколько сдал и остался без приза. Против Ласкера и Капабланки, однако, ему удалось сыграть в ничью.

Рабинович — наиболее яркий представитель позиционной школы в СССР, корни которой восходят к Рубинштейну. Отличное знание теории дебютов и эндшпилей выделяет Рабиновича в число сильнейших шахматистов СССР. Ему же принадлежит почти единственная и большая работа на русском языке, посвященная эндшпилю.

П. А. Романовский родился в Ленинграде в 1892 г. С шахматной игрой он познакомился очень рано и совсем юным шахматистом участвует в турнире любителей 1909 г., где он хотя приза и не получает, но становится сразу за призерами. Участвуя в многочисленных турнирах, устраиваемых Петербургским Шахматным Собранием, Романовский скоро становится сильным игроком 1-й категории, так что ему поручается играть в 1912 г. в матче с Москвой. В турнирах высших учебных заведений, организованных в связи с юбилейными торжествами Шахматного Собрания, Романовский вместе с Фрейманом получает первый приз и выигры-

вает у последнего решительный матч. В 1914 г. он был командирован в Hauptturnier B, в Маннгейм, в котором получает высокий приз. Интернированный в Германии, Романовский принимает участие в турнирах русских пленных, в которых он нередко добивается высоких мест. После полуторагодичного отсутствия он возвращается в Россию и принимает деятельное участие в оживлении шахматной жизни Петрограда. В 1920 году он добивается большого успеха, заняв в Олимпиаде 2-е место после Алехина, оставив за собой фаворитов турнира Левенфиша, И. Рабиновича и др. В следующем Всесоюзном турнире Романовский получает уже первый приз и звание чемпиона СССР. В следующем году он уступает это звание Боголюбову, однако становится вслед за ним. На основании своих прежних успехов Романовский вызывает нового чемпиона на матч, который, однако, проигрывает с результатом +1—5=6. IV Всесоюзный турнир приносит Романовскому относительный неуспех, так как он делит с Готгильфом и Ильиным-Женевским только VI—VII призы. Московский международный турнир ознаменовался крупным успехом Романовского, в котором он вместе с Рети делит VII—VIII призы, опережая многих иностранных и всех русских, если не считать Боголюбова, шахматистов. На этом турнире дарование Романовского проявилось особенно выпукло, подарив несколькими замечательными партиями, из которых партия против Торре была даже отмечена особым призом за красоту.

Романовский один из наиболее талантливых последователей заветов Чигорина. Поэтому, естественно, что идеи гипермодернизма, постоянно проводившиеся им в отдельных статьях и в практической игре, нашли в нем горячего сторонника. В настоящее время в СССР Романовский, если и уступает некоторым шахматистам в теоретических познаниях, то во всяком случае он лучший из комбинационных игроков.

А. Ф. Ильин-Женевский принадлежит к последователям позиционной школы. Выше мы уже говорили о его роли в истории развития шахматной жизни СССР, в то же время Женевский является и сильнейшим шахматистом, сделавшим большие успехи за последние годы. Шахматная деятельность Женевского началась в Петербургском

Шахматном Собрании в 1911 г, однако значительные успехи им были достигнуты после революции. Участвуя во всех всероссийских в всесоюзных турнирах, Женевский постепенно усиливался и в 1925 году вместе с Левенфишем, Рабиновичем и Романовским добивается звания чемпиона и вместе с тем условного звания мастера, которое он подтверждает на IV Всесоюзном турнире, попав в число призеров (VI—VII призы). Допущенный на основании этого успеха на Московский международный турнир, Женевский не только попадает в число призеров, но выигрывает в блестящем стиле у Капабланки, а также у Маршалля и других иностранных шахматистов. Из последних успехов отметим: первый приз во II Всесоюзном чемпионате профсоюзов и первый приз в турнире рабочего шахматного интернационала в Берлине, давши ему звание чемпиона Шахинтерна.

Ф. П. Богатырчук — уроженец гор. Киева, выделился в местных турнирах, в которых иногда становился выше Боголюбова и Эвенсона. Участвуя в Huptturnier'е А в Маннгейме, Богатырчук к моменту перерыва его был на 4-м месте. После революции успехи Богатырчука выдвигают его в число сильнейших русских мастеров. Так, на II Всероссийском турнире он добивается звания мастера, разделив с Дуз-Хотимирским и Ненароковым III—IV призы, на III Всесоюзном турнире Богатырчук с Левенфишем делит III—IV призы. На Московском международном турнире он добивается XI приза, почетного результата, если принять во внимание отсутствие большой и серьезной турнирной практики. Острая и комбинационная игра Богатырчука делают его партии интересными и доставляют ему иногда призы за красоту.

К числу комбинационных и острых игроков принадлежит также Б. М. Верлинский, который впервые выступает в турнире любителей в Петербурге в 1909 г., где занимает 9—10 место. Большой успех выпал на его долю в Южно-русском турнире, где он берет 1-й приз. В Всероссийском турнире 1911 г. он получает VII—VIII призы. Допущенный, как сильнейший любитель, на III Всесоюзный турнир, Верлинский добивается звания условного мастера, которое он подтверждает блестяще на IV Всесоюзном турнире, в котором он получает IV приз. На Московском международном турнире Верлинский становится вместе с Рубинштейном и Шпильма-

ном сразу за призерами, выиграв, между прочим, у Капабланки.

А. С. Селезнев выступает первоначально в московских турнирах 1-й категории, в которых скоро выдвигается как сильнейший любитель. Известность в России он приобретает участием в Московском чимпионате 1910 года, в котором он получает II приз, отстав только на $^1/_2$ очка от Бернштейна. Играя со средним успехом в Виленском турнире любителей и других, Селезнев участвовал в Hauptturnier'е А в Маннгейме. В плену Селезнев значительно усиливается, что доказывается не только его успехами в три, бергских турнирах, но и в международных, в которых он иногда получал высокие призы: в Остраве (1923 г.) и в Меране (1924 г.) — IV — V призы.

По возвращении в Россию после десятилетнего отсутствия Селезнев участвовал в III Всесоюзном турнире, в котором разделил с Вильнером и Ненароковым VI приз. В IV Всесоюзном турнире Селезнев остался без приза, что лишило его возможности участвовать в Московском международном турнире.

Селезнев известен не только как практический игрок, но и как известный композитор этюдов, печатавшихся даже за границей. Им был выпущен сборник 35 оригинальных этюдов.

С. Б. Готгильф выделился в турнирах Петрогубкоммуны и Петроградского Шахматного Собрания. Звание условного мастера он получает в десятерном турнире, в котором он берет третий приз без единого проигрыша, и подтверждает в IV Всесоюзном турнире, добиваясь VI — VII призов. В Московском международном турнире Готгильф сыграл неудачно, не набрав даже $^1/_3$ выигранных партий. Однако, этот результат может быть квалифицирован как временный неуспех, особенно принимая во внимание его молодость.

Я. С. Вильнер — добился звания мастера в III Всесоюзном турнире, где он вместе с Ненароковым и Селезневым получает VI приз. До этого турнира Вильнер выигрывает чемпионат Украины, получив I приз, выше Богатырчука.

Н. М. Зубарев является постоянным участником в московских турнирах. Наиболее важнейшие успехи его:

I приз в турнире городов III Всесоюзного турнира и получение звания условного мастера, которое он подтверждает на IV Всесоюзном турнире, I приз в предварительном московском турнире, который дает ему право участия в Московском международном турнире, в котором он, однако, сыграл без всякого успеха, оказавшись на последнем месте; II приз в чемпионате Москвы 1926 г., и, наконец, выигрыш чемпионата в 1927 году.

А. И. Куббель уже в 1911 году добивается крупного успеха в V Балтийском турнире, в котором он получил первый приз. Интересы его в области задачной композиции, благодаря чему его имя приобретает известность в Западной Европе, мешают занять Куббелю почетное место среди русских шахматистов. Однако, на Олимпиаде он получает V—VI призы, во II Всероссийском турнире—VI место, а в IV Всесоюзном турнире Куббель добивается звания маэстро.

А. С. Сергеев впервые выступает в серьезном состязании в турнире городов II Всероссийского турнира, в котором он получает первый приз и звание условного мастера. Однако, на следующем состязании он не подтверждает этого звания, но зато выигрывает в 1925 году чемпионат Москвы при очень сильном составе, что дает ему полное звание мастера. В IV Всесоюзном турнире Сергеев становится сразу за призерами.

В. И. Созин выделился на Новгородском турнире в конце 1923 г., в котором он становится ниже И. Рабиновича и Романовского. Звание мастера он получает в Москве на III Всесоюзном турнире выигрышем 9 партий из 17. Дальнейшие его выступления не сопровождались большим успехом.

Наконец, следует отметить: А. Я. Моделя, имеющего звание условного мастера после победы его в турнире городов IV Всесоюзного турнира; Н. Д. Григорьева, хотя и не имеющего звание мастера, но по силе вполне достойного его, о чем свидетельствуют его успехи в московских турнирах, в которых Григорьев занимает высокие места, а иногда берет и первые призы; Я. Г. Рохлина, получившего звание условного мастера ничейным результатом матча с Ильиным-Женевским.

* * *

Русское шахматное исскусство выдвинуло за последние годы ряд молодых талантливых сил, прогрессирующих в своем росте и вытесняющих старых игроков 1-й категории. Но и некоторых шахматистов 1-й категории, которые уже имеют в рядах последних насчитывается несколько шахматистов, нередко занимающих в турнирах места выше мастеров. К той и другой группе относятся: Ботвинник, Слоним, Холодкевич, Алаторцев, Жилин, Гуецкий, Иорданский, Касперский, Л. И. Куббель, Майзелис, Макагонов, Марский, Островский, Розенталь, Сорокин, Кутузов, Рагозин, Шебаршин, Павлов, Пьянов, Бернштейн, Греков, Голубев, Травин и др.

Все увеличивающиеся ряды игроков 1-й категории — залог успеха развития русского шахматного искусства в будущем.

Указатель личных имен.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЦЕНА 2 РУБ.

ТОРГСЕКТОР ИЗД-ВА „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД: УЛИЦА ГЕРЦЕНА
ДОМ № 15. ТЕЛЕФОНЫ: 217-79, 217-78.
МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:
ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—49. Т. 2-24-09.
ОТДЕЛЕНИЯ: В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ, КИЕВЕ, СВЕРДЛОВСКЕ,
НОВГОРОДЕ, ЧЕРЕПОВЦЕ И В
УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ ЛЕНИН-
ГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

